

Голенков В.А. д.т.н., профессор -
председатель
Степанов Ю.С. д.т.н., профессор -
зам. председателя
Светкин В.В. к.т.н., доцент;
Колчунов В.И. д.т.н., профессор;
Гордон В.А. д.т.н., профессор;
Константинов И.С. д.т.н.,
профессор;
Садков В.Г. д.э.н., профессор;
Радченко С.Ю. д.т.н., профессор;
Фролова Н.А. к.социол.н., доцент;
Снежко О.А. к.ю.н., доцент;
Борзенков М.И. к.т.н., доцент;
Одолеева М.В.;
Поландова Л.И.

Редколлегия серии:

Светкин В.В. к.т.н., доцент –
главный редактор;

Садков В.Г. д.э.н., профессор –
зам. главного редактора;
Аронов Д.В. д.и.н., доцент –
зам. главного редактора;
Фролова Н.А. к.социол.н., доцент;
зам. главного редактора;
Снежко О.А. к.ю.н., доцент;
зам. главного редактора;

С электронной версией архива
журнала можно ознакомиться по
адресу
<http://bali.ostu.ru>

Адрес редколлегии серии:

302020, г. Орёл, Наугорское шоссе, 40
Институт бизнеса и права ОрелГТУ
редколлегия журнала Известия ОрелГТУ.
Серия «Социально-экономические и
гуманитарные науки»
e-mail: z0604@ostu.ru; taxpol@ostu.ru.

Свидетельство о государственной
регистрации ПИ № 77-15469

Подписной индекс по каталогу
«Пресса России»
29503

Формат 69x90/8
Печать ризография. Бумага офсетная.
Печ. л. –7,9
Тираж 500 экз.

Содержание номера

I. ИСТОРИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

- Санькова С.М.
Польское восстание 1863 г. как ключевой момент в становлении
М.Н. Каткова как идеолога государственного национализма 3
Вострикова В.В.
Российские либералы об ответственности министров как институте
правового государства 8
Гронский А.Д.
Национализм или национальное движение: проблема дефиниций
белорусской активности в начале XX в. 13
Аронов Д.В., Смирнов И.С.
Костромская губерния в революции 1905-1907 гг. общая социально-
экономическая характеристика 17
Павлова О.И.
Восприятие Красной Армии и оценка ее «вождей» в среде русской
военной эмиграции 21
Королев Ю.А.
Философское сознание русской интеллигенции 24
Батищева Ю.В.
К вопросу об истории исследования юмора 35

II. ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Зорина Я.А.
Правовые основы обеспечения стабильности конституций (уставов)
субъектов Российской Федерации 39
Никифоров В.А.
Нормативно-правовые акты государственного регулирования
внешнеэкономической деятельности Часть 1. 43
Дракин А.А.
Нормы о противодействии отмыванию преступных доходов и
финансированию терроризма как межотраслевой (комплексный)
правовой институт 51
Жилыева С.К.
Исторический очерк путей решения проблемы безнадзорности и
беспризорности несовершеннолетних в России 54
Носков Б.П., Калюк А.А.
Ответственность за разглашение сведений
составляющих служебную тайну 61
Сумников В.В.
Проблемы использования цифровой фотографии
в следственной практике 64

III. СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

- Уварова В.И.
Гендерная специфика самосохранительного поведения россиян 66
Уварова В.И., Шуметов В.Г.
Модель здоровья населения г. Орла и Орловской области 70
Сычева И.Б.
Семантические компоненты вопросительных предложений 77
Барабанова Т.В.
К вопросу о заимствованиях из немецкого языка в литературных
произведениях российских классиков 79
Лякишев Д.В.
Структурные особенности заголовков прессы времён Великой
Отечественной войны 82
Макарова Н.А.
Организация хронотопа в прозаическом произведении (на примере
немецкого языка) 85

IV. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Тишаев В.В., Герасин О.Н.

Переход к инновационной модели развития как необходимое условие обеспечения национальной экономической безопасности 90

Соболева Т.С.

Типизация инвестиционного климата регионов России на основе эконометрической модели 94

Мекшенева Ж.В.

Анализ условий размещения ценных бумаг в российском секторе инновационных и растущих компаний 98

Киреева М.С.

Специфика применения системы бюджетирования ориентированного на результат при финансировании инновационных целевых программ 101

Верижникова Е.М.

Государственные корпорации и их мотивированность к инновационной деятельности 103

Мосина Е.И., Самостроенко Г.М.

Доминанты эффективной программы продвижения стратегии развития региона 106

Исаев Р.А., Кузнецов В.А.

Разработка интегрального показателя функционирования промышленного предприятия на основе методологии макросистем 110

Выходов И.А.

Анализ уровня конкуренции и эффекта «потери благосостояния» в отраслях с наличием сетевых эффектов 113

Тетков Д.В., Кузнецов В.А.

Разработка концепции структурно- стратегического реинжиниринга промышленного предприятия 116

I. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Санькова С.М.

ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 г. КАК КЛЮЧЕВОЙ МОМЕНТ В СТАНОВЛЕНИИ М.Н. КАТКОВА КАК ИДЕОЛОГА ГОСУДАРСТВЕННОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Орловский государственный технический университет

В отечественной историографии 1863 г. традиционно называется одним из наиболее значимых для идеологической эволюции М. Н. Каткова в сторону более крайнего консерватизма. Более того, именно выступления Каткова по поводу польских событий в только что перешедших в его руки «Московских ведомостях» дали основание и его противникам и его поклонникам окрестить его националистом. Данная работа посвящена попытке, на основании анализа историографии, определить явления, происходившие не собственно в Царстве Польском, а в центральной России, которые побудили Каткова стать выразителем идеологии государственного национализма.

Чем же всколыхнуло Каткова польское восстание? Думается, в первую очередь не столько не решительностью действий правительства перед лицом европейских государств, сколько отношением к этим событиям в так называемом просвещенном обществе. В эпоху Александра II либерализм стал не только модным, но и самодовлеющим фактором общественной жизни. Польское восстание, не без подачи «Колокола» Герцена, было воспринято однозначно как борьба за либеральные свободы. Эту позицию еще до революции прекрасно прокомментировал Р.И. Сементковский: «Взоры тогдашних выдающихся писателей были направлены на Европу. Оттуда ожидалось обновление русской жизни; там сосредоточивались симпатии русских интеллигентных людей. Польша представлялась до некоторой степени представительницей начал западной жизни. При таком настроении общественного мнения польское восстание истолковывалось в смысле стремления к свободе и Польша внушала к себе сочувствие» [1]. Любимов высказывался более резко: «В том круге, где слагается общественное мнение, в большинстве господствовали крайнее политическое недомыслие, податливость на обман и готовность продать интересы страны на жертву фальшивому либерализму» [2]. По воспоминаниям Д.А. Милютин, многие печатные издания «явно выказывали сочувствие к полякам во имя либеральных принципов...» [3]. При этом восхищение «несокрушимую живучестью патриотизма в польском дворянстве, вызывавшего всегда искреннее к себе уважение», было бы безобидно, если бы не высказывалось публично как раз в тот момент, когда в Варшаве уже происходили уличные беспорядки [4]. Показательна статья Страхова, опубликованная во «Времени» Достоевского, в которой автор признавал польскую культуру хотя во многом и заимствованной с Запада, но более высокой, чем русская. Критика Катковым этой статьи вызвала закрытие самого печатного органа. Однако Катков вовсе не преследовал своими статьями такой цели и лично хлопотал о разрешении Достоевскому нового издания – журнала «Эпоха» [5].

В этой связи очень важным представляется замечание современного исследователя Ю.А. Матвеевой, которая в ходе анализа отношений Каткова, почвенников и славянофилов обращает внимание на осуждение Катковым критики Польши как таковой. «По мнению Каткова, - пишет автор, - поляков надо осуждать не за их цивилизацию, а за их притязания, которые Россия не может удовлетворить, и для этого вовсе нет необходимости затрагивать глубинные вопросы о межцивилизационных различиях и гибельности польской культуры...» [6]. Либеральное общественное мнение не видело или не хотело видеть, что польское восстание выдвигает националистические, но отнюдь не социальные лозунги, подкрепленные далеко не либеральными действиями, как-то: убийство крестьян, православных священников, пытки и казни чиновников и пленных офицеров.

Реакция различных слоев общества на статьи Каткова по польскому вопросу была представлена в работе В.Г. Ревуненкова. Он отмечал, что издания Каткова имели «восторженный прием и в канцеляриях различных министерств и управлений, и в великосветских гостиных, и в литературных клубах, и в купеческих рядах, и в захолустной помещичьей усадьбе» [7]. В то же время автор указывал на негативную реакцию со стороны демократического лагеря, приводя в качестве примера значительный обзор статей М.Е. Салтыкова-Щедрина и Г.З. Елисеева, написанных «эзоповым языком» направленных против Каткова.

Растерянность, охватившая либеральное русское общество в первые месяцы восстания и полностью передавшая инициативу в руки Каткова, на наш взгляд, в последующем заставила партийные образования пореформенной России действовать в уже сформированном Катковым идеологическом пространстве и тем или иным способом солидаризироваться с ним. Подробный обзор взглядов различных политических партий и правительственных группировок на польские события дает в своей монографии В.А. Твардовская. Она отмечает, что газету Каткова поддерживал поначалу лишь милютинский «Русский инвалид» и позднее муравьевский «Виленский вестник». Военные и административные успехи закрепившие успех национальной идеи Каткова, заставили оппонентов пересмотреть свои взгляды. Впрочем, даже в поддержке Каткова они не отличались принципиальностью, оставляя себе некоторые пути к отступлению. По замечанию Твардовской, Катков «не без едкости высмеивал» подобную двойственность: «Только некоторым писателям простительно в одно и то же время удивляться блестящему патриотизму польского движения и советовать, тем не менее, деятельно приступить к его подавлению хотя бы «самыми энергичными мерами», разумея под этими мерами бог знает что» [8].

На наш взгляд, несомненной заслугой Твардовской является то, что она обратила внимание на отмечавшуюся Катковым опасность использования монархических лозунгов при ведении революционной пропаганды. Не случайно использованию подложного «золотого манифеста» отводилась основная роль в планах русских и польских революционеров по захвату Нижнего Новгорода и распространению крестьянских волнений в Поволжье. Твардовская также подробно разбирает крайне важный вопрос крестьянского сопротивления польским мятежникам. В отрядах сельской самообороны, по сути блокировавших распространение восстания на территорию Украины и Белоруссии и фактически выполнявших функции пограничного кордона с Австрией и Пруссией, Катков, по мысли Твардовской, видел «средство подтверждения и поддержания патриотизма». Отстаивая идею городской и сельской стражи он настаивал на создании добровольного внесловного ополчения, хорошо организованного и вооруженного, с обширными военно-полицейскими полномочиями, которое не только «привело бы в уныние польскую революцию», но и «сразу пришибло бы все дурные элементы, которые бродят у нас в промежутках общества» [9]. Идея Каткова о «городской страже», частично осуществленная Муравьевым в Западном крае, получила одобрение со стороны «национальной партии» (братья Милютины, Д.Н. Блюдов, А.А. Суворов), но встретила решительный отпор со стороны группировки П.П. Гагарина, В.Н. Панина, В.А. Долгорукого во главе с П.А. Валуевым.

В рецензии на монографию Твардовской П.А. Зайончковский справедливо замечал, что если бы крестьянское движение в рамках польского восстания было только социальным, то М.Н. Муравьев «не мог бы в своей политике опираться на белорусское крестьянство, выступавшее против польских помещиков», в действительности же «крестьянское движение в этом крае носило не только социальный, но и национальный характер» [10].

Второй важный момент, о котором «забывала» либеральная общественность, – это то, что действия Польши были направлены объективно против Российского государства, гражданами которого эта общественность состояла. Наполеон III, поддержавший восстание, обещал полякам при восстановлении государства включить в него все местности, где будет пролита кровь мятежников, [11] что вызвало появление отдельных отрядов в Литве, Белоруссии и даже Киевской губернии.

Одной из первых в постсоветский период обращает внимание на тот факт, что «инсургенты сражались не за освобождение польского народа, а за восстановление Речи Посполитой «от моря до моря» и рассчитывали на интервенцию Запада и революцию внутри России», Г.Н. Лебедева. [12]

Опираясь на исследование А.Б. Широкограда, посвященное русско-английским отношениям, в том числе и в рассматриваемый нами период, можно констатировать, что общественные слои, поддерживавшие польских повстанцев, не желали видеть реальной стороны восстания, которая заключалась в том, что «создание Польши в границах 1772 г. было бы катастрофой для России» [13]. Впрочем, еще большее пренебрежение либеральная общественность проявляла к судьбе восставшей Польши. Гипотетическое «освобождение» привело бы к немедленной оккупации ее территории прусскими войсками и восстановлению Южной Пруссии в границах, существовавших до 1805 г. «Через три года, – высказывался Бисмарк в кулуарной беседе, – все там было бы германизировано» [14]. В этой ситуации поляки могли апеллировать лишь к туманным обещаниям Франции, которая спустя десятилетие сама была оккупирована в ходе франко-прусской войны.

В целом следует отметить, что тема реакции различных слоев российской общественности на восстание в Царстве Польском, равно как и ее интерпретация Катковым, не получила должного детального освещения в отечественной историографии. Это было обусловлено тем, что длительный период в силу политических причин внимание акцентировалось только на реакции тех общественных слоев, которые в духе интернационализма выражали поддержку польским повстанцам. Между тем такое исследование могло бы пролить дополнительный свет и на саму сущность восстания, и на действия различных общественных и правительственных сил.

Выступление поляков удачно использовали ведущие европейские страны для дипломатического давления на Россию, которая, как они полагали, в связи с отменой крепостного права находилась на грани революции и по слабости своей не могла сопротивляться. Н.П. Мещерский вспоминал: «Европа, за исключением Пруссии, вдруг яростно обрушилась на Россию, под водительством Англии и Франции, в защиту мнимых прав поляков, основанных на давно обветшалых хартиях Венского конгресса. <...> Существовавшие тогда газеты – печатью неудобно было бы их назвать – безмолвствовали или сочувствовали более или менее явно движению, тем более что даже начальство цензуры держалось того же направления...» [15]. Схожие характеристики давали и другие современники событий, придерживавшиеся консервативных взглядов. «Мыслящая Россия, – вспоминал В.А. Грингмут, – была вполне уверена в своей бессилии. <...> Пожертвовать Польшей, чтобы, по крайней мере, сохранить Литву и избежать новой войны и повторения крымского поражения, – вот общественные настроения» [16].

Подробный разбор дипломатического кризиса 1863 г. стал предметом исследования В.Г. Ревуненкова. Основную роль в защите национальных интересов России автор отводил дипломатической деятельности А.М. Горчакова и публицистике Каткова. Автор, проводя мысль о несостоятельности давления держав на Россию, показывал, насколько данный фактор не был очевиден для современников. Сформированный комитет для безотлагательного приведения Кронштадта в оборонительное положение констатировал, что крепость обречена, а «при настойчивости и умении противника сама столица не может считаться вне опасности» [17]. Будущий диктатор Муравьев отмечал весной 1863 г. общую панику между главными правительственными деятелями. «Они боялись уже не за Литву, – вспоминал он, – а за Петербург и за себя» [18]. Даже в русском дипломатическом корпусе царила растерянность. Ревуненков приводил фрагмент конфиденциальной переписки Горчакова, описывавший катастрофическое положение России и заканчивавшийся словами: «Самое главное состоит в том, чтобы мы сами не бросили нашего дела» [19].

Господствовавшему в обществе чувству ожидания войны Ревуненков противопоставлял позицию Каткова. Характерно, что, разбирая данный вопрос, Катков обращался к здравому смыслу читателя. «На угрозы конгрессом или войною, – писал он, – могли бы мы отвечать спокойной улыбкой: европейский конгресс – дело нелегкое, а война и подавно...» Анализируя ноты держав, взбудора-

жившие общественное мнение, Катков указывал: «Союз враждебных нам держав подкрепляет свои требования не какими-либо приготовлениями к войне, а пустыми демонстрациями фальшиво возбужденного общественного мнения» [20]. Однако типичными для русской общественности, как отмечал Ревуненков, были настроения К.Д. Кавелина, готового в будущей войне стать «полковым или ротным писарем», или Ф.И. Тютчева, указывавшего даже сроки появления неприятельской эскадры [21]. Подытоживая настроения русского общества того времени, Ревуненков отмечал: «Почти все уверовали в неизбежность нового столкновения с Европой, еще более грозного, чем в Крымской войне». В данной ситуации автор отдавал должное Каткову, который «лучше, чем кто-либо из его коллег, разглядел действительное положение вещей в Европе. Он понял, что под маской кажущегося единодушия держав скрываются непримиримые внутренние противоречия, осуждающие их на полное бессилие». Характеризуя ту линию поведения, которую Катков рекомендовал царскому правительству, Ревуненков полагал, что «это была единственная линия, придерживаясь которой царизм мог победить» [22].

Характерно, что если Горчаков в борьбе с иностранными кабинетами апеллировал к различиям трактовок дипломатических актов, Катков обращался к ментальности вероятного противника как к теме более понятной для простого обывателя. «Англичане остаются, чем были, народом практическим и миролюбивым, – писал он в разгар кризиса. – Они нисколько не готовятся к войне... Крик в пользу Польши производится ими искусственно...» [23]. О том, насколько проницательной была позиция Каткова, говорит приведенная Ревуненковым статья «Times» периода окончания антирусской кампании: «Английский народ не желает войны с Россией. Мы надеемся, что для поляков будет сделано все, что для них может сделать дипломатия. Но всякий министр, на которого падет лишь подозрение, что он намерен вовлечь Англию в войну... недолго останется министром» [24].

Современный исследователь национальных взглядов Каткова О.В. Кузнецов полагает, что важность той или иной национальной проблемы определялась для Каткова в первую очередь степенью ее угрозы целостности государства, а во вторую – «внешним фактором», поэтому на первом месте для него стоял польский вопрос, так как в нем «переплелись претензии самих поляков на восстановление так называемой Старой Польши, включавшей исконно русские земли, и стремление европейских держав воспользоваться ситуацией и ослабить Россию» [25]. В этой связи Г.П. Измestьева отмечает, что петербургская печать в большинстве своем обсуждала «вопрос о необходимости дать свободу нациям, ее добывающимся, и о том, в какой степени можно было бы допустить расчленение России на федеративные государства» [26].

Обратившийся в 2004 г. к теме отражения событий польского восстания в российской прессе С. Халидов, отмечая «огромное внимание», которое Катков «придавал международному аспекту польского восстания», в противоположность Ревуненкову утверждает, что Катков «увидел в интересе к польскому вопросу со стороны Англии, Франции и Австрии угрозу не только национальной целостности и неделимости России, но и угрозу мировой войны». В заявлениях Каткова автор просматривает уверенность в том, что Россия «фактически была поставлена перед выбором – или потерять звание великой державы и авторитет на международной арене, или оказаться втянутой в войну, к которой, как наглядно показала Крымская кампания, она не была готова» [27].

Таким образом, мы видим, что тема давления европейских стран, оказываемого на Россию в период польского восстания, в дореволюционный период поднималась только консервативно настроенными авторами, как правило, являвшимися современниками событий. Либерально ориентированная дореволюционная историография обходила данную тему вниманием в первую очередь по причине собственной ориентированности на Европу, рассчитывая, и, как показали события февраля 1917 г., не безосновательно, на ее поддержку в случае попыток насильственного преобразования государственного строя в самой России. Показательно, что как в 1863 г., так и в 1917 г. основной целью европейских государств являлось использование кризисной внутривнутриполитической ситуации в России для ослабления ее международных позиций. И урок 1863 г. отечественными либералами не был извлечен, что во многом способствовало приходу к власти в октябре 1917 г. большевиков. К сожалению, и в советский период

внешнеполитический аспект польского восстания 1863 г. не получил должного освещения, хотя в целом напряженные отношения с капиталистически ориентированной Западной Европой создавали для этого благоприятную идеологическую обстановку. После Великой Отечественной войны в качестве причины, не позволявшей активно развивать данную тему, была идеологическая установка: не акцентировать внимание на столкновении государственных интересов России и Царства Польского ввиду дружественных отношений, установившихся между двумя государствами в данный период. Единственным исключением стала работа В.Г. Ревуненкова, появившаяся на волне «оттепели», специально посвященная теме роли европейской дипломатии в польских событиях 1863 г. Автор отдавал должное Каткову, не без поддержки которого российской дипломатии удалось убедить общественное мнение в необоснованности боязни европейского военного вмешательства в дела Российской империи и отстоять уверенность в разрешении внутривосточных проблем.

Обращение к данной теме в последние годы происходит уже с учетом недавнего опыта периода «перестройки», когда развитые капиталистические государства сумели воспользоваться ослаблением российской государственности с целью навязывания своих моделей внешнеполитической стратегии для России, которые на десятилетие вывели ее из активной международной политики и сильно подорвали ее международный авторитет. В этой связи твердая позиция Каткова, не позволившая правительственным кругам поддаться иностранному вмешательству в действия России по отношению к одной из своих составных частей, положительно оценивается рядом современных историков, как отвечающая национальным интересам государства.

1. Сементковский Р.И. Михаил Катков // Гаррик. Волков. Щепкин. Катков. Салтыков-Щедрин: Биограф. Повествования. Челябинск, 1998. С. 335.
2. Любимов Н.А. М. Н. Катков и его историческая заслуга. По документам и личным воспоминаниям. СПб., 1889. С. 7.
3. Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864. М., 2003. С. 252.
4. Выдержка из газеты «День» 1862 г. цит. по: Цветков К. Н. Последнее слово Н. М. Павлову. М., 1895. С. 15.
5. Корнилов А.А. Общественное движение при Александре II (1855 – 1881). Исторические очерки. М., 1909. С. 160.
6. Матвеева Ю.А. Отношения почвенников, М. Н. Каткова и славянофилов // SCHOLA-2001. М., 2001. С. 140.
7. Ревуненков В.Г. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957. С. 247.
8. Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия. (М. Н. Катков и его издания). М., 1978. С. 56.
9. Там же. С. 54.
10. Зайончковский П. А. В. А. Твардовская. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания) // Вопросы истории. 1979. № 6. С. 125.
11. Россия под скипетром Романовых. СПб., 1912. С. 192.
12. Лебедева Г. Н. Социально-философская концепция русского консерватизма в творчестве М. Н. Каткова: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1996. С. 12.
13. Широкопад А.Б. Россия-Англия: неизвестная война, 1857–1907. М., 2003. С. 58.
14. Там же. С. 60.
15. Мещерский. Н.П. Воспоминания о Михаиле Никифоровиче Каткове. Письма в Тверитино // Воспоминания о М. Н. Каткове. Б. м. и г. С. 13.
16. Грингмут В.М. Н. Катков как государственный деятель. // Воспоминания о М. Н. Каткове. Б. м. и г. С. 52–53.
17. Ревуненков В. Г. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957. С. 258.
18. Муравьев М.Н. Указ. раб. С. 391.
19. Ревуненков В.Г. Указ. раб. С. 258.
20. Там же. С. 290.
21. Там же.
22. Там же. С. 291.
23. Там же. С. 252.
24. Там же. С. 315.
25. Кузнецов О. В. Национальный вопрос в публицистике М. Н. Каткова (1860-е годы) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Философия. Выпуск 5. 2000. С.40–49. С. 49.
26. Измestьева Г.П. Михаил Никифорович Катков. // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 79.
27. Халидов С. Польский вопрос в публицистике А. И. Герцена (1861-1867 гг.). М., 2004. С. 167.

Вострикова В.В.

РОССИЙСКИЕ ЛИБЕРАЛЫ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МИНИСТРОВ КАК ИНСТИТУТЕ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Всероссийский заочный финансово-экономический институт (филиал в г. Орле)

Важнейшей составляющей процесса системной трансформации постсоветской России является реформа политической системы, конечной целью которой выступает создание правового демократического государства. В связи с этим весьма актуально обращение к модели правового государства, разработанной российскими либералами в начале прошлого века. Попытка системного анализа данной модели предпринята в работах В.В. Шелохаева и А.Н. Медушевского, [1] вместе с тем, углубленного исследования заслуживают отдельные элементы и механизмы правового государства, одним из которых является институт ответственности министров. В настоящей статье автором ставятся задачи рассмотрения общетеоретических воззрений отечественных либеральных государствоведов на проблему ответственности министров, а также изучения отражения требования ответственности министров в программатике российского либерализма начала XX в.

Данными задачами обуславливается источниковая база работы. Это труды виднейших представителей российского либерализма по государственному праву; либеральные проекты Основного закона Российской империи и сопутствовавшие их разработке материалы; документы, относящиеся к программатике либеральных партий; мемуары и публицистические работы либеральных деятелей.

В российском либеральном государствоведении начала XX века ответственность министров рассматривалась как одна из важнейших конституционных гарантий подзаконности исполнительной власти, правомерного характера ее деятельности, а значит, и соблюдения прав и свобод граждан.

Российские государствоведы выделяли два вида ответственности министров: юридическую (судебную) и политическую. Первая включала в себя ответственность уголовную, предусматривавшуюся за злоупотребления властью, и гражданскую, состоявшую в возмещении министрами убытков, причиненных их противозаконными действиями. Под ответственностью политической понималась ответственность как за целесообразность конкретных политических шагов, так и за политический курс в целом. Помимо того, министры несли ответственность и за бездействие, несвоевременное принятие необходимых мер [2].

Характер ответственности министров либералы увязывали с формой правления. Как отмечал В.М. Гессен, в абсолютистских государствах и юридическую, и политическую ответственность министры несут перед монархом. Однако первая реального значения лишена, ибо монарх в любом случае предпочитает просто уволить неугодного министра. К тому же, судебный процесс над представителем власти рассматривается правящей элитой как фактор, подрывающий престиж власти, и, следовательно, политически вредный. В дуалистических государствах существует политическая ответственность министров перед главой государства (монархом или президентом) и судебная ответственность перед парламентом, но на практике, по замечанию В.М. Гессена, последняя служит гарантией не столько закономерности, сколько целесообразности действий правительства [3]. Для парламентарных государств характерно наличие обоих видов министерской ответственности перед парламентом, причем судебная ответственность здесь теряет свое практическое значение и главным средством парламентского контроля за правительством становится ответственность политическая. Суть ее заключается в том, что в случае получения министерством вотума недоверия парламента, оно немедленно уходит в отставку [4].

Политическую ответственность министров либералы считали более действенной и справедливой мерой, нежели ответственность юридическая. Действенность политической ответственности, по мнению государствоведов, обуславливалась прежде всего тем, что процедура принятия решения об отставке правительства парламентом была значительно проще и быстрее, нежели процесс предания

министров суду. Справедливость политической ответственности либералы видели в адекватности наказания совершенной министром ошибке. Ведь до появления института политической ответственности министры нередко подвергались строгим уголовным наказаниям за действия, по сути своей не преступные, а просто нецелесообразные с политической точки зрения. Множество таких примеров либералы находили в истории Англии. Как отмечал М.М. Ковалевский, в XVII в. здесь прошло несколько судебных процессов, закончившихся для подсудимых министров смертной казнью, хотя состав преступления в действиях последних отсутствовал. Несоразмерность наказания ошибочным действиям министров была настолько разительна, что М.М. Ковалевский назвал политическую ответственность «якорем спасения» для министров [5].

Либералы указывали на вариативность процедуры юридической ответственности министров в законодательстве разных стран. Органом привлечения к суду везде являлся парламент, причем в одних странах (Англия, Франция, Бельгия, Италия) – нижняя палата, в других (Австрия, Пруссия, Румыния) – каждая из палат, в третьих (Бавария, Саксония) – обе палаты. По мнению С.А. Котляревского, наиболее ограничивал права парламента последний вариант, тогда как второй, напротив, облегчал процедуру предания министров суду. В качестве судебной инстанции могли выступать либо высший существующий в государстве суд (Бельгия, Румыния, Пруссия), либо специально образованный особый суд (Австрия, Венгрия, Саксония, Швеция), либо верхняя палата парламента (Англия). Однако английская практика подвергалась серьезной критике со стороны большинства юристов, в том числе и российских, считавших палату лордов недостаточно компетентной в судебных вопросах [6]. Отечественные либеральные государствоведы настаивали на том, что само судебное разбирательство должно быть делом только судебной власти (обычной высшей либо специально организованной судебной инстанции), тогда как правом предания министров суду целесообразно наделить и судебную инстанцию, и парламент [7].

Возникновение в конституционных государствах института ответственности министров перед парламентом, российские либералы связывали с объективной потребностью защиты основ конституционного порядка от посягательств консервативных сил, прежде всего в лице монарха и бюрократии, стремившихся сохранить свои властные прерогативы. По замечанию А.К. Дживелегова, введение конституции, как правило, является результатом борьбы прогрессивной части общества с отжившими политическими порядками, конституционные гарантии приходится буквально вырывать у абсолютизма, который идет на уступки, лишь покоряясь силе и не имея другого выхода. Однако «абсолютный монарх и особенно его окружающие редко обнаруживают склонность примириться с новым положением окончательно, – писал либерал. – Они подстерегают момент, когда можно было бы нанести новому порядку неожиданный удар и вернуть старое положение» [8]. Угроза реставрации абсолютистских порядков и заставляла искать средства, обеспечивающие прочную защиту конституционных завоеваний. По образному выражению А.К. Дживелегова, «в царстве свободы, каким является правовое или конституционное государство, у свободы всегда есть враги, для обуздания которых нужны оковы» [9]. Первоначально в качестве гарантии неприкосновенности конституционного порядка полагались на торжественное обещание монарха или лица, стоящего во главе правительства. Однако относительность подобной гарантии стала очевидной очень скоро, ведь слишком велик был соблазн нарушения присяги главой государства, поскольку выгода от данного шага была несоизмеримо больше грозившего монарху общественного порицания. В связи с необходимостью более жесткой защиты неприкосновенности конституционного порядка был введен институт ответственности министров перед парламентом [10].

Как отмечал С. А. Котляревский, в конституционных монархиях король не мог подлежать такой ответственности, ведь она неизбежно предполагала бы возможность его низложения, т.е. акт по существу революционный [11]. Кроме того, постоянная критика парламентом монарха несомненно была бы фактором, дестабилизирующим политическую ситуацию [12]. Исходя из этого, констатировали либералы, в конституционном праве закрепился принцип личной безответственности монарха,

базирующийся на формуле «монарх царствует, но не правит» и юридической фикции «король не может поступать дурно». Любой правовой акт от имени монарха, прежде чем будет принят к исполнению, подлежит скрепе соответствующего министра, тем самым возлагающего на себя ответственность за правомерность и целесообразность данного распоряжения.

С резкой критикой утвердившегося в конституционном праве обоснования безответственности монарха выступил В.М. Гессен. По его мнению, фикция о непогрешимости монарха возникла на почве устаревших мистически-религиозных представлений о сверхъестественном происхождении монархической власти, а положение о царствующем, но не управляющем монархе абсолютно не соответствовало политической практике даже парламентарных стран. Так, указывал либерал, в Англии монарх принимает активное участие в государственной жизни, хотя степень такого участия и варьируется в зависимости от политической конъюнктуры и личности монарха. Министры в парламентарных странах находятся в определенной зависимости и от политических воззрений, и от волевых импульсов монарха. Еще более значительна такая зависимость в дуалистических монархиях, о чем, с точки зрения В.М. Гессена, ярко свидетельствует политический опыт Пруссии, где фактическим правителем выступает король [13].

Исходя из положения об активной роли монарха в парламентарном государстве, В.М. Гессен настаивал на двойной политической ответственности правительства в государствах этого типа: и перед народным представительством, и перед монархом. Как орган правительственной власти, отмечал либерал, министерство не может быть ответственно ни перед кем, кроме монарха. Как самостоятельное конституционное учреждение правительство ответственно перед законодательной властью. А поскольку такая власть – «король в парламенте» – министерство ответственно и перед парламентом, и перед монархом [14].

Расценивая политическую ответственность министров как эффективное средство контроля за исполнительной властью, российские либералы тем не менее предостерегали от введения данной меры в законодательство и в практику без наличия ряда условий, необходимых для ее планомерного осуществления. Одним из них государствоведы считали формирование устойчивого парламентского большинства, призванного обеспечить устойчивость опирающегося на него правительства и стабильность политического курса. Постоянная перегруппировка политических сил в парламенте, указывали либералы, чревата частой сменой как отдельных министров, так и правительства в целом, что, в свою очередь, самым негативным образом может сказаться на различных сферах государственной жизни. Вместе с тем, либералы отмечали, что не всякое парламентское большинство способно сформировать кабинет, пользующийся доверием страны, особенно если депутаты парламента избираются на цензовой основе. Поэтому главное условие осуществления политической ответственности министров как конституционного принципа, обеспечивающего защиту интересов большинства населения, либералы видели в демократическом избирательном праве. Таким образом, становление института политической ответственности министров представлялось государствоведам органичной составляющей процесса эволюции конституционного государства в направлении развития демократических и правовых начал [15].

Это обусловило включение положения об ответственности министров во многие конституционные либеральные проекты. В частности, освобожденческий проект предусматривал политическую ответственность министров перед Думой за общий ход государственного управления, а также их уголовную и гражданскую ответственность на общих основаниях за нарушение законов [16]. Более осторожно принцип ответственности министров проводился в проекте С.А. Муромцева. Здесь различалось два рода ответственности – индивидуальная и коллективная, причем в обоих случаях речь шла теоретически о политической ответственности министерства перед законодательной властью, хотя в категориях публичного права это сформулировано не было. Открыто утверждалось лишь требование гражданской и уголовной ответственности министров. В результате ответственность министров за проводимый политический курс трансформировалась в их ответственность как отдельных чиновников за конкретные должностные преступления [17].

Требование политической ответственности министров перед народным представительством содержалось в программах ряда либеральных партий: конституционно-демократической, партии демократических реформ, партии мирного обновления. «Союз 17 октября» счел возможным продекларировать лишь строгую гражданскую и уголовную ответственность административных властей за нарушение законов и прав частных лиц [18].

Особую остроту вопрос об ответственности министров приобрел в связи с выходом Основных законов Российской империи и созывом I Государственной думы. Резко отрицательно систему ответственности министров, закрепленную в Основных законах, оценивали кадеты. Согласно российскому законодательству, за общий ход государственного управления, а также за действия и распоряжения каждого в отдельности министры были ответственны только перед Государем. Государственной думе и Госсовету предоставлялось право запроса министрам, но лишь в отношении противоправных действий последних. И даже если палаты парламента не удовлетворялись объяснениями министра, окончательное решение о привлечении его к ответственности принималось монархом. Такой порядок министерской ответственности, по мнению В.В. Ивановского, в сущности означал, что в России нет никакой конституционной ответственности министров, и пока палатам парламента не будет предоставлено право самостоятельно привлекать министров хотя бы к судебной ответственности, нельзя говорить и об установлении в России конституционного строя [19]. Что же касается политической ответственности министров, то как указывал С.А. Котляревский, эта идея была совершенно чужда Основным законам и, по-видимому, отвергалась их авторами в принципе. В итоге В.М. Гессен назвал Россию «наименее правовым из всех правовых государств», уступающим в плане организации ответственности министров даже Пруссии [20].

Активную борьбу за установление политической ответственности министерства перед народным представительством кадеты развернули в I Думе. Большой общественный резонанс имела речь В.Д. Набокова по поводу думского адреса, завершившаяся ставшими крылатыми словами: «Власть исполнительная да подчинится власти законодательной» [21]. Отстаивая свою позицию, кадеты отмечали, что без введения ответственности министров перед парламентом вся законодательная деятельность последнего фактически не имеет смысла, ибо отсутствует конституционный механизм, позволяющий заставить правительство проводить принятые законы в жизнь. Кроме того, министерская ответственность, с точки зрения кадетов, должна была способствовать превращению Думы из политической трибуны в планомерно работающий законодательный орган, поскольку депутаты уже не смогут заниматься политическим прожектерством ввиду собственной ответственности за осуществимость одобряемых законодательных актов [22]. И, наконец, институт ответственности министров, по убеждению П.Н. Милюкова, должен был сыграть роль эффективного механизма при разрешении конфликтов между законодательной и исполнительной властью, что особенно важно в условиях становления представительных учреждений, когда отсутствует опыт достижения компромисса между двумя ветвями власти [23].

Несмотря на логичность и резонансность аргументации, кадетам не удалось провести принцип ответственности министров перед парламентом ни в российское законодательство, ни в практику в период работы I и II Государственных дум.

Вновь вопрос о политической ответственности министров перед парламентом был поднят в IV Думе по инициативе прогрессистов. Поддерживая в принципе институт ответственности министров, октябристы высказались против его немедленного введения, поскольку считали данную меру несвоевременной. По этой же причине, по словам П.Н. Милюкова, воздержались при голосовании кадеты. Ф.Ф. Кокошкин, более рельефно обозначивший позицию партии народной свободы, указывал, что немедленное провозглашение принципа ответственного перед Думой министерства взамен ранее выдвигавшегося требования министерства общественного доверия, означало бы признание того, что органом, выражающим это доверие, является Дума. Позиционирование нижней палаты парламента в таком качестве либерал считал политически рискованным, ибо сам депутатский корпус,

формируясь на цензовой основе, не адекватно отражал настроения населения, и в самой Думе устойчивость сложившегося Прогрессивного блока вызывала серьезные сомнения. И как бы ни было провозглашение парламентской ответственности министров ценно само по себе, отмечал Ф.Ф. Кокошкин, важно не столько это, сколько фактическое проведение в жизнь того, что составляет смысл и сущность института ответственности министров – гармоничного взаимодействия общества и исполнительной власти. Парламент в данном случае выступает в роли посредника между ними, обеспечивая соответствие правительственной политики общественным чаяниям [24].

Актуальность этих размышлений либералов очевидна и для современной России. Повышение эффективности и ответственности исполнительной власти является сегодня одной из важнейших политических задач. Весьма современно звучит и утверждение российских либералов о том, что институт ответственности министров в значительной мере «способствует созданию хороших министров» [25]. В целом же, как отмечал А. К. Дживелегов, на примере института ответственности министров «оправдывается правило, приложимое к любой конституционной гарантии. Свобода будет достоянием только того народа, который заявит себя способным завоевать ее и отстоять против всех враждебных покушений» [26].

1. Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996; Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997.
2. Гессен В. М. Основы конституционного права. Пг., 1917. С. 408; Дживелегов А.К. Ответственность министров в конституционных государствах. Ростов-на-Дону, 1905. С. 7, 11.
3. Гессен В.М. Указ. соч. С. 408-409.
4. Дживелегов А.К. Указ. соч. С. 9.
5. Ковалевский М.М. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Сб. ст. Пг., 1917. С. 89.
6. Котляревский С.А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. СПб., 1907. С. 221-222.
7. Гессен В.М. Теория правового государства // Политический строй современных государств. Сб. ст. В 2-х томах. СПб, 1905-1906. С. 144; Котляревский С.А. Указ. соч. С.222.
8. Дживелегов А.К. Указ. соч. С. 3.
9. Там же. С. 4.
10. Там же. С. 4-5.
11. Котляревский С.А. Указ. соч. С. 215.
12. Дживелегов А.К. Указ. соч. С. 5-6.
13. Гессен В.М. Указ. соч. С. 406-407.
14. Там же. С. 408.
15. Кокошкин Ф.Ф. Об ответственном министерстве. М., 1915. С. 10-11.
16. Проекты Основного Закона Российской империи // Конституционное государство. Сб. ст. / Под ред. И. В. Гессена и А. И. Каминки. 2-е изд. СПб., 1905. С. 538-539.
17. С.А. Муромцев. Сб. ст. М., 1911. С. 398-399.
18. Программы политических партий России. Конец XIX- начало XX вв. М., 1995. С. 329, 351, 359, 345.
19. Ивановский В.В. Учебник государственного права. Изд. 4-е. Казань, 1913. С. 435.
20. Гессен В. М. Указ. соч. С. 412.
21. Тыркова-Вильямс А.В. Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 403.
22. Гессен В.М. Тактика партий в I Государственной думе // Первая Государственная Дума. Сб. ст. Вып 1. СПб, 1907. С. 144; Ковалевский М.М. Ученый... С. 89.
23. Милюков П.Н. Связь между идеями «кабинета» и «политической партии» // Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905-1906. СПб., 1907. С. 486.
24. Кокошкин Ф.Ф. Указ. соч. С. 17-18.
25. Дживелегов А.К. Указ. соч. С. 7.

Гронский А.Д.

НАЦИОНАЛИЗМ ИЛИ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ: ПРОБЛЕМА ДЕФИНИЦИЙ БЕЛОРУССКОЙ АКТИВНОСТИ В НАЧАЛЕ XX в.

Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники

Проблема дефиниций стояла в гуманитарной науке, наверное, всегда. Особенно острые споры вызывали термины, так или иначе определяющие национальные понятия. В частности, терминологию, связанную с мифологией развития «своего» народа. Молодые нации, обладающие менее развитой мифологией, обычно относятся к подобным попыткам корректного выяснения определений более агрессивно, поскольку появились они не так давно, поэтому доказательства собственного существования в древности обычно являются интеллектуальными новоделами, которые для доказательств своего существования используют современные представления о собственной судьбе. Однако, если мы переносим современные представления на прошедшую действительность, то рискуем неадекватно воспринять причины тех или иных событий, решений правительства, отношений живших в то время людей. Девиантное представление о прошлом очень сильно поддерживается и переносом в прошедшие эпохи современного состояния общества, которое зачастую является новоделом, появившимся позже рассматриваемой эпохи, или используется без понимания критериев определения. Термины, признанные определить новые явления, в начале XX в. не всегда корректно использовались, не были чётко определены, зачастую одни и те же термины использовались для обозначения внешне подобных явлений. С течением времени термины приобретали более конкретное наполнение, но некоторые явления по привычке или по идеологическим соображениям продолжали называть так, как раньше, т.е. некорректными определениями. Кроме того, ещё одна серьёзная проблема – это некритическое восприятие некоторых терминов и определений, бытующих в узких кругах, небольших группах своего времени. Такие термины зачастую не отражают объективную реальность, выдают желаемое за действительное и служат одним из средств оправдания своей деятельности, в первую очередь, перед собой. Такими терминами по отношению к белорусской проблеме начала XX в. стали «национализм», «национальное движение», «национальное возрождение». Все эти термины использовались в одно и то же время, по отношению к одному и тому же явлению.

Белорусские националисты начала XX в. свою деятельность называли белорусским национальным возрождением и белорусским национальным движением. Судя по всему, эти обозначения появились по аналогии с обозначением национальной активности чехов, сербов, болгар и других славянских народов и были некритически перенесены на белорусскую ситуацию. Эта терминология вышла из употребления в Советском Союзе ещё до войны, поскольку белорусский национализм всё-таки оказался не так лоялен советской власти, как этого ожидали большевики. Наивность деятелей националистических группировок, выражавшаяся в уверенности, что советский строй позволит развиваться националистическому строительству, толкала их к тому, что свои устремления они не совсем соотносили с требованиями большевистского интернационализма. В итоге большевистские репрессии прекратили распространение белорусского национализма полусоветского толка. Вся деятельность белорусских группировок была объявлена мелкобуржуазной.

Однако терминологию начала XX в. сохранили националисты, попавшие в эмиграцию. Там советская власть оказалась идеологически бессильной, поэтому читатели белорусских изданий за рубежом, получая информацию из подобных источников, начинали мыслить соответственными категориями и шаблонами. После перестройки в Советском Союзе началась переоценка ценностей. Этот процесс происходил и в Белоруссии. «Мелкобуржуазные националисты» начала XX в. стали чуть ли не национальными героями, а их деятельность вновь стала оцениваться как «возрождение».

Однако, если уточнять дефиниции, то термином «национальное возрождение» состояние белорусского дела начала XX в. обозначать достаточно некорректно. Проблема состоит в том, что возродить было нечего, так как никаких серьёзных проявлений белорусской идентификации ранее не проявлялось, а все элементы определения некоторых культурных групп термином «белорусы» были достаточно фрагментарны и не несли национального наполнения. В истории не было государства, именовавшегося Белоруссия, поэтому апеллирование к средневековью было достаточно натянутым.

Во всяком случае, не было прямых ассоциаций территории под названием Белоруссия с такой же государственной территорией, носящей такое же название, ранее. Возрождение сербов или чехов опиралось хотя бы на то, что в средние века существовали государства Сербия и Чехия, то есть обычный крестьянин, который попадал под влияние сербского или чешского национализма мог связывать современное название территории и название средневековых государств, поэтому призыв к национальному возрождению в этих условиях звучал достаточно логично. У белорусских националистов не было такого шаблона, поэтому они не могли ссылаться на достаточно простую логическую цепочку: современная Белоруссия является наследницей средневековой Белоруссии. Не видела ничего логичного в белорусском возрождении и большая часть местной интеллигенции, которая, по сути, должна являться основным распространителем националистических знаний среди массы населения. Читая публика ассоциировала средневековое государство Великое княжество Литовское никак не с белорусами, поскольку такого названия жителей не было зафиксировано в источниках. Например, белорусские учителя начальной школы даже в конце мая 1917 г. вели себя так, что один из националистов назвал учительский съезд сходкой «истинно русских людей».[1] В итоге «белорусское возрождение» сводилось по большому счёту только к попытке абсолютно бездоказательно убедить потенциальных реципиентов идеи белорусского национализма в том, что вся история региона на протяжении всего времени является историей Белоруссии, а развитие населения региона является развитием белорусского народа. Все, что предлагалось белорусскими националистами как «возрождение» было обычным конструированием. Причём, даже само носители белорусского национализма, в частности, А. Луцкевич, то ли понимая, что термин «возрождение» достаточно натянут, то ли не обращая внимания на письменную оговорку, утверждали, что дорога белорусского национального возрождения – это «спокойный творческий труд над созданием (выделено автором – А.Г.) своей национальной культуры на чисто демократическом фундаменте» [2]. В итоге получается, что белорусское возрождение не что иное, как создание культуры, причём культуры новой, демократической, ранее не существовавшей. Далее автор расшифровывает, что он понимает под демократической культурой. Эта культура «без малейших знаков национального шовинизма и ненависти к чужим нациям» [3]. Таким образом, можно сделать вывод, что если эта культура новая, то старая белорусская культура была шовинистической и ненавистнической по отношению к другим, или её вообще не было, если её нужно создавать. Естественно и сербский и чешский национализм также занимались конструированием, но они придали протекающим процессам хотя бы внешний вид возрождения при помощи нахождения прямых параллелей современной ситуации с прошлым. В итоге термин «национальное возрождение» применительно к белорусской ситуации является некорректным с научной точки зрения и может использоваться только в политической пропаганде.

Следующая проблема дефиниций – это термин «национальное движение». Были ли белорусские группировки национальным движением, как об этом пишут белорусские исследователи, хотя никто из них не объясняет, почему используется именно эта терминология. Национальное движение – это «массовое движение в среде этнической группы для достижения ею своих интересов...» [4]. Однако основным признаком общественного движения – массовостью белорусский национализм не обладал. О его существовании знало абсолютное меньшинство тех, кого сами националисты определяли как белорусов. Маргинальное положение белорусского национализма не давало ему шансов на завоевание более-менее многочисленной аудитории. Положение спас лишь Октябрь (даже не Февраль) 1917 г. Таким образом, какого-то белорусского общественного движения, состоящего из сторонников отдельности белорусского этноса, не было, были лишь маргинальные националистические группировки. Белорусское движение может быть представлено в тот момент западнорусизмом – идейным течением, возглавляемым учёными и публицистами и поддерживаемым подавляющим большинством местного населения. Это течение, имея все признаки общественного движения (в первую очередь массовость), не рассматривало белорусов как нечто отдельное, а выступало за более тесное взаимодействие всех ветвей «триединого русского народа». Желание видеть белорусов не отдельной нацией, а частью русского народа в то время вряд ли можно было считать антинациональным актом. Белорусы в массе не стремились определять себя как отдельный народ, поэтому состояние «русского триединства» вполне может рассматриваться как достижение интересов этнической группы (в нашем случае народности).

Тем не менее, белорусские националисты начала XX в. определяли свою деятельность именно как национальное движение, ставя ее в противовес польской и русской деятельности, которые определялись как национализм [5]. Налицо предвзятость такого подхода, при котором своя активность называлась национальным движением и рассматривалась как нечто положительное, а активность политических оппонентов, воспринималась негативно и обозначалась как национализм.

Полицейская аналитика того времени, в которой также отразились оба термина, не всегда точно различала понятия «национальное движение» и «национализм». Так, вышедшая из под пера офицеров Департамента полиции докладная записка «Обзор революционного движения в Белоруссии и возникновение Громады» (первый вариант в 1908 г. и второй, со вставками, в 1913 г.) [6] была посвящена только деятельности белорусского национализма. Хотя, исходя из названия, на её страницах должна была рассматриваться деятельность в первую очередь польских и еврейских революционных организаций, имевших куда более заметное влияние на революционную ситуацию в Белоруссии, чем малочисленные белорусские группы. Тем не менее, под «революционным движением в Белоруссии», видимо, подразумевалось только «белорусское движение». В записке под белорусским национальным движением понимаются в первую очередь националистические группы. Это можно определить по тому, что оно противопоставляется «русской консервативной группе» и «польской шовинистической группе».[7] Во втором варианте записки есть вставка, в которой упоминается и о западнорусском движении, но только о той его части, которая беспокоит политическую полицию, по каким-то причинам выступая как националистическая организация [8]. Видимо, для политической полиции под белорусским национальным движением понималось всё же то, что связано с подозрительной деятельностью среди белорусов, т.е. то, что можно было подогнать под понятие революционного движения. В той же записке наряду с понятием белорусское национальное движение используется понятие белорусский национализм [9]. Вряд ли сотрудники политической полиции видели в этих терминах положительное или отрицательное наполнение. Для авторов записки, судя по всему, и тот, и другой термины выступали как синонимы.

Так же расплывчато использовали термин «белорусское движение» и учёные. В частности, академик Е.Ф. Карский в своём исследовании «Белорусы» посвятил проблеме белорусской активности начала XX в. и её влиянию на литературу целый параграф, который так и озаглавил «Белорусское движение» [10]. Карский не употребляет термин «национальное», он пользуется понятием белорусское движение, которое, в зависимости от сюжета, рассматривает или очень широко, включая в него как националистов, так и западнорусов, или достаточно узко, когда говорит только о националистах. Во всяком случае, уже только включение в параграф информации о западнорусских изданиях даёт повод говорить, что для Карского белорусское движение имеет в первую очередь широкое наполнение.

Свою трактовку национального движения предложил М. Грох. Он указал, что для того, чтобы активность членов этнической группы называлась национальным движением, нужно, чтобы эта активность преследовала три цели. Во-первых, «развитие национальной культуры, основанное на местном языке и его нормальном использовании в образовании, управлении и экономической жизни. Во-вторых, «обретение гражданских прав и политического самоуправления – сначала в форме автономии, а в конечном счете ... и независимости». И, в-третьих, «создание завершённой социальной структуры, пронизывающей всю этническую группу и включающей образованные элиты, классы чиновников и предпринимателей, но также, где это необходимо, свободных крестьян и организованных рабочих» [11].

В принципе, если переносить современные реалии на начало XX в., т.е. модернизировать историю, наполняя её не существовавшими ранее актуализациями, тогда белорусский национализм падает под статус национального движения. Однако реалии того времени различали чехов, которых приводит в пример М. Хрох, говоривших на языке славянской группы и немцев, говоривших на языке германской группы. То же самое можно сказать и в отношении сербов, говоривших на славянском языке, в то время как представители титульных наций империй, в которых жили сербы, говорили на языках германской (в Австро-Венгрии) и тюркской (в Османской империи) групп. В этом случае развитие культуры на национальном языке, использование его в образовании и проч. было более-менее обоснованным: различия в языках достаточно заметны, поэтому сложно объявить сербский ответвлением турецкого или немецкого. В Белоруссии ситуация была иная. Официальный язык и язык бело-

русских крестьян появились из языка жителей Древней Руси, т.е. были очень близки. Собственно белорусский язык в то время официально являлся диалектом русского. Поэтому развивать образование, управление и экономическую жизнь на диалекте ни для кого не имело смысла. Ведь никто не требовал, например, переводить администрацию Архангельской губернии на поморский говор, а экономическую жизнь Вологодской губернии на своеобразное вологодское произношение, или тогда придётся считать такие гипотетические попытки также развитием национальных архангельского или вологодского движений. Белорусская реальность начала XX в. не могла пользоваться категорией «местный язык», имея в виду язык в полном смысле этого слова. Для того, чтобы заявить о своих требованиях перевода жизни на белорусскую речь нужно было ещё доказать, что она является именно языком, а не диалектом. Поэтому первый пункт определения М. Хроха для белорусской ситуации, мягко говоря, подходит слабо.

Вторая функция национального движения, наверное, более всего соответствует деятельности белорусского национализма. Он как раз выступал за обретение гражданских прав, а, кроме того, был не прочь получить и политическое самоуправление в форме автономии.

Ещё одна функция национального движения, по мнению Хроха, – создание завершённой социальной структуры нации. В этом отношении опять нужно напомнить о переносе современных понятий на прошедшую ситуацию. В начале XX в. белорусы воспринимались гуманитарной наукой как часть русского народа. Белорусские националисты, доказывая отдельность «своего» народа от остальных «русских племён», естественно претендовали на статус национальной элиты, т.е. стремились создать, со своей точки зрения, завершённую национальную структуру. Однако в реалиях того времени белорусы всё-таки были частью русского народа, а у русских была завершённая социальная структура, они имели не только свою интеллигенцию, предпринимателей, но и дворянство, даже император – лицо, имевшее самый высший статус в России, тоже входил в верхушку русской национальной структуры. Т.е. белорусским националистам стать белорусской элитой было выгодно в первую очередь для себя. Своими пропагандистскими действиями они пытались подменить собой русскую элиту, но не для всего «триединого русского народа», а лишь для его части. Именно поэтому можно сделать вывод, что для белорусских националистов актуальностью было в первую очередь не создание законченной социальной структуры, а разрушение прежней, общерусской.

В целом, белорусский национализм не может быть описан как национальное движение по методике М. Хроха. Между попытками создания законченной социальной структуры и реальной ситуацией того времени была пропасть, шириной в научные исследования, подтверждавшие существование «триединого русского народа» и принимавшиеся как объективное утверждение большинством российских интеллектуалов.

И, наконец, обратимся к термину «национальное» (национальное движение, национальное возрождение). «Национальное», это скорее то, что определяет характеристику большой компактной и относительно единообразной группы людей, то, что поддерживается этой группой или то, что выражает её стратегические интересы. Белорусская пропаганда начала XX в. была не только не популярна в среде белорусов, но и практически неизвестна. Из того небольшого количества людей, кто знал, что такое белорусский национализм, большинство узнало о нём только после Февральской революции, когда монархические, проимперские идеи, очень популярные в среде белорусского крестьянства, потеряли свою актуальность.

Таким образом, даже понятие «национальный» вряд ли стоит использовать при анализе белорусской действительности начала XX в. Скорее термином «национальный» пользовались различные группировки, пытающиеся объявить себя представителями всего населения. Естественно, что в таких условиях в понятие «национальный» вкладывались совершенно различные, порой противоположные смыслы. И то, что для одних являлось настоящими национальными потребностями или национальной необходимостью для других представлялось совершенно антинациональным. Уверенность в том, что белорусский национализм начала XX в. был «самым национальным» является не более чем перенесением современных представлений на ситуацию столетней давности.

Исходя из вышеприведённых аргументов, белорусское дело начала XX в. можно свести к границам термина «белорусский национализм», поскольку определение национализма как «идеологии, практики и группового поведения, основанных на представлении о приоритете национальных инте-

ресов своего этноса», [12] полностью соответствует наполнению значения, учитывая, что понятие «национальные интересы» в данном случае выступает не как определение объективных проблем, а лишь тех, которые считаются таковыми для конкретной националистической группировки. Данная формулировка более приемлема в силу того, что ни массовости, ни силы белорусский национализм не имел. Но поскольку он существовал как проект, то лучше его определить как практику группового поведения, свойственную малой группе. Таким образом, границы белорусского проекта начала XX в. укладываются в рамки понятия «национализм».

Пожалуй, единственный момент, по которому белорусский национализм подпадает под определение общественного движения, это существование нескольких организаций, преследующих похожие цели. Обычно политические движения не монолитны, их цели очень конкретно не очерчены, они в основном представлены требованиями со смыслом ономагоидов, например, независимость, автономия, свобода и проч. Такие понятия легко наполняются самыми разнообразными смыслами в зависимости от желания человека. Так, автономию можно понимать или как достижение культурной обособленности, или как переход политического управления под местный контроль, или как непохожие на остальные регионы программы учебных дисциплин (изучение обязательных спецкурсов по местным языкам, местной культуре, региональной истории), или как все эти требования взятые как вместе, так и в различных сочетаниях.

Обычно взгляд на подобные дефиниции аперцептивный, т.е. зависящий от мировоззрения и идеологических установок потребителя знаний о белорусской ситуации начала XX в. Связано это в первую очередь с актуальностью затрагиваемых вопросов, а вопрос становления нации в Белоруссии до сих пор является болезненным. Исходя из этого, можно обозначить общую деятельность белорусских националистических организаций как микродвижение или квазидвижение.

1. Лёсік Я. Настаўніцкі з'езд // Творы: Апавяданні. Казкі. Артыкулы. Мінск: Мастацкая літаратура, 1994. С. 134.
2. Новіна А. [Луцкевич А.] На дарозі да новага жыцця. Пецярбург: Друкарня Пент-коўскага, 1912. С. 12.
3. Там же.
4. Этнические и этно-социальные категории: Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 81.
5. Новіна А. Указ. соч. С. 10.
6. Обзор истории революционного движения в Белоруссии и возникновение Громады // Гістарычны альманах. Т. 6. Гародня, 2002. С. 199–203.
7. Там же. С. 202.
8. Там же. С. 202–203.
9. Там же. С. 203.
10. Карский Е.Ф. Белорусы. В 3 т. Т. 3. Кн. 2. Минск: БелЭн, 2007. С. 372–402.
11. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://nations.gender-ehu.org/text/Horh.doc>
12. Тураев В.А. Понятия и термины / Этнополитология. Учеб. пособие. М.: Логос, 2004. С. 384.
13. Ономагоид – нечто, похожее на имя; мнимое имя (названия не конкретных предметов, например, свобода, равенство, право и т.д.).

Аронов Д.В., Смирнов И.С.

КОСТРОМСКАЯ ГУБЕРНИЯ В РЕВОЛЮЦИИ 1905-1907 гг.

ОБЩАЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Орловский государственный технический университет

В 1905–1907 гг. Россия переживала системный социально-экономический кризис, вызванный событиями, вошедшими в историю как первая русская революция. Костромская губерния, как и вся страна в те годы, так же стояла на пороге грядущих перемен. Кострома всегда занимала особое место в царской России. Являясь колыбелью династии Романовых, она традиционно считалась оплотом российского самодержавия. Поэтому революционные процессы, происходившие в Костромском краю, заслуживают особого внимания современного исследователя.

Для понимания базовой основы происходивших в обществе процессов представляется целесообразным изучение общей социально-экономической характеристики губернии, помогающей понять особенности протекания в ней политических процессов, формирования основных политических сил, их оформление в политические партии и движения.

Костромская губерния находится на севере центрально-европейской части России (в верхнем Поволжье). Граничит с запада с Ярославской губернией, с юга Владимирской и Нижегородской, с востока Вятской, с севера и северо-запада Вологодской. Площадь составляет 73809,1 кв. в. Местность губернии принадлежит к числу равнинных; возвышенности сосредотачиваются лишь в северо-западном районе губернии, а также, тянутся узкими кряжами по берегам рек. Почва преимущественно суглинистая и подзолистая на западе и песчаная - на севере и востоке. Юго-западная часть губернии равномерно занята полями, лиственными и хвойными лесами, перелесками и луговинами. В междуречных лесах на целые десятки верст местами не было только крупных селений, но и отдельных хуторов. Всё же междуречное пространство является сплошной лесной, во многих местах сильно заболоченной равниной.

Костромская губерния делилась на 12 уездов: Костромской, Буйский, Варнавинский, Ветлужский, Галичский, Кинешемский, Кологривский, Макарьевский, Нерехотский, Солигаличский, Чухломский и Юрьевецкий. Городов 19 (с населением более 100 тыс. жителей), в том числе 4 заштатных и 3 посада.

Костромская губерния насчитывала около 300 рек Волжского бассейна. Судоходных рек было шесть: Волга, Кострома с притоком Векса-Галичская, Унжа с Неей и Ветлуга, причем судоходство, за исключением Волги было в основном сплавное. Кроме водных путей в южной части губернии до Костромы проходила ветвь Московско-Вологодской железной дороги и до Кинешмы Шуйско-Ивановская.

Из полезных ископаемых имелись огромные массивы торфа, но эксплуатация его почти не производилась. При обилии и сравнительной дешевизне леса, фабрики и заводы не нуждались в другом топливе. Железо (болотная руда), добывалось на месте для нужд местных промыслов. Из местного серного колчедана ряд химических заводов производили серную кислоту, купорос и квасцы. Обнажения слоев глин в Кинешемском уезде имеет богатое содержание фосфорной кислоты. Местные залежи фосфоритов были признаны одними из лучших в России по содержанию фосфорной кислоты и ее усвояемости для удобрения полей, они перерабатывались в фосфорную муку на одном заводе Кинешемского уезда. Соляные источники по экономическим причинам уже не эксплуатировались.

Климат Костромской губернии носил все основные черты континентальной северной полосы средней России. Средняя температура зимой -13,6 и летом +17,8 градусов, осадки около 500 мм в год. Условия для земледелия, в совокупности также с неплодородной почвой, характеризовались как неблагоприятные. Однако земледелие составляет главное занятие населения. Благодаря деятельности земств, в губернии стали распространяться улучшенные семена и орудия.

Землевладение было преимущественно личным, частновладельческое, которому принадлежит 44 %, крестьянским обществам 30,4 %, казне и удельному ведомству земли - 27%.

По переписи 1897 г. население губернии составляло 1 429 228 чел. (658 248 мужчин, 770 980 женщин). Этнический состав был однообразен; преобладали великороссы (русские), православные, раскольники (старообрядцев) до 40 тыс. в восточной части губ., исключение составляют черемисы (марийцы) Ветлужского уезда (2000 ч.) и около 300 татар в особом поселке под Костромой. Плотность населения в среднем по губернии 19,4 чел. на кв. версту. По уездам она колебалась от 43,3 в Костромском и 9,6 в Ветлужском. Основная масса населения сосредотачивается в юго-восточном районе губернии, который и является основным центром сосредоточения промышленного производства губернии.

В этом отношении Костромская губерния вступила на порог XX в. как губерния, относящаяся преимущественно к аграрному типу. В южной своей части она принадлежала к Московскому промышленному району, тогда как северное Заволжье по большей части представляло все типичные черты северного лесного края.

Отмена крепостного права привела к тому, что в Костромской губернии начался бурный экономический рост, связанный с развитием текстильной промышленности. Уже к началу XX в. льняная

промышленность в Костромской губернии выдвинулась на одно из первых мест среди губерний Европейской России. В 1907 г. на Костромскую губернию приходилось 17 % ткани и 21 % пряжи всего производства льняных фабрик страны. Губерния поставляла много тонких и средних тканей: из общего выпуска этих тканей в стране на Костромскую губернию приходилось 35 %.

О темпах развития промышленности в начале XX в. можно судить по следующим цифрам. С 1901 по 1912 гг. число рабочих в губернии увеличилось на 58 %, а объем производства — на 113 %. По данным промышленной переписи в 1912 г. в Костроме в среднем на одно предприятие приходилось 478 рабочих. Рост и механизация фабрично-заводской промышленности сопровождались концентрацией производства. В 1858 г. в Костромской губернии числилось 553 фабрики и завода, дававших продукцию на 7,2 миллиона рублей; в 1890 г. в губернии было 296 предприятий с продукцией в 27,1 миллиона рублей; в 1907 г. объем продукции предприятий, только подчинённых надзору фабричной инспекции, достигал 96 миллионов руб., фабрик и заводов с мелкими промышленными заведениями насчитывалось около 2,5 тыс.

По концентрации производства Костромская губерния выделялась среди других губерний страны. При среднем числе рабочих на одно предприятие в Европейской России в 104 человека, в Костромской губернии было 378 человек; объём производства на одно предприятие соответственно равнялся 209,8 и 460,3 тыс. рублей. Около 70 % всех рабочих в Костромской губернии было сосредоточено на предприятиях с числом рабочих от тысячи и более. По стоимости продукции на одно предприятие губерния занимала в стране четвёртое место, а на одного жителя — шестое место. Наиболее крупным и быстрорастущим предприятием была открытая в декабре 1866 г. льнопрядильно-ткацкая фабрика Третьяковых, Коншина и Кашина под фирмой «Товарищество Большой Костромской Льняной мануфактуры». В 1867 г. она имела 4800 веретен и 22 ткацких станка, а к 1912 г. — уже 41,5 тыс. веретен и 567 ткацких станков. Льнопрядильня «Т-ва Большой Костромской мануфактуры» считалась по числу прядильных веретен первой в мире, превосходя все вместе взятые льнопрядильни Швеции, Голландии и Дании.

По своей структуре костромские фабрики в основном относились к предприятиям, вырабатывающим продукцию в законченном для потребителя виде. 70 % продукции льнопрядильных фабрик шло на местные ткацкие фабрики, 30 % — в Москву и другие места. Из выпущенной ткани 60 % сбывалось на юге России, 20 % — в Поволжье, 20 % — в других местах. Кроме сбыта внутри страны, плотно нашло широкий сбыт на европейских рынках.

Росту промышленности способствовало развитие в губернии водных путей сообщения. В пятидесятых годах XIX в. возникло большинство крупнейших акционерных пароходных обществ реки Волги и её судоходных притоков. В начале шестидесятых годов по рекам Волжского бассейна ходило около 220 пароходов. Волжская водная магистраль с развитием пароходства обеспечивала костромским фабрикантам дешёвую доставку сырья из далёких районов и сбыт продукции на Нижегородскую ярмарку, на Кавказ, в Персию и другие отдалённые рынки.

В 1887 г. через территорию губернии была проведена железная дорога Нерехта-Кострома, а в 1906 г. — Северная железная дорога.

Характерной особенностью развития фабрично-заводской промышленности было крайне неравномерное размещение предприятий по территории губернии. В подавляющем большинстве фабрики и заводы были сосредоточены в юго-западных уездах губернии — Костромском и Нерехтском, Кинешемском и Юрьевецком. При этом фабрики располагались не только в городах, но и в фабричных сёлах. Кроме того, развитие промышленности шло односторонне, в основном за счёт текстильного производства, которое преобладало в губернии.

Несмотря на развитую речную транспортную инфраструктуру, отсутствовали шоссейные дороги, которые связывали бы отдалённые населённые пункты друг с другом и с экономическим центрами. Сам губернский центр Кострома оказался оторванным от железнодорожной системы страны: железную дорогу довели лишь до правого берега Волги. Необходимо было строить железнодорожный мост через Волгу и пролагать железнодорожные пути дальше — через Кострому на Галич.

Наряду с текстильной промышленностью достаточно быстро в Костромской губернии развивалась деревообработка. Первый в губернии паровой лесопильный завод Линева возник в Костроме в 1859 г. Но до конца XIX в. в лесопилении преобладал ручной труд. Механической обработкой дерева

в губернии были заняты два катушечно-токарных завода — в Костроме и в Судиславле, обслуживающих текстильные фабрики. Только к концу XIX в. в связи с большим жилищным строительством в Костроме возник ряд заводов по механической распиловке леса. Если в 1901 г. таких заводов было 9, то уже к 1912 г. их число увеличилось в три раза и достигло 28. Особенно быстро пошло развитие лесопильной промышленности в северных уездах после проведения в 1906 г. Вологодско-Вятской железной дороги, которая позволила включить в эксплуатацию громадные лесные богатства севера губернии, удалённые от сплавных рек. Вдоль этой дороги с 1901 по 1912 гг. открылось 15 лесопильных заводов. На станциях Нея, Мантурово, Шарья, в местах пересечения линий железной дороги и сплавных рек — Костромы, Неи, Унжи, Ветлуги — появились новые лесопильные центры. Весь пиленный материал вывозился в порты Балтийского моря, откуда на пароходах транспортировался за границу (в Англию, Бельгию и др.).

Развитие промышленности в основном не изменило аграрного характера экономики губернии. По переписи 1897 г., сельским хозяйством в губернии было занято 79,5 % населения.

В Костромской губернии в прошлом было множество вотчин московских царей и бояр, в связи с чем значительная часть территории представляла собой частновладельческие земли (44%). Накануне реформы 1861 г. помещикам принадлежало две трети всех удобных земель в губернии. Но крупные землевладения были связаны в основном с лесным, а не полевым хозяйством. Перед реформой 1861 г. земли под лесом составляли 72 % всех земель, которыми владели помещики. Площадь же пашни в послереформенные годы неизменно сокращалась. По сравнению с 1860 г. к 1907 г. она сократилась на 12 %, и составила около 700 тыс. дес. Не все поля засеивались: пустыри и недосевы, особенно в озимом поле, в среднем достигали 11 % общей площади пашни.

Структура посевных площадей в 1907 г. характеризовалась следующими данными: рожь занимала 48,1 %, овёс — 30,4 %, ячмень — 7,8 %, лён — 5,1 %, картофель — 5,5 %, прочие культуры — 3,1 %. По урожайности Костромская губерния занимала одно из последних мест среди других губерний. Своего хлеба крестьянам хватало только до середины зимы. Многие крестьяне жили впроголодь. Валовой доход от сельского хозяйства был низок. В среднем он составлял по губернии: по расчёту на одну десятину — 50 рублей, на одного сельского жителя — 73 рубля. Основной доход был от полеводства, в том числе 15,8 % — от льна, 10,9 % — от картофеля. Малопродуктивные земли, рискованный характер ведения сельского хозяйства в Костромской губернии были одними из тех причин, которые приводили к уходу крестьян на заработки в города. О резком увеличении отхода на заработки, выявившемся после падения крепостного права, говорят цифры выданных крестьянам паспортов и билетов: в 1857 г. — 96,2 тыс., в 1880 г. — 162,7 тыс., в 1910 г. — 276,4 тыс. В начале XX в. развитие городской жизни в России усилило отход на различные строительные промыслы. Плотники, маляры, бетонщики находили в городах все больший спрос на рабочую силу. Промысловый отход был направлен, прежде всего, в Москву и Петербург, затем в Сибирь и в низовые губернии, наконец, на местные фабрики и заводы. По переписи, произведённой в Петербурге в декабре 1864 г., среди жителей оказалось 13 358 уроженцев Костромской губернии, в том числе мужчин — 10 191, женщин — 3 167. От всего населения города это составляло: мужчин — 3 %, женщин — 1%.

В начале XX в. в Костромской губернии продолжало развиваться крестьянское домашнее производство и кустарное ремесло. По абсолютному числу кустарей Костромская губерния уступала лишь Московской, Вятской, Нижегородской и Рязанской.

Наиболее знаменитыми промыслами Костромской губернии были ювелирный в селе Красном и шапочный в с. Молвитино (ныне — п. Сусанино).

Село Красное — центр ювелирного промысла, который охватывал 4 волости и 51 селение (в том числе Сидоровскую волость Нерехтского уезда), в них — 735 дворов и около 1706 работников. В 1912 г. ювелирным промыслом было занято более 5 тыс. человек. Село Молвитино Буйского уезда славилось шапочным промыслом. После отмены крепостного права промысел сильно развивался: швейные машины вошли в широкое употребление. В Молвитине 10 мастерских работали круглый год, имея по 5-25 мастеров и по 1-5 мастериц. Следует отметить, что Костромская губерния является местом зарождения русской кооперации. Первый кооператив — «Рождественское ссудосберегательное товарищество» — возник в 1865 г. в с. Рождественском Ветлужского уезда. Кредитные товарищества были организованы и в других уездах. В течение 30 лет кредитные объединения представляли

собой в губернии единственный вид кооперации. Старейшая из костромских молочных артелей — Саметская — была организована в 1906 г. С 1910 по 1912 гг. образовано ещё 5 артелей. В 1909 г. в с. Шунга был открыт первый в России кооперативный картофелетерочный завод.

Таким образом, к началу XX в. Костромская губерния развивалась достаточно быстрыми темпами и постепенно превращалась из аграрной в аграрно-индустриальную губернию с доминированием текстильной и лесоперерабатывающей промышленности при неразвитом и отсталом сельском хозяйстве, с большими традициями отходничества крестьян на заработки в другие места.

Однако развитие любой территории не может быть охарактеризовано только экономическими показателями. Развитие культуры и образования являются также важнейшими критериями прогресса конкретной территории. Первое учебное заведение в Костроме — «Цифирная школа» — было открыто в 1722 г. Через двадцать пять лет открывается духовная семинария, а в 1788 г. — учебное заведение под названием «Главное народное училище», положившее основание костромской мужской гимназии (в 1804 г.). В 1805 г. в Костроме было открыто уездное училище, а в 1814 г. — приходское. В Галиче в начале XIX в. было открыто «малое народное училище» для детей дворянства, купцов и чиновников. В середине XIX в. в Костроме открывается женская гимназия. По всеобщей переписи 1897 г. грамотных в губернии насчитывалось: мужчин — 35,4 %, женщин — 8,9 %. В 1894 г. в Костроме открылось первое в России низшее химико-техническое училище, построенное на частные средства Ф.В. Чижова. На средства, завещанные Ф.В. Чижовым, в поселке Екимцево, в трёх километрах от Кологрива, было открыто низшее сельскохозяйственное техническое училище и в Чухломе — сельскохозяйственное ремесленное училище. Таким образом, до революции в губернии было только три профессионально-технических училища и ни одного высшего учебного заведения.

Указанные выше социально-экономические и общественно-политические черты развития Костромской губернии, предопределили и ход партийного строительства, а также партийную политику губернских отделений и комитетов различных политических партий.

Павлова О.И.

ВОСПРИЯТИЕ КРАСНОЙ АРМИИ И ОЦЕНКА ЕЕ «ВОЖДЕЙ» В СРЕДЕ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ

Орловский государственный технический университет

Одним из важных аспектов при изучении русской военной эмиграции остается вопрос о восприятии Красной Армии на Западе, как среди лояльных, так и нелояльных к Советской власти кругов.

Как таковых исследований, касающихся или посвященных изучению данной проблемы нет, если не считать монографии С.Т. Минакова «Советская военная элита в 20-30-е гг.», значительное внимание в которой уделено этому аспекту. Автор рассматривает не только, как формировалось общественное мнение о «вождях» Красной Армии в Советской России, но и в русском белом зарубежье. Можно отметить еще и работу Н.С. Чебышева «1937 год: элита Красной Армии на Голгофе», в которой небольшой раздел посвящен восприятию репрессий в Красной Армии за рубежом.

Одним из самых ранних по времени и сравнительно большим по объему была серия очерков о «красных маршалах», написанных и опубликованных Р. Гулем в 1932-1933 гг. в Берлине. Они открывались небольшой книгой о М.Н. Тухачевском, за которой следовали биографические очерки о Г.И. Котовском, В.К. Блюхере, К.Е. Ворошилове. Эта работа представляла своеобразное сочетание лиц, знавших этих людей лично со слухами и весьма приблизительными сведениями, не всегда отличавшимися достоверностью. В значительной мере эта книга Р. Гуля может сама по себе рассматриваться как источник по общественному мнению о советской военной элите.

Несколько позднее, один из авторитетных военных ученых русского зарубежья профессор полковник А.А. Зайцев, достаточно интересно и верно охарактеризовал советскую военную элиту 20-30-х годов. В своем большом очерке, он дает оценку Красной Армии, каковой она была к середине 30-х

гг. Автор приводит емкие выразительные и в целом убедительные и верные характеристики лицам и высшего руководства РККА [1].

В своих работах А.А. Зайцев постоянно анализировал состояние Красной Армии и считал, что ее Ахиллесова пята, это командный состав. «...Перекрашенный в коммунисты или коммунистический, он не на высоте тех требований, которые к нему предъявит война. Советская «самокритика» доносы, отсутствие авторитета его подтачивают и с другой стороны. У верхов нет смены. Низы не подготовлены. Армия стремится освободиться от политической опеки, ибо только в этом возможность ее дальнейшего роста, но политика не хочет этого допустить. Совершенствуясь, армия ускользает из под ее власти. Подчиняясь ей, она закрывает себе пути совершенствования. В этом вся проблема Красной Армии...» [2].

Примечательна статья, где А.А. Зайцев напишет не только о «внутреннем» состоянии Красной Армии, но и о «внешнем»: «Чаще всего, оказывается, командный состав любит носить кожаные пальто без петлиц и знаков отличия (т.е. того, что в Красной Армии заменяет погоны). Но, оказывается начхим второй дивизии ходил по Москве в калошах, а «помполитрука» московской пехотной школы ходит в гражданском пальто, кэпи и в форменном «френче»... Но еще хуже обстоит дело в военной школе имени Фрунзе. Там, оказывается, курсовой командир Куликов ходит в постоянно засаленной и мятой гимнастерке, небритый и редко вынимает руки из карманов» [3].

Некоторые аспекты исследования советской военной элиты мимоходом рассматриваются и в очерках двух других военных писателей русского зарубежья Н. Пятницкого, Е. Месснера.

Так, в своей статье «Красные командиры» Н. Пятницкий пишет: «... Красная армия обладает несовременным командирским составом, набранным из темных некультурных и обиженных судьбой шахтеров или развращенных революцией городских фабричных и мастеровых». Подводя итог, автор делает вывод, что «понижение культурности вместе с ужасающими специфическими условиями моральной и материальной жизни в СССР создало особый для красных командиров быт, невиданный и невозможный ни в одной армии мира» [4].

В целом работы Н. Пятницкого «Эволюция красной военной доктрины (1917-1937)» и «Красная армия СССР» обращены преимущественно к военно-доктринальным аспектам в характеристике представителей советской военной элиты. Работу Е. Месснера «Души в кандалах» можно охарактеризовать также.

Значительный интерес для исследования проблемы представляет, так называемый «дневник» генерала А.А. фон Лампе, который он вел практически ежедневно, на протяжении двадцати с лишним лет, фиксируя основные события жизни российской эмиграции, снабжая их комментариями. Особую ценность дневнику придает то обстоятельство, что А.А. фон Лампе в силу своего служебного положения был в курсе всех дел эмиграции. В конце каждой книги дневника автор составлял подборку важнейших материалов эмигрантской прессы, систематизированных по различным вопросам.

Размышления на страницах его дневника, позволяют проследить настроения определенного круга лиц русской военной эмиграции.

В качестве иных источников при рассмотрении данной проблемы могут служить газеты и журналы 20-30-х гг. русского зарубежья, такие как «Руль», «Часовой», «Русский инвалид», «Двуглавый Орел», «Смена вех» и др. В них отводились порой целые рубрики посвященные Красной Армии.

Следует отметить, что состав советской военной элиты в общественном мнении этого времени представлялся на основе информации и мнений компетентных кругов русской военной эмиграции. Они прекрасно знали ряд военных специалистов, служащих в Красной Армии, ещё по дореволюционной их служебной и профессиональной деятельности. Одних по совместной службе или учёбе, приятельским отношениям, других по репутации, сложившейся в ходе гражданской войны.

Если провести анализ вышеуказанного, то можно сделать вывод что из «революционных генералов» известностью и своеобразной популярностью в белом зарубежье пользовались двое – С.М. Будённый и М.Н. Тухачевский. В русском военном зарубежье поговаривали, что «Будённый... белых вождей не ругает, а считает себе равными» и заявляет, что мы не получили бы Крыма, если бы его не продали» [5].

Уже с начала 20-х гг. в русской военной эмиграции большое внимание привлекал М.Н. Тухачевский. В 1923 г. И.А. Ильин через генерала А.А. фон Лампе передал для барона П. Врангеля запис-

ку с оценкой политической ситуации в СССР. В ней И. Ильин рассуждал о возможностях и перспективах «бонапартизма» в Советской России и приводил краткие характеристики нескольким лидерам Красной Армии, которых можно было рассматривать в качестве кандидатов в «русские Наполеоны»: «Такая фигура» может попытаться «вынырнуть» из революции, поставив ее силу к своим услугам не напрягая ее против себя. На этом покоятся, конечно, расчеты Брусилова, Зайончковского, Слащова, может быть, Троцкого (вряд ли), полковника Каменева и Буденного. Брусилова и Зайончковского я знаю: оба старчески хитры и трусливо - расчетливы. Поэтому сами ничего не сделают, если их не сделают события. Слащова – не знаю... Полковник Каменев – просто штабной спец из радикалов. Буденный будет еще служить царю. Троцкий – умен, выдержан, прекрасный актер, глубоко беспринципен, тактически большой ловкач; думаю, что он – давнишний сотрудник немцев. Тухачевский – очень честолюбив, фаталистичен, молчалив, кажется, не умен, может стать центром заговора, вряд ли справится» [6].

Этот список интересен тем, что ориентирует в представлениях врангелевцев о военно-политических лидерах Красной Армии, обладающих «бонапартистским потенциалом». Осенью 1923 г. это были: А.А. Брусилов, А.М. Зайончковский, С.С. Каменев, Л.Д. Троцкий, С.М. Буденный и М.Н. Тухачевский.

И.А. Ильин своим мнением корректировал список «кандидатов». Он называл лишь одного, который «может стать центром заговора», - М.Н. Тухачевского. Но и по его поводу выразил сомнение: «кажется не умен», «вряд ли справится».

«Среди военспецов и главковерхов Красной Армии, почти с первых дней большевистского владычества... часто повторяется имя Тухачевского, молодого способного офицера, которому советская власть поручала за эти годы ряд ответственных задач...», - отмечалось в газете «Руль» в октябре 1922 года [7].

Фигура М.Н. Тухачевского заняла особое место и фактически вытесняла в сознании русской эмиграции других советских военачальников. В каждом заметном и важном военно-политическом событии выделялся М.Н. Тухачевский. Он превращался, таким образом, в своеобразный синоним, символ или «знак» «революционного генерала» Красной Армии.

Для эмиграции М.Н. Тухачевский представлял интерес, прежде всего, как умный решительный и безжалостный генерал, способный любой ценой подавить «народное восстание». Он умел сделать, то, с чем не справились ни Л.Г. Корнилов, ни А.В. Колчак, ни А.И. Деникин, ни П.Н. Врангель. Соответственно, М.Н. Тухачевский был в глазах Европы «Вождём Красной Армии» в 1927-1928 гг.

Изменения в перечне «вождей Красной Армии» происходят в 1928-1929 гг. Новой «восходящей звездой» в Красной Армии оказался В.К. Блюхер. В военных и политических кругах Западной Европы прекрасно знали, кто в действительности командовал армией Чан-Кай-ши, и оценили военные успехи В.К. Блюхера. Таким образом, можно считать, что фигура В.К. Блюхера уже в 1928 г. претендовала на своё место в иерархии «вождей Красной Армии» рядом с М.Н. Тухачевским и С.М. Будённым.

Роман Гуль пишет, что послужной список В.К. Блюхера богат и блестящ. Но самое замечательное в нем, то, что ни в СССР, ни за границей никому, неизвестно кто же он на самом деле, этот популярный маршал Советов? Автор считает, что смесь данных советской, иностранной и эмигрантской прессы дает неплохой фон для большого авантюрного романа: «Блюхер – рабочий от станка Медведев», «Блюхер – образцовый русский офицер», «Блюхер – говорит с сильным немецким акцентом», «Блюхер – член коммунистической партии с 1916 года», «Блюхер – пролетарий», «Блюхер – выхолощенный человек с отполированными ногтями» и т.д.» [8].

А выше упомянутый А.А. Зайцев так характеризовал В.К. Блюхера: «Вторым самородком гражданской войны (первым А.А. Зайцев считает И.Э. Якира), о котором, в связи с событиями на Дальнем Востоке, сейчас особенно часто приходится читать и слышать, является Блюхер. Уже во время гражданской войны вокруг его имени была создана легенда, пользуясь сходством его фамилии с именем известного прусского фельдмаршала... Насколько обоснована его репутация знатока Дальнего Востока – и его пригодность к командованию армией, призванной в случае войны действовать против такого первоклассного противника, как Япония, является, однако вопросом. Ни его общеобразовательная, ни чисто военная подготовка (или точнее полное отсутствие обеих) не позволяют считать его для этого подготовленным...» [9].

И хотя А. Зайцев скептически относится к пригодности В.К. Блюхера занимать определённые посты, то, что он рассматривает его среди остальных «вождей Красной Армии» показательно.

Впрочем, в тех весьма специфически идеологических условиях, которые уже сложились в основном в СССР к началу 1930-х гг., трудно получить достаточно определённое представление о популярности тех или иных лиц, состоявших в руководстве РККА. В этом отношении сторонние наблюдатели, особенно пристально следившие затем, что происходило в СССР, пожалуй, более чутко отражали эти моменты в общественном мнении.

Таким образом, М.Н. Тухачевский в 20-30-е гг. являлся «харизматическим» лидером Красной Армии не только для советской военной элиты, не только для русского военного и невоенного зарубежья, но прочно занимал таковое место в общественном мнении, особенно в 20-е гг. и в СССР, и за его пределами. Более того, М.Н. Тухачевский персонифицировал, таким образом, собой Красную Армию, становился «легендированным» ее «образом» особенно для целенаправленного влияния на формирование благоприятного для СССР отношения со стороны Европы.

Итак, к концу 1922 г. в русском монархическом зарубежье иерархия «лидеров» Красной Армии по военно-политической значимости и популярности выстраивалась следующим образом: М.Н. Тухачевский, С.С. Каменев, А.А. Брусилов. В 1923 г. иногда появляются фамилии Э. Склианского, Б.М. Шапошникова и М.В. Фрунзе.

Следует отметить, что из «революционных генералов», известностью и своеобразной популярностью в белом зарубежье пользовались лишь двое – С.М. Буденный и М.Н. Тухачевский. Однако М.Н. Тухачевский занял особое место и фактически вытеснил в сознании русской эмиграции других советских военачальников.

В 1927-1928 гг. М.Н. Тухачевский был в глазах Европы «вождем Красной Армии». В это время в СССР в перечне вождей Красной Армии происходят изменения, а за пределами страны М.Н. Тухачевский по-прежнему пользовался авторитетом. В 1928 г. новой «восходящей звездой» в Красной Армии оказался В.К. Блюхер.

Таким образом, можно считать, что фигура В.К. Блюхера претендовала на свое место в иерархии «вождей Красной Армии» рядом с М.Н. Тухачевским и С.М. Буденным в кругах русской военной эмиграции.

1. Зайцев А. Шестнадцать лет РККА. – Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 259.
2. Зайцев А. Красная армия // Часовой. 1931. № 54. С. 10-12.
3. Зайцев А. Военные заметки // Русский инвалид. 1931. № 30.
4. Пятницкий Н. Кранные командиры // Часовой. 1931. № 56. С. 4-5.
5. Минаков С.Т. Советская военная элита 20-х годов. Орел, 2000. С. 80.
6. ГАРФ Ф. 5853. Оп. 1. Д. 12. Л. 5844-5845.
7. ГАРФ Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3335.
8. Гуль Р. Красные маршалы. М., 1990.
9. Зайцев А. Шестнадцать лет РККА. – Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 256-257.

Королев Ю.А.

ФИЛОСОФСКОЕ СОЗНАНИЕ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Орловский государственный технический университет

В начале XX в. многих русских мыслителей занимал вопрос о происхождении, особенностях, путях развития и судьбах русской интеллигенции.

Этот вопрос обсуждался в статьях и работах известных русских философов и писателей. Они отмечали, что интеллигенция является чужеродным и враждебным элементом в рамках православной парадигмы. Причины этой чужеродности виделись в специфике интеллигентского мирозерцания, основы которого сформировались в лоне западной культурной традиции.

Появление интеллигенции как своеобразной социально-культурной общности связывается с реформами Петра I. Именно Петр провозглашается её духовным отцом, и для этого утверждения есть веские основания. И главным основанием является ненависть Петра к русским традициям и обычаям, русской старине и православной церкви, которую и унаследовала от него русская интеллигенция.

Именно интеллигенция стала проводником главной идеи Петра – переделать Россию на западный манер. Поэтому не случайно личность Петра стала прообразом русского «беспочвенного» революционера. «Он в нас, мы в нём» — восклицает с восторгом Д.С. Мережковский. Подобно Адаму Кадмону каббалы или Антропосу гностиков, в котором символически воплотилось всё человечество, в Петре воплотился тип русского радикального интеллигента.

Петровские преобразования и особенно его протестантская реформа церкви нанесли серьезный удар по всему душевному строю русского народа. Старые религиозные основания были поколеблены и скомпрометированы. Ситуация усугубилась проникновением в Россию идей французского Просвещения. Эти идеи (естественного права, общественного договора, свободы личности и т.д.) оказали на неокрепшие русские умы свое пагубное воздействие. За чем последовала душевная апатия и деградация нравственного чувства. Данной ситуации были обеспокоены многие мыслящие люди 18 века. Так, князь М.М. Щербатов в своей книге «О повреждении нравов в России» писал следующее: «Воистину могу я сказать, что если вступая позже других народов в пути посвящения нам ничего не оставалось более, как благоразумно последовать стезями прежде просвещенных народов, мы подлинно в людкости и в других вещах, можно сказать, удивительные имели успехи и исполинскими шагами шествовали к поправлению наших внешностей, но тогда же гораздо с вящей скоростью бежали к повреждению наших нравов и достигли даже того, что вера и божественный закон в сердцах наших истребились, тайны божественные в презрение впали.... Несть ни почтения чад к родителям, которые не стыдятся открыто их воли противоборствовать и осмеивать их старого века поступок». [12; С. 6] Сложившейся ситуацией был встревожен и другой русский писатель XVIII в. Фонвизин, выведший типаж «русского француза» в своих бессмертных комедиях «Недоросль» и «Бригадир». Его произведения представляли собой острую сатиру, на то смешение французского с нижегородским, которое было характерно для некоторых представителей провинциального русского дворянства. Фонвизин высмеивал те идеи и нравы, которые возможно подходили для Версаля, но были смешны и вредны для русской жизни. В России эти модные идеи французских энциклопедистов распространялись людьми, которые в отечественной историографии считаются прогрессивными деятелями отечественной культуры. Речь идет прежде всего о князе А.Д. Кантемире и В.Н. Татищеве. Являясь горячими приверженцами всех петровских начинаний, эти люди в своих сатирах всячески высмеивали духовенство и саму религию, гневно обличали ревнителей старины и противников реформ Петра. Представляя Петра поборником прогресса и отцом «ученой дружины», т.е. интеллигенции, они считали Россию царством невежества и суеверия. Такое отношение к русской старине закономерно проистекало из общего строя их мыслей и взглядов на мир; сформировавшихся под влиянием идей Просвещения. Так, родоначальник русской литературы князь Кантемир усвоил эти идеи не только из немецких и французских философских книг, он непосредственно общался с авторами просветительской философии Вольтером и Монтескье во время своего пребывания в Париже. Он даже перевёл на русский язык известную книгу Монтескье «Персидские письма». Что касается В.Н. Татищева, то он был сторонником теории «естественного права» тесно связанной с философским учением Руссо, книги которого были запрещены во Франции королевским эдиктом. Философия французского Просвещения стала проникать в Россию в царствование Елизаветы Петровны. Ее почитателями были в первую очередь представители высшей аристократии, включая великую княгиню Екатерину Алексеевну, будущую императрицу.

«То была, - пишет о французской философии историк А. Доброклонский, - философия рационализма, натурализма и материализма, пагубная для религии так же, как для нравственности и общественного строя. В лице своих представителей она или совсем отвергала христианство, проповедуя

деизм (Вольтер), или признавала за ним только политическое (Монтескье) и нравственное (Руссо) значение, не признавая вполне его догматического учения, отрицала веру в чудеса, откровение, божественность Христа и т.д.» [8; С. 319].

Особую популярность в России приобрело учение Вольтера. Течение русской мысли имеющее в основе идеи Вольтера получило название вольтеррианства. Вольтеррианство выражалось в презрении к русским обычаям и традициям, критическом отношении к церкви и религии, преклонении перед разумом и материальным прогрессом. Вольтеррианство широко распространилось в русском обществе благодаря переводам и многочисленным изданиям работ Вольтера в России. А. Веселовский в своей книге «Западное влияние в русской литературе» приводит любопытный факт об издании полного собрания сочинений Вольтера в Тамбовской губернии местным помещиком Рахмановым. Вольтеррианство проникает в Московский университет, где профессора читали курсы по философии Вольтера, английскому эмпиризму и «естественному праву».

Своей популярности в России Вольтер был во многом обязан почтительным отношением к нему императрицы Екатерины II, которая даже находилась с ним в переписке и прислушивалась к его советам. Впоследствии поняв, что в философии Вольтера заложен мощный революционный заряд Екатерина раскаялась в своем былом вольтеррианстве. Таким образом, антицерковная политика Петра и его приемников, и распространение в обществе идей французского Просвещения способствовали ослаблению в народе нравственного чувства и утрате русскими людьми духовных ориентиров.

Реакцией на эту нравственную и духовную потерянность стало широкое распространение масонства. Согласно официальной версии масонство возникло впервые в Англии в начале XVIII в., став вскоре одним из самых влиятельных организаций Европы. С конца XVIII в., масонство охватывает и различные круги русского дворянства. Главной целью «андреевского» масонства провозглашалось нравственное и умственное совершенствование человека. «Работа над диким камнем сердца человека» заключалась в построении новой нравственной личности. Именно масоны впервые озаботились утверждением личностного основания человека. Человеческая личность рассматривалась масонами в ее взаимосвязи с Богом как источником жизни и творчества. Личность человека создана Богом, она имеет целью реализацию заложенного в ней нравственного, творческого и разумного потенциала, иначе говоря, духовной свободы. Согласно масонскому учению, личность создается не столько в «храме ума», сколько в «храме сердца». Поэтому масоны именовали себя «строителями храма премудрости в сердцах человеческих».

Мистическое учение масонства стало противоядием от скептицизма и отрицания коренящихся в философии французского Просвещения, учениях, тех модных философов «которые тшятся доказывать, что душа смертна, что самолюбие должно быть основанием всех действий человеческих; что Христианство фанатизм... Сии то вредные пустословы прелестными для плоти писаниями своими много содействовали к порождению буйного стремления к мнимому равенству и своеволию в противность порядка небесного и земного благоустройства», - писал известный русский масон И.В. Лопухин» [10; С. 92] Принципам рассудочности и скептицизма масоны противопоставляли ценности строгой и нравственной жизни, самопознания, познания Бога и природы, духовной работы над собой, определяя для себя особый аскетический путь самосовершенствования.

Другой особенностью русского масонства XVIII - начало XIX в. был какой-то особенный дух сентиментализма, который буквально пронизывает все масонские мистические произведения и нравственные поучения. Этот мистический сентиментализм обнаруживает свои истоки в традиции гностического христианства идущей от Сен-Мартена, Дузитана, Арндта, Пордеджа.

Произведения этих особо почитаемых масонами авторов тщательно изучались, переводились на русский язык и издавались небольшими тиражами для внутреннего употребления. Однако большое количество нравственно-поучительной и мистической литературы издаваемой масонами распространялось среди широкой публики, способствуя тем самым усвоению гностических и масонских идей образованными слоями русского общества. Просветительская деятельность особо отличала Ор-

ден розенкрейцеров или мартинистов, одну из самых влиятельных мистических организаций того времени. Центром своей деятельности мартинисты выбрали Москву. Мартинисты группировались вокруг Московского университета, при котором было создано Дружеское общество, занимавшееся переводом иностранных мистических книг и Типографическая компания, которая эти книги издавала. Наряду с переводом и изданием известных иностранных писателей (Пореджа, Дузитана, Арндта) следует отметить оригинальные произведения самих московских розенкрейцеров, такие как «Кто может быть гражданином достойным и подданным верным» И.П. Тургенева, поэма «Пилигрим» М.И. Хераскова, «Духовный рыцарь» И.В. Лопухина.

На этих мистических книгах и лекциях о нравственном христианстве, читаемых в стенах Московского университета профессорами-масонами и возрастала русская дворянская интеллигенция. Усвоение западной мистической традиции способствовало формированию у зарождавшейся русской интеллигенции типично гностического по своему характеру видения мира. В метафизике гностицизма, особенно характерной для Ордена розенкрейцеров, утверждается дуалистическая противоположность материи и духа, где материя рассматривается как злое и темное начало, дух же является воплощением света и божественной свободы. Основой метафизики розенкрейцеров было древнее гностическое учение о пленении божественной искры духа миром материи. Весь материальный мир и его проявления рассматривались как некое изначальное несовершенство.

Формирование «нового» человека предполагало нравственное самосовершенствование через мистическое просвещение и аскетизм, который в полном соответствии с доктриной гностика Маркиона о глубокой испорченности человеческой природы, совершенно необходим для спасения души. Аскетизм масонов далеко не монашеский аскетизм. Масонский аскетизм выражается в нравственной строгости жизни, культивировании чувства ответственности перед Богом и близкими, требовательности к себе, честности. Собственная духовная трансфигурация невозможна без деятельной любви к другим людям. Эта любовь находит свое выражение в благотворительной деятельности мартинистов. Московские розенкрейцеры или мартинисты проявляли постоянную заботу о «сырых и убогих», оказывая помощь неимущим и голодающим. О благотворительной деятельности мартинистов хорошо известно. Так, только в 1787 г. в качестве помощи голодающим московские розенкрейцеры пожертвовали около полумиллиона рублей.

Характерная для мартинистов забота о народе в последствии становится лейтмотивом всей русской интеллигенции. От «внутренних работ» над нравственным самосовершенствованием в низших степенях масонской иерархии, братья постепенно восходили до познания «тайн природы» и человека как микрокосма. Закрытость лож, претензии на обладание тайным знанием – гносисом, создавало у братьев ощущение некой избранности. Это ощущение постепенно предавалось нарождающейся русской интеллигенции. Таким образом, интеллигенция унаследовала от масонства не только дуалистическое восприятие мира и желание улучшить его, но и это ощущение избранничества, переросшее в дальнейшем в особое чувство отъединённости от обычных людей и профанического общества, в героическое стремление пожертвовать собой ради спасения мира и человечества.

Это по своей природе мистическое переживание находит свои психологические корни в гностическом архетипе Параклета – спасителя мира. Этот героический тип воплощается в образе русского интеллигента – «борца за народное счастье». Превращение русского интеллигента в спасителя человечества совершается через акт самоотречения и жертвенности. Этот почти мистический акт предстает как своего рода инициация, в результате которой, человек достигает духовного очищения – кагарсиса, в результате чего, в нем воплощается высший тип-тип духовного человека – катара, обладающего внутренним знанием – гносисом.

Утверждение гностического типа сознания у нарождающейся русской интеллигенции было оложено новым потоком прогрессистских и социанских идей, хлынувших с Запада. Главным носителем этих идей в масонстве был Орден иллюминатов. Основанный в конце XVIII в. в Германии профессором Адамом Вейсгауптом, Орден иллюминатов был известен своей рационалистической на-

правленностью и склонностью к политическим заговорам. Именно иллюминатам приписывают главную роль в подготовке и проведении Французской буржуазной революции. Считается, что в недрах иллюминатских и других радикальных масонских лож Франции родился знаменитый лозунг Великой французской буржуазной революции «свобода, равенство и братство». В России иллюминаты появляются в начале XIX в. Первая ложа «Полярная звезда» была учреждена в 1807 г. в Санкт-Петербурге профессором Духовной академии Фесслером.

В эту ложу входили многие влиятельные люди: граф С.С. Сперанский, граф С.С. Уваров, А.И. Тургенев, Магницкий, Пезаровиус, лейб-медик Стоффрегет и др. По словам члена ложи Гауеншильда, задачу истинного масонства иллюминаты видели в создании новой гражданственности и в перевоспитании граждан «для наступающего века Астреи»

Таким образом, два противоположенных, но и единых в своей основе направления масонства: мистическое и рационалистическое оказали довольно серьезное воздействие на формирование сознания русской интеллигенции, углубляя его уже во многом сложившейся дуалистический характер. Результаты этого воздействия ярко проявились к середине XIX в., после отмены в России крепостного права.

До этого периода главенствующую роль в русском обществе принадлежало дворянству, дворянской интеллигенции, как наиболее культурному и просвещенному сословию. Просветительская и благотворительная деятельность дворянства способствовала появлению и выдвижению способных людей из низших сословий. После отмены крепостного права дворянство лишается своей экономической базы и постепенно утрачивает свои лидирующие позиции. Ему же на смену приходит разночинная интеллигенция, состоящая из представителей разных сословий, порвавших со своей социальной средой.

В конце 70-х гг. XIX в. разночинная по своему характеру интеллигенция разделилась на два основных направления: радикальное и либеральное. Это деление является довольно условным. В принципе, эти два течения русской интеллигенции различались лишь по методам достижения цели: если радикалы опирались в основном на насилие и террор, то либералы шли путем просвещения и реформ. Являясь законной наследницей дворянских традиций, либеральная интеллигенция усвоила также и его увлеченность религиозными и мистическими учениями гностического характера. Этому способствовало не только богатое историческое и духовное наследие масонства и розенкрейцерства существовавшее в России, но и постоянные контакты представителей русской либеральной интеллигенции с интеллектуальными, художественными и религиозными кругами Западной Европы, и особенно Франции, которые к концу XIX в. были охвачены мистическими настроениями.

В это время в среде европейской артистической богемы растет интерес к каббале, гностицизму и особенно к учению розенкрейцеров. На волне этого интереса возникают многочисленные литературно-художественные салоны мистической направленности, которые затем преобразуются в эзотерические ордена.

Так, в конце 80-х гг. в Англии каббалистом и мистиком Уинном Весткоттом был организован «Салон Розы и Креста», где устраивались выставки прерафаэлитов и французских художников Руа, Де Шаванна, Моро и др. Здесь же проводились и музыкальные вечера, на которых исполнялась музыка Рихарда Вагнера и Эрика Сати. «Салон Розы и Креста» был лишь преддверьем оккультного ордена «Золотая заря», членами которого являлись известные английские писатели Бульвер-Литтон, Стокер, Маккензи, Дженнингс.

Дух розенкрейцерства широко распространился по Европе, охватывая всё новые и новые страны. В 1888 г. в Париже возникает эзотерический литературно-художественный салон, который объединял артистическую богему Парижа, увлекавшуюся мистикой и оккультизмом. Завсегдатаями салона были известные оккультисты Папос и Пеладан, поэт Станислас де Гуайта, писатели Жорж Гюисманс, граф Леон де Ларма, художник граф Антуан де Ларошфуко. Здесь царил специфическая атмосфера магизма, в которой формировался особый психологический тип художника-мистика. В этой

атмосфере легко писались эзотерические поэмы и романы, создавались полотна на мифологические сюжеты. Художественное и литературное творчество воспринималось как особый вид теургии (известен афоризм Весткотта, ставший своего рода девизом подобного рода салонов «Красота ведёт художника к Богу»). Художник был магом, изменяющим образ мира и творящим новую реальность. Глубокое увлечение участников салона эзотерической традицией розенкрейцеров и обретение ими магического сознания приводит к преобразованию салона в «Каббалистический орден розы и креста». Вновь образованный орден стал работать по системе Мартинеса Паскуалиса. Молодые художники и поэты увлеченно изучали духовное наследие розенкрейцеров, трактаты гностиков и каббалистов, занимались магией и теургией. Полученный ими мистический опыт они выражали в своих литературных и художественных произведениях.

Таким образом, с полным правом можно сказать, что европейская культура конца XIX - начала XX в. была порождением эзотеризма. Возникает новое культурное явление – декаданс. Именно он определяет все дальнейшее развитие культуры вплоть до конца первой мировой войны.

Теория и практика европейского герметизма и культура декаданса, рожденная в недрах розенкрейцеровских салонов и носившая оккультный характер, оказали существенное влияние на русскую литературу, искусство, философию. Русское образованное общество издавна питавшее слабость к европейской и особенно французской культуре и хорошо ее знавшая, с восторгом восприняло новые веяния в литературе и искусстве.

Либеральная интеллигенция, ранее увлеченная разного рода социальными теориями, под воздействием английской и французской мистической литературы обращается к религиозным и гностическим учениям, что способствует развитию русской мысли, а стало быть, и русской культуры. Этот интерес во многом определил специфическую направленность духовных исканий русской интеллигенции. Надо сказать, что культурный ренессанс, начавшийся в России в конце XIX – начале XX в. был одновременно и ренессансом гностицизма.

Религиозные искания русской интеллигенции являются своеобразной попыткой обретения гнозиса, то есть истинного знания о духе. Русская философская мысль возвращается к своим религиозным истокам. Возникает русская религиозная философия. Основной же идеей новой религиозной метафизики становится идея «всеединства». Метафизика всеединства, разработанная В.С. Соловьевым, и продолженная Н.А. Бердяевым, П.А. Флоренским и М.С. Булгаковым основывается на постулате о Богочеловечестве. Богочеловечество – это новое человечество, поднявшееся до богоподобного совершенства через посредство Святого Духа. Русская религиозная мысль пытается найти связь между Богом и сотворенным им миром, и в этой попытке обращается к гностическому учению о Софии Премудрости Божией. Это учение восходит к знаменитому Симону Магу и секте древних гностиков – офитов. Присутствует она и в доктринах Валентина и Василида, а также в писаниях гностиков XVI - XVII вв. Так, историк русского масонства и сам видный масон П.А. Бурьшкин в своем докладе «Розенкрейцеровские истоки софианства» (сделанным им на заседании ложи «Юпитер»), признавая очевидное влияние на формирование идей русского софианства, учений Василия Валентина и Василида, все же основную роль в этом процессе отводит гностическим учениям немецкого мистика Я. Бёме и его последователей масонов: Портеджа, Сен-Мартена и Баадера.

«Основоположником софиологической доктрины - пишет П.А. Бурьшкин, - в том понимании, которое свойственно русской религиозной философии, является Яков Бёме - тевтонический философ. Бёме принадлежит самое замечательное и, в сущности, первое в истории христианской мысли учение о Софии. Бёмовское понимание Софии – преимущественно антропологическое, и София связана для него с чистым девственным, целомудренным и благодетельным образом человека».

Учения Бёме и Баадера о Софии оказали существенное влияние на формирование софиологии В.С. Соловьева. Именно на учении Бёме основывается Соловьев, рассматривая Св. Софию как вечную женственность и женское начало в божестве. «Для Бога, Его другое, имеет от века образ совершенной Женственности, но Он хочет, чтобы этот образ был не только для него, но чтобы он реализо-

вался и воплотился для каждого индивидуального существа, способного с ним соединиться» [11; С. 111], утверждает Соловьев.

Откровенно гностическое мировоззрение другого известного русского философа М.А. Бердяева также сложилось под влиянием учения Я. Бёме о мире и человеке. Сам Бердяев нисколько не скрывает этого факта, считая себя духовным учеником и продолжателем дела знаменитого гностика, о чём он ясно говорит в своём произведении «Смысл творчества»:

«Бёме должен войти в нашу духовную жизнь как вечный элемент, ибо никогда еще гнозис человеческий не поднимался до более сверхчеловеческих высот» [3; С. 77].

Другим источником антропологии Н.А. Бердяева является тайное еврейское учение Каббала. «В Каббале – пишет Бердяев – самосознание человека достигает вершины. В обычном христианском сознании истина о человеке – микрокосме задавлена чувством греха и падения человека. В официальном христианском сознании антропология еще остается ветхозаветно – библейской. В основной книге Каббалы «Зохар», и у Бёме в «Mysterium magnum» (толкование на первую книгу Моисея) снимаются с Библии оковы ограниченности и подавленности ветхого сознания человечества и приоткрывается истина о космическом человеке» [3; С. 74].

В этой и других своих работах Бердяев призывает к формированию у человека нового типа сознания – и это сознание несомненно гностическое.

Другой последователь западной гностической традиции, английский мистик и масон 18 века Портредж (чьими книгами зачитывались еще московские мартинисты), оказал существенное влияние на творчество П.А. Флоренского. Это прежде всего относится к учению Портреджа о Софии, которые он изложил в своей одноименной книге. Согласно его концепции, София – Мудрость Божия – это не столько атрибут Бога, сколько часть Св. Троицы.

П.А. Флоренский подхватывает и развивает идею Портреджа, создав на ее основе свою собственную софиологию, носящую ярко выраженный гностический характер. Так, София для Флоренского – это воплощение космоса и четвертая ипостась Божества.

Учение П.А. Флоренского продолжил русский философ и священник С.М. Булгаков, в софиологии которого гностические идеи нашли своё наиболее полное выражение. В своей философской доктрине Булгаков утверждает мир как Божество в его становлении. София же, как мудрость Божия является самовыражением Божества, которое проявляется как в его собственной природе, так и в сотворенном им мире. Соответственно с этим, Булгаков выделяет Софию Божественную и Софию Тварную, которая едина с Софией Божественной в своей сущности, но различается в образе своего существования. Эта софиологическая доктрина Булгакова, по сути дела является своеобразной философской интерпретацией гностического мифа о падении Софии Ахамот в бездну материи и удивительно напоминает учение знаменитого гностика 2 века н.э. Василия Валентина о двух Софиях, открывая, таким образом, подлинные истоки творчества С.Н. Булгакова. Еще одним важным аспектом учения о Софии является рассмотрение её как вечной женственности.

Восприятие Софии как вечно женского начала является отличительной чертой гностической философии. Симон Маг видит её в образе Елены Троянской, Яков Бёме – в образе праматери Евы, Владимир Соловьёв представлял ее как Афродиту Небесную, для Сергея Булгакова она является в образе Богоматери.

Гностическое учение о Софии как вечной женственности вскоре перекочевало из сферы философии в область литературы, и было горячо воспринято русскими литераторами и поэтами начала XX в.: А. Блоком, А. Белым, В. Брюсовым, М. Волошиным, В. Ивановым. Оно нашло отражение и в цикле Блоковских стихов о «Прекрасной Даме» и в мистической прозе В. Брюсова, и в поэзии М. Волошина, В. Иванова, М. Кузьмина. Так, Андрей Белый откровенно признается в своих воспоминаниях о Блоке: «Символ «женью» стал зарею для нас – соединение неба с землей – сплетаясь с учением гностиков о конкретной премудрости, с именем новой музы сливающей мистику с жизнью» [5; С. 33]

Гностические идеи жадно усваивались русскими литераторами в недрах литературных салонов и философских кружков, которые во множестве стали появляться в России в начале XX в. Создание многих из них было инспирировано розенкрейцерами. К этому времени Орден Розы и Креста активизировал свою деятельность, о чем свидетельствует бельгийский историк Виттеман в своей «Истории розенкрейцеров»: «В конце 19 века из центра Ордена Розенкрейцеров был дан призыв вновь сделать слышным мистический колокол Братства, так как Орден полагает, что эволюция человечества продвинулась достаточно вперед, вследствие астральных условий, чтобы герольды и духовные помощники, носители *lux veritatis*, могли объявить зарю для Духа, поднимающегося над миром». [6; С. 456]

Проводником идей розенкрейцеров в литературном мире стала известная оккультистка А.Р. Минцлова, которая очевидно являлась эмиссаром «Розенкрейцерского общества» Р. Штайнера в России. Минцлова оказала серьезное влияние на крупных русских поэтов и писателей. Она во многом способствовала формированию мистических настроений в литературной среде и направляла деятельность литературных кружков в нужное ей русло. Среди кружков софианской и мистической направленности следует отметить литературное объединение «Аргонавтов», кружок В. Иванова, кружок М.С. Соловьева (брата философа), объединение деятелей искусства «Свободная эстетика» и другие. Общую направленность деятельности этих кружков довольно точно подметил русский историк и писатель граф Граббе. «В кружках и между кружками шли постоянные споры, хотя одно было общее – искание познания Софии как какого-то женского начала. Только подходы к Софии были различные, одни ограничивались суждением о ней с религиозно – философской стороны, исходя преимущественно из гностической системы древнего еретика Валентина. Другие переносили Софию в область политики и социологии, видя проявления её в революции. Одни в своем учении о Софии исходили из хотя бы извращенного христианства, другие выводили её от Валентины и прочих гностиков» [7; С.18].

Надо сказать, что благодаря активной работе Минцловой и других представителей розенкрейцерства, в интеллектуальной среде появляется огромный интерес к работам немецкого антропософа и розенкрейцера Р. Штайнера, имя которого пользовалось большим уважением в интеллектуальных кругах России.

Некоторые считали его даже новым мессией и величайшим мистиком современности.* Так, М.А. Бердяев говорит о нём как о самом замечательном и значительном современном теософе, А. Белый заявляет о своем глубоком уважении к немецкому гностику.

Р. Штайнер был посвящен в розенкрейцеры в Германии, и всегда был верным членом Ордена. Антропософское общество, которое он создал в 1903 г. было первой подготовительной ступенью розенкрейцерства. По свидетельству современника Р. Штайнера известного историка масонства Бурьшкина, Штайнер считал себя истинным розенкрейцером и свою приверженность идеям Братства Розы и Креста он пытался передать своим ученикам, которых в России у него было предостаточно. Приверженцами Штайнера являлись: М. Волошин, В. Иванов, А. Белый, Н. Бердяев, Сабашников, Сизов и многие другие.

Последователи Р. Штайнера рассматривали его учение как прямое продолжение гностической традиции. «Великие мистические учения о человеке в наше время осознаются и возрождаются слишком в наукообразной форме Р. Штайнером, основателем антропософического общества» - писал Н.А. Бердяев в одном из своих произведений [3].

В 1910 г. в Москве создается антропософский кружок Христофоровой, объединивший представителей московской интеллигенции, интересовавшихся учением Р. Штайнера. На собраниях кружка часто бывали П. А. Флоренский, весьма интересовавшийся антропософией, и С.Н. Булгаков. Члены этого кружка занимались переводом антропософской литературы, слушали лекции по антропософии и оккультизму, знакомились с новыми работами Штайнера и разыгрывали розенкрейцерские мистерии на домашней сцене.

Руководители общества Минцлова, Эртель, Леман в своей работе строго следовали указаниям и инструкциям, полученным из антропософского центра в Мюнхене. Московские розенкрейцеры и антропософы поддерживали тесную связь с масонскими ложами. Но в отличие от масонов, деятельность которых была направлена на изменение государственного строя России, целью розенкрейцеров была реформа церкви, реформа православия, предполагающая замену многих традиционных православных положений постулатами гностицизма.

Особой активностью в этом направлении отличалось Религиозно-философское общество, у руля которого стояли братья Трубецкие и Л.М. Лопатин. Общество состояло из двух отделений: Петербургского и Московского. В него входили лучшие представители русской интеллигенции: Мережковский, Карташов, Булгаков, Эрн, Бердяев, Белый, Иванов, Свенцицкий, и некоторый из них (Эрн, Свенцицкий) пытались объединить мистические искания Софии с революционной борьбой. Новообращённые гностики в своих работах подвергали официальное православие резкой критике. Борьба софиан против традиционного православия принимала всё более острый полемический характер и на переднем крае этой борьбы был идеолог «нового религиозного сознания» Н.А. Бердяев. В своих работах Бердяев говорит о кризисе традиционного христианства, утверждая, что святоотеческая традиция не отвечает новым требованиям жизни и не выполняет задачи творческого преобразования мира и воспитания нового человека. Сравнивая евангельское христианство и герметизм в плане решения ими проблем антропологии он отдаёт предпочтение последнему.

«Во всех мистических и оккультных учениях – пишет Бердяев, скрыто исключительное антропологическое сознание, которое трудно найти в официальных церковных учениях и официальных философских учениях» [3; С. 77]. Гностические мотивы звучат также в произведениях В.С. Соловьёва, Карсавина, Франка, В. Брюсова и других.

Против официального христианства была направлена деятельность и тесно связанного с Религиозно-философским обществом «Братства Святой Софии». «Братство Св. Софии» представляло собой парамасонский орден со своей иерархией (3 степени) и со своей особой инициацией и уставом. Так, граф Граббс пишет о антиправославной работе софиан: «Они учат, что церковное сознание в русской православной церкви было до сих пор подавлено, а потому и первой своей задачей ставят освобождение его от этой подавленности. С освобождением же подавленного церковного сознания, по их мнению, перед русскими церковными силами открывается выход к новому творчеству, к такого рода начинаниям, которые переступают грани простой реформы и возможны лишь в «виде» реформации» [7; С. 22].

Софианская идея была не единственной гностической идеей, которую усвоила либеральная интеллигенция. От своего предшественника, либерального дворянства, интеллигенция начала XX в. унаследовала ряд типично масонских и гностических идей, сохранявшихся в недрах тайных обществ.

Прежде всего, такими идеями были: идея космополитизма (масон есть гражданин мира), выражавшаяся в критическом отношении к своему отечеству, его традициям и преданиям, так называемом «отщепенчестве», идея собственного избранничества, проявлявшаяся в столь характерной для разночинной интеллигенции сектантской психологии; идея свободной личности, отстаивающей свои права и ничего не хотевшей знать об обязанностях. Но самое главное, влияние заключалось в усвоении интеллигенцией сугубо гностического восприятия мира как злого и несовершенного начала.

В сознании русской интеллигенции воскресает гностический миф о сотворении мира и человека из грязи Демиургом и его архонтами. Согласно этому мифу, миром управляет злой бог или Демиург и его служители – земные власти. Отсюда следует негативное отношение к любой власти как носительнице метафизического зла. Все те же, кто борется против духовных и светских властей, таким образом, автоматически выступают на стороне добра. Это чувство непримиримости к власти и её установлениям носит у интеллигенции прямо-таки религиозный характер.

«Эта интеллигенция – не только в своих крайних проявлениях, но и в умеренных, так называемых либеральных, отрицала не частности строения, а саму власть, требовала от неё не тех или иных

мер, а того, чтобы она – устранила самую себя, отдала Россию им. На такой почве возможна только борьба, полное торжество победителя, полное уничтожение побежденного» - писал о сложившейся ситуации известный русский мыслитель Л. Тихомиров. [12; С. 383].

Таким образом, интеллигенция стремилась сама выступить в роли спасителя мира, сокрушить зло и перестроить этот несовершенный мир на началах свободы, равенства, братства, добра, справедливости. Причём эту справедливость интеллигенция понимала в абсолютно гностическом духе, как обобществление собственности и всеобщего равенства, о котором мечтали еще древние гностики. Так, в трактате «О справедливости» гностика Епифана говорится: «Как небо покрывает равномерно всю землю и звезды ночью видны одинаково, так и Бог, подобно солнцу, является источником дня и отцом света, освещает всех, кого он видит, в равной мере. А видит он всех одинаково, не различая между богатым и бедным, простолюдином и правителем, женщиной и мужчиной, свободным и рабом» [1; С. 265].

Все установление властей, как злых и темных сил, государственные законы и правовые акты рассматриваются гностиками и их духовными последователями – русскими интеллигентами как препятствие на пути к построению на земле царства света и добра.

Камнем преткновения на пути к освобождению человечества из-под власти «темных сил», то есть государства и церкви, они считают частную собственность, охраняемую несправедливыми законами. «Закон же, будучи не в силах пресечь людское неразумие, сам способствует беззаконию. Частная собственность, поддержанная законом, рушит божественный закон о равенстве в самом основании» [1; С. 265].

Таким образом, становится совершенно очевидно, что именно в утверждении социального идеала всеобщего равенства смыкаются эстетические и социальные задачи древних гностиков и радикальной интеллигенции.

Антисоциальная и революционная природа гносиса нашла свое выражение не только в идейной критике существующего порядка вещей, но и в прямой политической борьбе, создании политических организаций и направленных как на пропаганду революционных идей, так и на прямые политические действия (террор). Эти организации носили нелегальный характер и существовали первоначально в форме революционных кружков.

Дух, царивший в недрах революционных кружков, был тот же самый, что и в кружках либералов-софиан. Несмотря на всю разницу в содержании работ революционеров и софиан, их цели и задачи во многом совпадали.

Деятельность и тех, и других носила антигосударственный и антицерковный характер, и была направлена на разрушение традиционного православного и великодержавного сознания русского народа и подмене его сознанием гностическим, интернациональным. Конечной целью этих усилий было формирование «нового человека» и построение «нового мира».

Общей для либералов-реформаторов и радикалов-революционеров была форма их организации, во многом заимствованная у масонских лож и гностических сект. Масонская ложа являлась настолько удобной формой для тайной работы, что ко времени первой русской революции масонские ложи были возрождены усилиями либеральной интеллигенции.

Н. Берберова так пишет об этом: «Возрождение масонства в России было вызвано тремя важными событиями: поражением России в Японской войне, революцией 1905 г. (и открытием русского парламента) и буйным ростом интеллигенции, вопреки всем запретам и препонам. Этот рост шел рука об руку не только с ростом буржуазии крупной, но и мелкой, которая, как и интеллигенция, «нажимала на все стороны русской жизни: на запреты царя, помазанника Божия, на закрытие университетов, на торможение сессий Думы, на удушение мысли, на опоздание во всем, что касалось материального и умственного прогресса населения и равенства его перед законом» [2; С. 9].

В 1906 г. русские масонские ложи были утверждены Великим Востоком Франции и получили официальный статус. Руководителями масонских лож стали старые эмигранты, уже являвшиеся чле-

нами французского масонства, того самого масонства, которое в конце XIX – начале XX в. вело активную борьбу с христианством.

Представители русской интеллигенции вступали во французские масонские ложи, с целью получить опыт борьбы с церковью и религией и для того, чтобы «лучше постичь тайну политических успехов своих французских политических единомышленников». Масонские ложи, принадлежащие к Великому Востоку Франции, имели ярко выраженный политический характер и выполняли определенные политические задачи.

Кроме лож Великого Востока, в России появляются мартинские, розенкрейцерские ложи, возобновившие свои работы под влиянием «Каббалистического ордена Розы и Креста» доктора Папюса. Доктор Папюс был принят при дворе, он также являлся желанным гостем в некоторых софианских кружках. Мартинские ложи были основаны в Санкт-Петербурге и Москве, существовала подобная ложа и в Царском Селе. Она носила название «Креста и Звезды». По свидетельству Н. Берберовой, в нее входили многие великие князья, которые в последствии участвовали в заговоре против Николая II.

Деятельность мартинистов носила явный антиправославный, гностический и даже оккультный характер. Под влиянием мартинистов находились и многие поэты-символисты – В. Иванов, В. Брюсов, А. Белый, А. Петровский, А. Блок, ставшие в разное время членами мартинистской ложи «Люцифер».

Цель возрождения масонских лож, по свидетельству думского деятеля и масона Мельгунова, была в основном политическая, под «внешним масонским флагом» хотели достигнуть того политического объединения, которое «никогда не давалось русской общественности». Это объединение должно было носить левый характер. Обновленное русское масонство состояло в основном из представителей либеральной интеллигенции. Однако, с масонством были связаны и русские радикалы. К объединению революционеров и масонов призывал и светоч русского революционного движения князь П. Кропоткин. Подобно французскому масонству времен Французской буржуазной революции, русское либеральное масонство направило свои усилия на борьбу с верховной властью и действовало на этом поприще весьма успешно, подготовив Февральскую революцию 1917 года и свержение монархии в России. Изменение политического строя знаменовало для либеральной интеллигенции долгожданное начало новой эпохи «века Астрен», где воплотились бы главные идеалы масонства: свобода, равенство и братство.

Неожиданно для либеральной интеллигенции власть оказалась в ее руках. Здесь-то и проявилась вся парадоксальность ситуации, так как для уже сложившегося гностического сознания русской либеральной интеллигенции власть является злом, установлением «темного» Бога.

На этот психологический момент обращает внимание и русский философ Н.А. Бердяев. Он подчеркивает, что идея власти всегда была враждебна интеллигентскому сознанию, поскольку «русские либералы всегда были скорее гуманистами, чем государственниками. Никто не хотел власти, все боялись власти как нечистоты» [4].

Обретшие власть либералы не умели ею распорядиться и подсознательно стремились от нее избавиться. И это им вполне удалось. Выскользнувшая из их рук власть была подобрана уже радикальной интеллигенцией, крайнего гностического или даже манихейского склада духа.

Она стремилась физически уничтожить мир зла и несправедливости, все его установления и проявления и воплотить древнюю мечту гностиков-карпократиан о всеобщем равенстве и отсутствии частной собственности. Получив власть, «новые карпократиане» - большевики, с их манихейским видением мира начали практически реализовывать радикальные гностические идеи в невиданных ранее масштабах. Но самое главное, они приступили к давно задуманной в недрах тайных обществ «перековке человека», провозгласив начало новой эпохи.

Их радикальное марксистское учение (своеобразная мистика пролетариата), воплощенное в жизнь, поставило страну перед катастрофой, так же, как некогда учение манихеев поставило перед

бездной Уйгурский каганат. Но вот парадокс – обретя власть, радикальная интеллигенция стала невероятным образом перерождаться. Герой – интеллигент, вышедший на борьбу с Драконом государственности, как в китайской сказке, сам превратился в Дракона.

Уроборос поглотил свой хвост, гностическое кольцо замкнулось.

1. Афонасин Е.В. «В начале было...». Античный гностицизм в свидетельствах христианских апологетов. СПб., 2002.
2. Берберова Н. Люди и ложи. Нью-Йорк, 1986.
3. Бердяев Н.А. Смысл творчества. М., 2006.
4. Бердяев Н.А. Русская идея. М., 1997.
5. Белый А. О Блоке. Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997.
6. Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 2000.
7. Граббс Ю.П. Корни церковной смуты. Белград, 1927.
8. Доброклонский А. Руководство по истории Русской Православной церкви. М., 1993.
9. Лопухин И.В. Массонские труды: Духовный рыцарь. Некоторые черты о внутренней церкви. М., 1997.
10. Соловьев В.С. Собрание сочинений. С-Пб., ТПШ...Чтения о богочеловечестве». Гл. 8. М., 1995.
11. Тихомиров Л. Монархическая государственность. СПб., 1992.
12. Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. М., 2000.

Батищева Ю.В.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЮМОРА

Орловский государственный технический университет

Вопросы понимания юмора были предметом изучения с античных времён. Описание и исследование этого явления возможно в самых разных аспектах, с самых разных сторон. Юмор — это и философская категория, и важнейший культурный концепт, и одно из центральных понятий искусства, и психологический феномен.

По мнению американского ученого К. Глинки, первым в ряду выдающихся философов, уделавшим внимание изучению смешного, является Платон (427-348 до н.э.). Его мнение о предмете оказалось отрицательным. Платон не нашёл в юморе ничего хорошего. В трактате «Республика» он рассмотрел отрицательные последствия безумного смеха. В «Филебусе» смешливому человеку приписываются только пороки. Платон считал юмор негативным явлением, ибо чувство это основано на злобе и зависти, в особенности смех, вызванный несчастьем или неудачей других, или насмешки над стоящими ниже по положению. К. Глинка отмечает, что Платон не сделал попытки объяснения природы смешного, но пришёл к весьма важному выводу о том, что смех может иметь серьёзные последствия, в том числе для жизни целого государства [4].

Древнегреческий философ Аристотель (384-322 до н.э.) в «Риторике» рассматривал шутки как форму образованного высокомерия. Он отмечал две основные черты комического: «Смешное - это некоторая ошибка и безобразие, никому не причиняющее вреда и ни для кого не пагубное» [К. Глинка, 4]. Аристотель был первым, кто ввёл понятие об эффекте неожиданного, или триггерного, смеха. В отличие от Платона, Аристотель допускал, что в умеренных количествах юмор может быть полезным.

Квинтилиан (35-97 н.э.) очень серьезно относится к смеху. Также как и Цицерон, этот мыслитель рассматривал остроумие сквозь призму риторики. Но более четко отделял остроумие от просто смешного. Он понимал, что человек смеётся не только над тем, что остроумно, но также над глупостью, трусостью, невоздержанностью и пр. Все причины, вызывающие улыбку и смех, Квинтилиан разделил на 6 групп: 1) изысканность (лат. urbanitas); 2) грациозность (лат. venustum); 3) пикантность (лат. salsum); 4) шутка (лат. facetum); 5) острота (лат. jocus); 6) добродушное подтрунивание (лат. decacitas).

Средние века не были лучшим временем для исследования такого радостного явления, как юмор. Следующий период в активности исследований этого вопроса пришёлся на начало Возрождения.

Английский мыслитель Томас Гоббс (1588-1679) развил идею Платона и Аристотеля о том, что смех имеет отношение к превосходству над окружающими. В «Левиафане» Гоббс пишет, что челове-

чество находится в постоянной борьбе за власть и не должно удивлять, что он отдаёт победу смеющемуся. Гоббс высказал плодотворную идею о том, что смех является выражением внезапного триумфа, происходящего от внезапного же чувства превосходства над окружающими или над своим прошлым.

Основатель либерализма Джон Локк (1632-1704) в трактате «Опыт о человеческом разуме» сделал попытку провести различие между остроумным высказыванием и «способностью суждения». Остроумие, по Локку, «заключается главным образом в подборании идей и быстром и разнообразном соединении тех из них, в которых можно найти какое-то сходство или соответствие, чтобы тем самым нарисовать в воображении привлекательные картины и приятные видения» [7; С. 205].

Родоначальник немецкой классической философии Иммануил Кант (1724-1804) первым отметил, что определённая структура мысли («игра идей») может вызвать смех. В «Критике чистого разума» он утверждал: «Смех является эмоцией, возникающей из неожиданного превращения напряжённого ожидания в ничто». Остроумная шутка должна содержать в себе нечто такое, что мы сперва принимаем за истину, что вводит нас в заблуждение, а в следующий момент обращается в ничто. Таков механизм, включающий реакцию смеха, — полагал Кант. Он разобрал психологическую ситуацию, вызываемую восприятием остроумных высказываний. Правда, Кант так и не определил термин «ничто».

Свои суждения об остроумии высказал в «Науке логики» и Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770-1831). Гегель подошёл к анализу остроумия как формы мышления. «Остроумная рефлексия ... состоит в схватывании и высказывании противоречия. Хотя она и не выражает понятия вещей и их отношений, а имеет своим материалом и содержанием лишь определения представления, она всё же приводит их в такое соотношение, в котором содержится их противоречие, и тем самым даёт их понятию просвечивать сквозь это противоречие» [3; С. 400]. Таким образом, «светящееся противоречие» между сущностью и явлением есть то общее, что присуще всему остроумному. Но едва ли, по мнению К. Глинки, можно считать, что этой формулой Гегель исчерпал природу остроумного. Слова «светящееся противоречие» сами нуждаются в расшифровке [4].

Во второй половине XIX в. английский философ и социолог Герберт Спенсер (1820-1903) обратился к исследованию физиологии смеха, выдвигая идею, что смех происходит вследствие сознания «несообразности». В своей работе «Опыты научные, политические и философские» он также отмечал, что «не одно только чувство смешного вызывает смех и не только разнообразные формы радостных эмоций служат причинами к его возбуждению. Кроме такого смеха, бывает ещё смех сардонический и смех истерический...» [9; С. 803]. Сравнивая несообразности, Спенсер выделял нисходящий характер несообразности, вызывающей смех. «Смех...естественно является только тогда, когда сознание неожиданно обращается от великого к мелкому, т.е. когда встречается то, что можно бы назвать нисходящей несообразностью» [9; С. 808-809].

Основатель психоанализа Зигмунд Фрейд был одним из первых исследователей, рассмотревших юмор в качестве агрессивного и одновременно защитного средства. В работе «Остроумие и его отношение к бессознательному» Фрейд провел различие между чувством юмора, остроумием, а также комическим. Разделяя эти понятия, Фрейд все же находит большое сходство в их интерпретации. В частности, основным критерием выделения этих понятий служит принцип затраты и освобождения энергии. «Удовольствие от остроты вытекает для нас из экономии затраты энергии на упразднение задержки, удовольствие от комизма — из экономии затраты энергии на работу представления, а удовольствие от юмора — из экономии аффективной затраты энергии» [10; С. 230]. Таким образом, остроумие экономит психическую энергию за счёт того, что уменьшается необходимость тормозить свои побуждения и импульсы; остроумие — это отдушина для чувства враждебности, которое не может быть удовлетворено другим способом. Комическое — по Фрейду — отличается от остроумия тем, что оно неумышленно. Неловкое движение может быть комично, но не остроумно. Комизм экономит психическую энергию за счет «экономии мышления». Наконец, чувство юмора позволяет увидеть смешную сторону неприятного явления, преобразуя боль и гнев в улыбку и смех. Это экономия чувств.

Известный французский философ Анри Бергсон (1859-1941) в работе «Смех» подчеркнул общественный характер и общественное значение смеха. Чтобы понять смех, «его необходимо перенести в его естественную среду, каковой является общество; в особенности необходимо установить по-

лезную функцию смешного, каковая является функцией общественной» [2; С. 14]. По Бергсону не существует комического вне собственно человеческого. Далее Бергсон добавляет: «Оно выражает, следовательно, известное индивидуальное или коллективное несовершенство, требующее немедленного исправления. Смех и есть это исправление» [2; С. 59]. Бергсон сделал различие между остроумным и смешным, выделяя три основных закона того, что можно было бы назвать «комическим преобразованием предложений»: инверсия, интерференция, перемещение.

Рассматривая логику, свойственную комическим личностям и группам, он отталкивался от определения Теофиля Готье, который назвал комизм логикой нелепости, Бергсон сделал вывод, что «многие теории смеха сходятся на подобной же мысли. Всякий комический эффект должен заключать в себе противоречие в каком-нибудь отношении. Философ писал: «Нас заставляет смеяться нелепость, воплощённая в конкретную форму, — «видимая нелепость», или кажущаяся нелепость, сначала допущенная, но тотчас же потом исправленная, или, наконец, то, что нелепо с одной стороны, но естественно объяснимо — с другой, и т.д.» [2; С. 113].

Бергсон считал, что, несмотря на то, что «все эти теории заключают, несомненно, известную долю истины; но, прежде всего, они применимы только к некоторым, довольно грубым комическим эффектам, и даже в тех случаях, когда они применимы, они ... упускают из виду самый характерный элемент смешного, именно совершенно особый род нелепости, который комическое содержит, когда оно вообще содержит в себе нелепость» [2; С. 113]. Он уточнил, что эта нелепость вполне определённая. Она не создаёт комическое, она, скорее, происходит от него. «Она есть не причина, а следствие — следствие совершенно специальное, в котором отражается специальная природа вызвавшей его причины. Мы знаем эту причину. Нам не будет, следовательно, трудно теперь понять и следствие» [2; С. 113].

Великий английский естествоиспытатель Чарльз Дарвин (1845-1912) также занимался изучением смеха. В книге «Происхождение человека и половой отбор. Выражение эмоций у человека и животных» он высказал свои соображения о роли и значении смеха как реакции приспособления организма к окружающей среде и эволюции смеха [5].

Дарвин подробно исследовал анатомию лицевых мускулов людей и приматов и проанализировал звуки смеха.

Выдающийся русский литературовед, теоретик искусства М.М. Бахтин (1895-1973) предложил свою интерпретацию смеха и народной культуры. В монографии «Творчество Ф. Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» Бахтин дал культурное объяснение малоизученной традиции народного юмора и форм смеха в различных сферах человеческого творчества. О значении такого смеха М.М. Бахтин сказал: «Целое тысячелетие внеофициального народного смеха ворвалось в литературу... Он сочетался с самой передовой идеологией эпохи, с гуманистическим значением, с высокой литературной техникой... Средневековый смех в этой новой комбинации и на этой новой ступени своего развития должен был существенно измениться. Его всенародность, радикализм, вольность, трезвость и материалистичность перешли в состояние художественной осознанности и целеустремлённости. Другими словами, средневековый смех... стал выражением нового свободного и критического исторического сознания эпохи» [1; С. 81-82].

Русскоязычному читателю хорошо знакома книга врача-психоневролога, а также философа А.Н. Лука «О чувстве юмора и остроумии» [8]. На протяжении многих лет практически ни одна работа отечественного исследователя, занимавшегося вопросами смешного, не обходилась без упоминания о его обстоятельной работе. К. Глинка отмечает: «Лук был первым автором советского периода, проделавшим работу по систематизации теорий смешного и высказавшим ряд самостоятельных глубоких суждений.» [4]. А.Н. Луку принадлежит и оригинальная классификация приёмов, вызывающих смех.

В конце 80-х - начале 90-х гг. XX в. в ряде российских, французских и польских изданий появились работы русского философа Л.В. Карасёва. В своей работе «Социология политического юмора: Очерки», 1998 А.В. Дмитриев анализирует предложенную Карасёвым новую концепцию юмора и смеха. «Основной её смысл состоял во взгляде на смех как на целостный культурно-исторический и психофизиологический феномен, раскрывающий свой смысл при сопоставлении его с окружающими его символами» [6; С. 285] А. Дмитриев называет концепцию Л. Карасёва «смысловой», так как в ос-

нове всех построений автора лежит гипотеза о смехе как о символическом целом, развивающемся по своим внутренним законам. «Смех предстаёт перед читателем как набор смысловых линий, вступающих друг с другом в сложные отношения, но в конечном итоге составляющих единое универсальное целое» [6; С. 285-286]. Рассматривая происхождение смеха, Л.В. Карасёв отмечает, что смех возникает одновременно с языком и мышлением. Как и большинство лингвистов, автор придерживается той точки зрения на происхождение языка, что смех появляется «мгновенно» вместе со всеми остальными важнейшими элементами человеческой психики. Смех возникает как единое целое, как сложившееся качество и уж затем — как целое — начинает развиваться, обогащаться и т.д.

Согласно Карасёву, все видимое многообразие различных проявлений юмора и смеха принципиально сводимо к двум основным типам. «Первый тип смеха связан с ситуациями, когда человек выражает свою радость, телесное ликование, «телесный» или «витальный» энтузиазм. Этот тип Карасёв называет «смехом тела» и относит к разряду состояний, которые характерны не только для человека: нечто похожее можно увидеть и у животных, которым также знакомы радость игры и физическое удовольствие. Второй тип связан с собственно комической оценкой действительности. Этот вид смеха может включать в себя и элементы только что названного типа, однако его сущность в том, что он представляет собой соединение эмоции и рефлексии. Этот тип получил у него наименование «смеха ума» [6; С. 287].

Среди всего многообразия авторов, занимавшихся изучением юмора, важная роль отводится профессору филологии В. Раскину, впервые исследовавшему юмор с точки зрения лингвистики и предложившему так называемую семантическую теорию юмора. Данная лингвистическая теория направлена на определение условий, которые являются достаточными и необходимыми, чтобы текст был воспринят смешным.

Раскин полагает, что в основе юмористического эффекта лежит столкновение контекстов, а не простого языкового смысла. Согласно этой теории «юмористический эффект возникает, если имеют место следующие условия: а) текст обладает совместимостью, частичной или полной; в) две части текста противоположны в определённом смысле» [11; С. 99].

Рассмотренные выше взгляды ученых на природу юмора доказывают, что юмор — категория сложная, противоречивая, требующая серьезного исследования со стороны самых разных дисциплин и их теоретических школ.

1. Бахтин М. М. Творчество Ф. Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная культура, 1990. 543 с.
2. Бергсон А. Смех. М.: Искусство, 1992. 127 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. СПб.: Наука, 1997. 799 с.
4. Глинка К. Теория юмора. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://zhurnal.lib.ru/j/juzhanin_i_a/teorijajumora.shtml
5. Дарвин Ч. Происхождение человека о половой отбор. Выражение эмоций у человека и животных. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. 1040 с.
6. Дмитриев, А. В. Социология политического юмора. М.: РОССПЭН, 1998. 332 с.
7. Локк Джон Сочинения. В 3 томах. Том 1. М.: Мысль, 1985. 621 с.
8. Лук А.Н. О чувстве юмора и остроумии. М.: Искусство, 1968. 191 с.
9. Спенсер Г. Опытты научные, политические и философские. Мн.: Современный литератор, 1998. 1408 с.
10. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. М.: АСТ, 2006. 480 с.
11. Raskin Viktor Semantic Mechanisms of Humor. Dordercht: Reidel, 1985. 168 с.

II. ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Зорина Я.А.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ КОНСТИТУЦИЙ (УСТАВОВ) СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Орловская региональная академия государственной службы

Свойство стабильности конституционно-уставного регулирования общественных отношений в законодательстве субъектов Федерации обеспечивается рядом социальных, политических, экономических и юридических гарантий. При всей важности этих обеспечительных мер, основным юридическим средством защиты стабильности конституций (уставов) субъектов Федерации является особый порядок их принятия, а также пересмотра, внесения в них изменений и дополнений.

Стабильность конституционного строя России после принятия Конституции Российской Федерации всенародным референдумом в декабре 1993 г. была во многом обусловлена сверхжестким характером основного закона государства. Общий порядок пересмотра Конституции Российской Федерации регулируется статьей 135, а детали правовой регламентации этих процедур должны найти выражение в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Собрании», который пока не принят. Пересмотр основного закона страны, по мнению С.А. Авакьяна, должен включать в себя следующие этапы: внесение и рассмотрение предложений о пересмотре Конституции; созыв Конституционного Собрания; работа Конституционного Собрания; назначение и проведение всенародного голосования; заключительное заседание Конституционного Собрания для подведения итогов всенародного голосования и объявления о принятии (провозглашении) новой Конституции Российской Федерации [1; С. 304-310].

Поправки к главам 3–8 Конституции Российской Федерации, в соответствии с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. по делу о толковании статьи 136 Конституции Российской Федерации, могут вноситься исключительно в форме закона Российской Федерации. По мнению высшего судебного органа конституционного контроля, положения Конституции Российской Федерации о том, что поправки в ее главы 3–8 принимаются в порядке принятия федерального конституционного закона, означают лишь требование квалифицированного большинства голосов в Совете Федерации (три четверти) и в Государственной Думе (две трети), но не допускают принятия федерального конституционного закона о поправках в Конституцию, поскольку исчерпывающий перечень федеральных конституционных законов дается непосредственно в Конституции Российской Федерации. Принятие федерального закона о поправках в Конституцию, согласно позиции Конституционного Суда, так же недопустимо вследствие усложненности процедуры внесения поправок в основной закон государства. Это не исключает установления узкого круга субъектов права законодательной инициативы по внесению поправок в главы 3–8 Конституции (статья 134) и обязательной ратификации поправок не менее чем двумя третями законодательных (представительных) органов субъектов Федерации [2]. В конечном итоге данные руководящие конституционные принципы, выявленные в процессе осуществления конституционного правосудия, нашли свое выражение в Федеральном законе от 4 марта 1998 г. «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» [3], который, однако, фактически ни разу не применялся и тем самым, в определенной мере, обеспечил стабильность конституционного регулирования на федеральном уровне.

Имеется определенная специфика внесения изменений в статью 65 Конституции Российской Федерации, если это касается состава субъектов Федерации и их наименования. Лишь в данном аспекте конституционный строй России оказался сравнительно подвижным: например, Президент Российской Федерации неоднократно принимал указы о включении нового наименования субъекта Фе-

дерации в статью 65 Конституции Российской Федерации (Республика Ингушетия, Республика Северная Осетия – Алания, Республика Калмыкия, Чувашская Республика – Чувашия, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра). Наблюдаются активные интеграционные процессы объединения субъектов Федерации на основе федеральных конституционных законов.

Однако и этот механизм потребовал нормативного толкования со стороны Конституционного Суда Российской Федерации. В постановлении от 28 ноября 1995 г. Суд указал, что если речь идет только о наименовании субъекта Федерации – то этот вопрос относится к ведению субъектов Федерации и реализуется в установленном субъектом Федерации порядке. Формой внесения поправок в Конституцию Российской Федерации является указ Президента Российской Федерации, причем глава государства не вправе отклонить и обязан промульгировать решение субъекта Федерации. В спорных случаях Президент Российской Федерации использует согласительные процедуры, причем здесь не применяется общий порядок внесения поправок в главы 3–8 Конституции Российской Федерации. Однако если переименование субъекта Федерации затрагивает основы конституционного строя, права и свободы человека и гражданина, интересы других субъектов Федерации, Российской Федерации и других государств, меняет состав Федерации или статус субъектов Федерации, то на эти случаи упрощенный порядок внесения поправок в Конституцию не распространяется. Примерами подобного рода могут служить такие действия субъектов Федерации, как введение другой формы правления, нарушение государственной целостности, наличие территориальных претензий, посягательство на принцип отделения церкви от государства, появление противоречащих Конституции Российской Федерации идеологических или общественно-политических оценок, игнорирование исторических или этнических традиций [4].

• Следует отметить, что особо сложный порядок пересмотра и внесения поправок в Конституцию Российской Федерации получил весьма неоднозначную оценку в юридической литературе. Так, А.В. Малько считает, что действующая Конституция в России является недостаточно «народной» и должна пройти «через горнило всенародного обсуждения» [5; С. 12]. Кроме того, блокирование федеральным законодателем поправок в текст Конституции обусловило повышение роли судебного конституционного контроля в процессе фактической модернизации отдельных конституционных положений.

Правовые позиции Конституционного Суда не только трансформируются в соответствующие нормы законодательства [6; С. 20-21], но и уточняют общеправовые принципы и положения [7; С. 162], что, в конечном итоге, способствует «федерализации» конституционной юстиции [8; С. 36] и превращению ее, в определенной мере, в конституционного законодателя [9; С. 180]. Данный феномен М.А. Митюков объясняет самостоятельностью судебной практики, незавершенностью конституционного регулирования и «отсутствием резкой грани между правоприменением и юридическими нормами» [10; С. 39].

Проведенный выше краткий обзор механизма правового регулирования порядка пересмотра и внесения поправок в Конституцию Российской Федерации позволяет перейти к изучению аналогичных проблем на уровне субъектов Федерации. Следует согласиться с тем, что в сфере конституционно-уставного законодательства субъектов Федерации «вряд ли можно обнаружить области правового регулирования, не опосредованные нормами федеральных актов» [11; С. 97]. Поэтому важное значение здесь имеет исследование положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

Вызывает возражение высказанное в юридической литературе мнение, что Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» подробно регламентирует процесс принятия конституции (устава) субъекта Федерации [12; С. 26]. Федеральный законодатель, напротив, не только упрощает этот механизм по сравнению с регулированием пересмотра и внесения поправок в Конституцию Россий-

ской Федерации, но и недвусмысленно препятствует расширенной регламентации соответствующих общественных отношений в региональном конституционно-уставном законодательстве.

Фактически единственным отличием конституции (устава) субъекта Федерации от текущего регионального законодательства, по смыслу части 1 статьи 7 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», является требование квалифицированного большинства голосов региональных парламентариев. В этой связи уместно привести высказывание П.И. Евсеева о том, что «недостатки законотворческой практики регионального уровня» обусловлены «не только юридической некомпетентностью правотворческих органов субъектов РФ», но и «несовершенством устанавливаемых Федерацией» механизмов правового регулирования общественных отношений [13; С. 41].

Недостаточность правовой гарантии стабильности конституции (устава) субъекта Федерации посредством повышенного законодательного требования к большинству голосов региональных парламентариев во многом объясняется результатами прошедших выборов в законодательные (представительные) органы субъектов Федерации. Так, в Орловской области по результатам голосования избирателей в марте 2007 года фракция «Единая Россия» получила представительство в Орловском областном Совете народных депутатов в объеме 33 (67 %) мандатов, 21 (43 %) из которых приобретен в одномандатных округах и 12 (25 %) – по партийному списку; фракция «КПРФ» обеспечила 10 (20 %) мандатов, из которых 3 (6 %) – в одномандатных округах и 7 (14 %) – по партийному списку. Депутатские группы «Справедливая Россия» и «ЛДПР» получили представительство, соответственно, в количестве 4 (8 %) и 2 (4 %) мандатов.

Состоявшиеся в марте 2006 г. выборы депутатов Курской областной Думы четвертого созыва привели к следующим результатам: «Единая Россия» получила 156 933 голоса избирателей, что составляет 37,36 % от числа граждан, принявших участие в голосовании; КПРФ – 47 369 голосов избирателей (11,28 %); Российская партия Жизни – 30 494 голоса избирателя (7,26 %). В итоге по единому избирательному округу «Единая Россия» получила 15 депутатских мандатов, КПРФ – 5 мандатов, Российская партия Жизни – 3 мандата. В большинстве одномандатных избирательных округов победили представители «Единой России».

Получение одной политической партией квалифицированного большинства мандатов в региональных представительных органах власти приводит к тому, что по воле этой организации допускается внесение любых поправок в конституции (уставы) субъектов Федерации, которые не противоречат нормам Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству. В результате балансирующие механизмы конституционного (уставного) регулирования субъектов Федерации могут быть поставлены под определенную угрозу.

Порядок пересмотра и внесения изменений в конституции и уставы субъектов Федерации нуждается в дифференциации в зависимости от еще одного важного обстоятельства. Если Конституция Российской Федерации выражает суверенитет российского народа и юридически ничем не ограничена, то конституции (уставы) субъектов Федерации находятся в отношении субординации к нормам федерального законодательства.

По мнению М.А. Бочарниковой, о противоречии может идти речь тогда, когда «в региональном законе или ином нормативном правовом акте установлено иное правило поведения либо предложено иное правовое решение конкретного вопроса регулирования общественных отношений по сравнению с соответствующей правовой нормой, предусмотренной федеральным законодательством» [14; С. 46]. Внесение изменений в федеральные законы нередко требует адекватных поправок к конституциям (уставам) субъектов Федерации, причем это должно осуществляться в сравнительно краткие сроки.

По указанной причине, на наш взгляд, порядок пересмотра конституций (уставов) субъектов Федерации и внесения в них изменений в целях приведения в соответствие с нормами федерального законодательства, должен регламентироваться непосредственно Федеральным законом «Об общих

принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», причем в этом случае нет необходимости в организации народных обсуждений, проведении публичных слушаний, использовании института референдума субъекта Федерации и применении иных демократических форм принятия и корректировки региональных конституционно-уставных актов. В большинстве случаев при приведении норм конституций (уставов) субъектов Федерации в соответствие с федеральным законодательством становится излишней также процедура нескольких чтений.

Однако, исключая вышеназванный случай, в целом следует заметить, что процедура пересмотра конституций (уставов) субъектов Федерации и внесения в них изменений и дополнений нуждается в значительном совершенствовании в целях ее демократизации, расширения участия заинтересованных лиц, учета мнения различных политических партий, неполитических общественных объединений, территориальных органов федеральных органов государственной власти (прокуратуры, министерства юстиции), государственных органов субъектов Федерации и, особенно, представительных органов городских округов и муниципальных районов. Усложнение данных процедур должно связывать волю квалифицированного большинства в законодательных (представительных) органах субъектов Федерации.

Для достижения названной цели можно предложить следующие конституционно-правовые меры: сужение круга субъектов права законодательной инициативы по внесению изменений и дополнений в конституцию (устав) субъекта Федерации; вынесение на референдум субъекта Федерации отдельных вопросов конституционно-уставного регулирования, которые имеют важное общественное значение и не относятся к ведению Российской Федерации, а также к ее полномочиям по предметам совместного с субъектами Федерации ведения; применение институтов всенародного обсуждения и публичных слушаний.

1. Авакьян С.А. Конституционное право России. В 2-х т. Т. 1. М., 2007.

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. по делу о толковании статьи 136 Конституции Российской Федерации // СЗ РФ. 1995. № 45. Ст. 4408.

3. Федеральный закон от 4 марта 1998 г. «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 10. Ст. 1146.

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 ноября 1995 г. по делу о толковании части 2 статьи 137 Конституции Российской Федерации // СЗ РФ. 1995. № 49. Ст. 4868.

5. Малько А.В. Конституционно-правовая политика России: понятие и основные направления // Конституционные чтения: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2001.

6. Волкова Н.С. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам парламентского права. Автореф. ... к.ю.н. М., 2002.

7. Нерсесянц В.С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., 1999.

8. Овсян Я.И. Соотношение полномочий Российской Федерации и ее субъектов в сфере осуществления правосудия (законодательство и компетенция) // Проблемы образования и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации / Под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой, С.Е. Заславского. М., 2000.

9. Кокотов А.Н. Решения конституционных (уставных) судов как источники права (на примере решений Уставного суда Свердловской области) // Конституционная юстиция с Российской Федерации. Екатеринбург, 2003.

10. Митюков М. Парламентское право в решениях Конституционного Суда РФ // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1996. №№ 3, 4.

11. Дудко И.Г. К вопросу о «правовой системе» субъектов Российской Федерации // Государство и право. 2003. № 9.

12. Тайбаков А.А., Титов И.В. Некоторые проблемы совершенствования конституционного законодательства в субъекте Российской Федерации // Государство и право. 2002. № 9.

13. Евсеев П.И. Некоторые вопросы развития бюджетного законодательства субъектов Российской Федерации // Журнал российского права. 2005. № 10.

14. Бочарникова М.А. Противоречия в трудовом законодательстве Российской Федерации и субъектов РФ // Журнал российского права. 2004. № 4.

Никифоров В.А.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. Часть 1

Орловский государственный университет

Анализ основных источников государственного регулирования внешнеторговой деятельности в РФ показывает, что в настоящее время практически создан новый публично-правовой блок регулирования, состоящий из системообразующего Закона «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» 2003 г. [1] и законов, имеющих специальную сферу государственной регламентации внешнеторговой деятельности и постепенно и неуклонно приближающий российское внешнеторговое законодательство к стандартам ВТО.

Сфера применения Закона «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» распространяется на положения, имеющие общий характер, составляющие основы регулирования. Специальные области внешнеторговой деятельности, порядок применения названных в Законе методов регулирования входят в сферу применения ряда специальных законов РФ.

Рассмотрим специальные законы, дополняющие Закон 2003 г.

Как предусмотрено в п. 3 ст. 1 Закона 2003 г. особенности государственного регулирования внешнеторговой деятельности в области, связанной с вывозом из РФ и ввозом в РФ продукции военного назначения, с разработкой и производством продукции военного назначения, а также в отношении товаров, информации, работ, услуг, результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иных видов вооружения и военной техники устанавливаются международными договорами РФ, а также такими специальными законами, как Федеральный закон от 19 июля 1998 г. № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве РФ с иностранными государствами» [2] и Федеральный закон от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ «Об экспортном контроле» [3].

Таким образом, как и Закон 1995 г. [4], Закон «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» 2003 г. устанавливает, что право осуществления внешнеэкономической деятельности может быть ограничено. Согласно Закону 2003 г., ограничения могут быть предусмотрены только международными договорами РФ, настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами, а не вообще законодательством РФ, как было предусмотрено Законом 1995 г. Таким образом, сокращается круг законодательных актов, которые могут такие ограничения устанавливать.

Как, например, Федеральный закон от 9 июня 1998 г. «О военно-техническом сотрудничестве РФ с иностранными государствами» [2].

Данный Закон, устанавливая государственную монополию на деятельность в области военно-технического сотрудничества, среди методов осуществления государственного регулирования и реализации государственной монополии в области военно-технического сотрудничества называет определение порядка предоставления российским организациям права на осуществление внешнеторговой деятельности в отношении продукции военного назначения.

В Законе установлен прямой запрет осуществления внешнеторговой деятельности в отношении продукции военно-технического назначения российскими организациями, не получившими в установленном порядке права на осуществление этой деятельности, а также российскими физическими лицами (п. 4 ст. 6).

Субъектами внешнеторговой деятельности в указанной области могут быть только российские юридические лица.

Законом предусмотрено два вида таких субъектов - это, во-первых, государственные посредники - специализированные федеральные государственные предприятия, образованные по решению Президента РФ.

Во-вторых, согласно Закону 1998 г. субъектами внешнеторговой деятельности в указанной области могут быть российские организации - разработчики и производители продукции военного назначения, получившие в установленном порядке право на осуществление внешнеторговой деятельности в отношении продукции военного назначения. При этом такое право имеют только организации разработчики, производители при условии закрепления не менее 51 % их акций (долей) среди российских физических и юридических лиц.

Определенные ограничения права осуществления внешнеторговой деятельности содержатся в Федеральном законе от 18 июля 1999 г. «Об экспортном контроле» [3], в котором установлены специальные требования к участникам контрактов.

Ограничение круга участников внешнеторговой деятельности в указанных областях, предъявление к ним особых требований обусловлено необходимостью специального государственного регулирования и контроля в целях защиты национальных интересов России и обеспечения выполнения ее международных обязательств.

Такие ограничения также могут быть связаны с особым характером предмета контракта - поставляемого товара. Так, например, согласно ст. 28 Закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» [5] ввоз на территорию РФ и вывоз с территории РФ осуществляется государственными унитарными предприятиями при наличии лицензии неуказанный вид деятельности.

«Поскольку все расчеты по внешнеторговым сделкам должны производиться с соблюдением требований валютного законодательства РФ» [6, с. 4], правовой режим внешнеторговых сделок включает соответствующие положения вступившего в силу 17 июня 2004 г. нового Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле» [7] от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ, сменявшего Закон РФ «О валютном регулировании и валютном контроле» 1992 г. [8].

Закон вступил в действие с июля 2004 г., за исключением части 2 ст. 22 «Органы валютного контроля» (со дня опубликования) и части 3 статьи 5 «Установление для резидентов и нерезидентов индивидуальных разрешений», а также статьи 12 «Счета резидентов в банках за рубежом» и абзаца 2 части 2 статьи 14 «Счета резидентов в зарубежных банках» – вступили в силу по истечении одного года со дня официального опубликования закона.

Цель закона – обеспечение реализации единой государственной валютной политики и устойчивости валюты РФ, стабильности внутреннего валютного рынка РФ, как фактора развития национальной экономики и международного экономического сотрудничества.

В статье 1 главы 1 «Общие положения» даются определения основных понятий, используемых в законе, в т.ч.: валюта РФ; иностранная валюта; внутренние и внешние ценные бумаги; резиденты и нерезиденты; уполномоченные банки; валютные операции и др.

Статьей 3 определены принципы валютного регулирования и валютного контроля, основными из которых являются:

1. Приоритет экономических мер в реализации государственной политики в области валютного регулирования;
2. Исключение неоправданного вмешательства государства и его органов в валютные операции резидентов и нерезидентов;
3. Единство системы валютного регулирования и внешней политики РФ;
4. Единство внутренней и внешней политики РФ;
5. Обеспечение государством защиты прав и экономических интересов резидентов и нерезидентов при осуществлении валютных операций.

Глава 2 определяет порядок валютного регулирования (ВР) на территории РФ.

Согласно статье 5 органами валютного регулирования в РФ определены ЦБ РФ и Правительство РФ, которые для реализации функций, предусмотренных настоящим законом, издадут в пределах

своих компетенций акты валютного регулирования, обязательные как для резидентов, так и нерезидентов. Статья определяет права органов ВР.

Статья 7 определяет вопросы регулирования Правительством РФ валютных операций движения капитала, порядок ее резервирования при экспорте товаров и отсрочки платежа. Расчеты и переводы валюты между резидентами и нерезидентами при условиях отсрочки платежа на срок более 180 календарных дней, в связи с осуществлением ВТД.

Статьи 9 и 10 определяют порядок проведения валютных операций между резидентами и между нерезидентами, которые вправе без ограничений осуществлять между собой переводы иностранной валюты со счетов (вкладов) в банках за пределами территории РФ.

Порядок открытия счетов резидентов в банках, расположенных за пределами территории РФ и счетов нерезидентов, открываемых на территории РФ, определен статьями 12 и 13, а статья 14 определяет права и обязанности резидентов при осуществлении валютных операций.

Статья 15 определяет порядок ввоза в РФ и вывоза из РФ валютных ценностей, валюты РФ и внутренних ценных бумаг. Так физические лица – резиденты и нерезиденты имеют право одновременно вывозить из РФ наличную иностранную валюту в сумме эквивалентной 10000 долл. США без представления в таможенные органы соответствующих документов. Сумма иностранной валюты эквивалентная 3000 долл. США не подлежит декларированию таможенному органу. Вывоз иностранной валюты, эквивалентной сумме более 10000 долл. США не допускается, за исключением случая ее раннего декларирования таможенным органом при ввозе на таможенную территорию РФ (п.2, ст.15).

Главой 3 (статьи 19-21) определен порядок репатриации резидентами иностранной валюты, валюты РФ и обязательной продажи части валютной выручки. Так, согласно ст.20 закона, в целях обеспечения учета и отчетности по валютным операциям, устанавливается паспорт сделки и порядок его открытия. Предусматривается обязательная продажа части валютной выручки на внутреннем валютном рынке РФ, но не более 30% от ее суммы. ЦБ РФ может снизить ставку ниже 30%. Перечень иностранной валюты, подлежащей обязательной продаже на валютном рынке РФ определяется ЦБ РФ. Размер суммы обязательной продажи валюты согласно п.2 ст.21 может быть уменьшен с учетом расходов и иных платежей, связанных с исполнением соответствующих сделок.

Глава 4 определяет порядок осуществления валютного контроля в РФ. Согласно статье 22 валютный контроль в РФ осуществляется Правительством РФ, органами и агентами валютного контроля.

Органами валютного контроля в РФ являются: ЦБРФ и федеральный орган (органы) исполнительной власти, уполномоченный Правительством РФ.

Агентами ВК являются уполномоченные банки, подотчетные ЦБРФ, а так же не являющиеся уполномоченными банками профессиональные участники рынка ценных бумаг и территориальные органы федеральных органов исполнительной власти, являющиеся органами ВК.

Статьи 23 и 24 определяют права и обязанности органов и агентов ВК и их должностных лиц, а также права и обязанности резидентов и нерезидентов.

Статья 28 определяет порядок осуществления валютных операций, открытие счетов в банках за пределами территории РФ и осуществление операций по этим счетам.

По нашему мнению, масштабы и темпы либерализации системы валютного регулирования РФ, предусмотренные в настоящем законе, должны подкрепляться соответствующими макроэкономическими условиями, так как в настоящее время не исключена возможная дестабилизация и возникновение валютно-финансового кризиса из-за значительной зависимости страны от конъюнктуры мирового рынка энергоносителей и необходимости обслуживания внешней задолженности страны. В этой связи в новом законе «О валютном регулировании и валютном контроле» имеется ряд недостатков с точки зрения создания условий для обеспечения финансово-экономической безопасности РФ. Предусмотренное законом введение механизма резервирования средств по капитальным операциям повлечет существенное ухудшение конкурентных позиций российских фирм на внешнем рынке и, с другой

стороны, будет сдерживать процесс диверсификации российского экспорта, что противоречит целям среднесрочной программы развития российской экономики.

Из других инструментов, определенных законом, по использованию системы гарантирования, важнейшим является резервирование на определенный срок денежных средств участниками валютных операций движения капитала. Вместе с тем законом не устанавливаются условия, которые приводили бы к изъятию государством зарезервированных средств в случае ненадлежащего исполнения сторонами контракта своих обязательств. Таким образом, предполагается временное замораживание средств: даже в случае невыполнения своих обязательств депонируемые в этих целях «страховые» средства (по истечении установленного законом срока резервирования) подлежат возврату их владельцу. Такой подход существенно снижает эффективность системы гарантирования, в качестве барьера на пути «теневого» вывоза капитала.

В законе определен перечень валютных операций движения капитала, подлежащих регулированию Банком России. Однако закон устанавливает режим обязательного согласования (в течение 15 рабочих дней) с Правительством РФ всех предложений ЦБ РФ по введению им режима гарантирования (в виде резервирования средств) в отношении конкретного вида валютной операции движения капитала. Это может привести к заметному снижению оперативности вмешательства Банка России в процесс ограничения «серого» движения капитала.

По мнению экспертов, позитивные сдвиги, достигнутые за последнее время в области противодействия несанкционированному бегству капитала за рубеж, были получены благодаря последовательно проводимым государственными органами мероприятиями либерализационного характера, в числе которых снижение в 2001 г. с 75 % до 50 % норматива обязательной продажи экспортной валютной выручки. Значительное воздействие оказали также меры, направленные на усиление таможенно-валютного контроля и переориентация на иные сложные и менее поддающиеся контролю схемы оттока капитала за рубеж. Кроме этого, развернувшийся на международной арене скандал вокруг проблемы нелегального вывоза капитала из России создал дополнительные трудности для зарубежных контрагентов российских «теневых» экспортеров капитала. В связи с этим, предусмотренное в законе определение верхнего порогового значения в 30 %, которое ЦБ РФ может устанавливать для экспортеров в рамках обязательной продажи валютной выручки, представляется не вполне рациональным. С точки зрения экономической безопасности России целесообразнее было бы провести в отношении данного норматива поэтапное снижение его верхней границы.

В условиях ограничения административных методов регулирования в международной торговле основная роль в защите внутреннего рынка признается за техническим регулированием, которому посвящен Федеральный Закон «О техническом регулировании» от 27. 12. 2002 г. № 184-ФЗ [9] с дополнениями 2005 и 2007 г.г. [10], вступивший в силу 27 июня 2003 г., разработанный с целью обеспечения соответствия отечественных норм и стандартов положениям Соглашения «О технических барьерах в торговле ВТО» [11].

С введением в силу данного Закона утратил силу Закон «О сертификации продукции и услуг» и Закон «О стандартизации», которые ранее составляли правовую базу государственного регулирования в этой области.

Статья 1. определяет сферу применения настоящего Федерального закона: отношения, возникающие при: разработке, принятии, применении и исполнении обязательных требований к продукции, процессам производства, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации; разработке, принятии, применении и исполнении на добровольной основе требований к продукции, процессам производства, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, выполнению работ или оказанию услуг; оценке соответствия.

Действие настоящего Федерального закона не распространяется на государственные образовательные стандарты, положения (стандарты) о бухгалтерском учете и правила (стандарты) аудиторской деятельности, стандарты эмиссии ценных бумаг и проспектов эмиссии ценных бумаг.

Статья 2. определяет основные понятия, данного закона, такие, как: аккредитация, безопасность продукции, процессов производства, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации (далее - безопасность), ветеринарно-санитарные и фитосанитарные меры, декларирование соответствия, декларация о соответствии, заявитель, знак обращения на рынке, знак соответствия, идентификация продукции - установление тождественности характеристик продукции ее существенным признакам; контроль (надзор) за соблюдением требований технических регламентов, международный стандарт, национальный стандарт, орган по сертификации, оценка соответствия - прямое или косвенное определение соблюдения требований, предъявляемых к объекту; подтверждение соответствия, продукция, риск, сертификация, сертификат соответствия, система сертификации, стандарт, стандартизация, техническое регулирование, технический регламент, форма подтверждения соответствия.

Техническое регулирование определяется как правовое регулирование отношений в области установления, применения и исполнения обязательных требований к продукции, процессам производства, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, а также в области установления и применения на добровольной основе требований к продукции, процессам производства, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, выполнению работ или оказанию услуг и правовое регулирование отношений в области оценки соответствия;

Статья 3 определяет принципы технического регулирования

Статья 4. определяет законодательство Российской Федерации о техническом регулировании и подчеркивает:

«Если международным договором Российской Федерации в сфере технического регулирования установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены настоящим Федеральным законом, применяются правила международного договора, а в случаях, если из международного договора следует, что для его применения требуется издание внутригосударственного акта, применяются правила международного договора и принятое на его основе законодательство Российской Федерации».

Статья 5 раскрывает особенности технического регулирования в отношении оборонной продукции (работ, услуг) и продукции (работ, услуг), сведения о которой составляют государственную тайну

Статья 6 определяет следующие цели принятия технических регламентов:

защита жизни или здоровья граждан, имущества физических или юридических лиц, государственного или муниципального имущества;

охрана окружающей среды, жизни или здоровья животных и растений; предупреждение действий, вводящих в заблуждение приобретателей.

В статье подчеркивается, что принятие технических регламентов в иных целях не допускается.

Технические регламенты (статья 7) должны обеспечивать: безопасность излучений, взрывоопасность, биологическую, механическую, пожарную, промышленную, техническую, химическую, электрическую, ядерную и радиоактивную безопасность, а также электромагнитную совместимость в части обеспечения безопасности работы приборов и оборудования, и единство измерений. При этом требования технических регламентов не могут служить препятствием для осуществления предпринимательской деятельности в большей степени, чем это предусмотрено для выполнения вышеперечисленных целей.

Технический регламент принимается федеральным законом или постановлением Правительства РФ и вступает в силу не менее чем через 6 месяцев со дня его официального опубликования.

Статьей 8 определены «Виды технических регламентов», в т.ч. общие технические и специальные технические регламенты. Обязательные требования к отдельным видам продукции, процессам производства, эксплуатации, хранения, реализации и утилизации определяются совокупностью требований общих технических регламентов и специальных технических регламентов.

«Особый порядок разработки и принятия технических регламентов», который может приниматься до принятия отдельного Федерального Закона, на основе международных договоров РФ или регламентироваться Постановлениями Правительства РФ определен статьей 10.

Глава 3 определяет «Цели и принципы стандартизации в РФ».

Согласно статье 12, стандартизация на территории РФ осуществляется в соответствие с принципами:

1. Добровольного применения стандартов.
2. Максимального учета законных интересов заинтересованных лиц при их разработке.
3. Применения международных стандартов.
4. Недопустимости создания препятствий к производству и обращению продукции в большей степени, чем это минимально необходимо для выполнения целей.
5. Недопустимости установления таких стандартов, которые противоречат техническим регламентам.
6. Обеспечения условий для единообразного применения стандартов.

Статьей 13 определен перечень документов в области стандартизации, применяемые на территории РФ, в т.ч.:

1. Национальные стандарты.
2. Правила стандартизации, нормы и рекомендации в области стандартизации.
3. Общероссийские классификаторы.
4. Стандарты организаций.

Статьей 14 определен национальный орган по стандартизации и технические комитеты по стандартизации, их полномочия и функции.

Главой 4 (статьи 21-29) определены цели, принципы и формы подтверждения соответствия продукции (работ и услуг), в том числе:

- порядок, органы, объекты и систему добровольной сертификации на территории РФ.
- порядок обязательного подтверждения соответствия и его декларирование.
- порядок и организацию обязательной сертификации соответствия продукции техническим регламентам, с выдачей сертификата соответствия.
- права и обязанности заявителя в области обязательного подтверждения соответствия.

Заявитель имеет право обращаться для осуществления обязательной сертификации в любой орган по сертификации, выбирать схему и форму подтверждения соответствия, обращаться с жалобами в орган по аккредитации на неправомерные действия органов по сертификации и т.д.

- условия ввоза на территорию РФ продукции, подлежащей обязательному подтверждению соответствия. Сертификат соответствия подается в таможенный орган одновременно с таможенной делегацией. Списки продукции, подлежащей обязательной сертификации соответствия, утверждаются Правительством РФ с указанием кода ТН ВЭД на основании технических регламентов.

Глава 5 определяет порядок аккредитации органов по сертификации и испытательных лабораторий (центров).

Глава 6 определяет порядок осуществления государственного контроля за соблюдением технических регламентов.

Глава 7 (статьи 36-42) определяет ответственность за несоответствие продукции, процессов производства, эксплуатации, хранения и реализации требованиям технических регламентов. В случае неисполнения предписаний и решений органов государственного контроля (надзора), изготовитель несет ответственность в соответствие с законодательством РФ. При этом обязанность возместить вред не может быть ограничена договором или заявлением одной из сторон. Соглашения или заявления об ограничении ответственности ничтожны.

Согласно Статье 37, изготовитель (исполнитель, продавец и т.д.), которому стало известно о несоответствии выпущенной в обращение продукции требованиям технических регламентов обязан сообщить об этом в орган государственного надзора (контроля) в соответствие с его компетенцией. А

продавец (исполнитель), получивший указанную информацию, в течение 10 дней обязан довести ее до изготовителя.

В случае получения информации о несоответствии продукции требованиям технических регламентов продавец обязан принять необходимые меры для того, чтобы до завершения проверки возможный вред, связанный с обращением данной продукции, не увеличился.

При подтверждении достоверности информации о несоответствии продукции требованиям технических регламентов изготовитель (продавец) обязан в течение 10 дней с момента подтверждения разработать программу мероприятий по предотвращению причинения вреда и согласовать ее с органом государственного контроля (надзора) в соответствие с его компетенцией.

Программа должна включать в себя мероприятия по оповещению приобретателей о наличии угрозы причинения вреда и способов его предотвращения, а так же сроки реализации таких мероприятий. При этом все расходы по устранению несет изготовитель (продавец). При невозможности устранения недостатков (брака) на месте, он обязан объявить об отзыве продукции и возместить убытки, причиненные приобретателем в связи с отзывом продукции (статья 38).

Права органов государственного контроля (надзора) в случае получения информации о несоответствии продукции требованиям технических параметров определены статьей 39.

Статья 40 определяет порядок принудительного отзыва продукции, который осуществляется в случае невыполнения изготовителем (продавцом) предписания, а статья 41 - ответственность за нарушение правил выполнения работ по сертификации.

Глава 8 определяет порядок предоставления информации о технических регламентах и документах по стандартизации, которые должны быть доступны для заинтересованных лиц.

Глава 9 определяет порядок финансирования в области технического регулирования.

За счет федерального бюджета могут финансироваться только расходы за соблюдением требований технических регламентов на федеральном уровне, а также расходы на разработки технических регламентов и программ, проведение экспертизы отдельных проектов технических регламентов и национальных стандартов.

Глава 10 определяет заключительные и переходные положения закона «О техническом регулировании».

В соответствии со статьей 46 «Переходные положения»:

1. Со дня вступления настоящего Федерального Закона в силу соответствующих регламенту требований к продукции, процессам ее производства, эксплуатации, хранения и т.д., установленные соответствующими нормативными и правовыми актами Российской Федерации и органами ее исполнительной власти, подлежат обязательному исполнению только в части, соответствующей целям:

- защиты жизни и здоровья граждан, имущества физических лиц, государственного или муниципального имущества;
- охраны окружающей среды;
- предупреждения действий, вводящих в заблуждение приобретателей.

2. До принятия соответствующих технических регламентов техническое регулирование в области ветеринарно-санитарных и фитосанитарных мер, а также в области ядерной и радиационной безопасности осуществляется в соответствии с федеральными законами «О карантине растений», «О ветеринарии», «Об использовании атомной энергии»; «О радиационной безопасности населения».

3. Технические регламенты должны быть приняты в течение семи лет со дня вступления в силу настоящего закона.

Обязательные требования к продукции, процессам производства эксплуатации, хранения, перевозки и реализации, в отношении которых технические регламенты в указанный срок не будут приняты, прекращают действие по его истечению.

Согласно статье 47 со дня вступления в силу настоящего закона утрачивают силу ряд нормативно-правовых документов РФ, в т.ч.:

- Закон Российской Федерации от 10.06.93. № 5153-1 «О сертификации продукции и услуг» [12]
- Закон Российской Федерации от 10.06.93. № 5154-1 «О стандартизации» [13].
- Отдельные статьи федеральных законов «О пожарной безопасности» от 27.12.95 № 211-ФЗ [14] «О рекламе» от 02.03.98. № 30-ФЗ [15].

В заключении следует отметить, что принятие Федерального Закона «О техническом регулировании» - это только начало большой работы по приведению российского законодательства по защите интересов потребителей в соответствии с нормами и правилами ВТО и резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН «Руководящие принципы защиты интересов потребителей» [16], которые определяют восемь основополагающих прав потребителей: право на выбор; право на безопасность; право быть выслушанным; право на информацию и потребительское образование; право на удовлетворение базовых потребностей; право на качество и право на возмещение ущерба. В ближайшие годы России необходимо принять или привести в соответствие с требованием мировой практики более 100 законодательных и нормативных актов в этой сфере. При этом следует иметь в виду, что в индустриально развитых странах действует система норм права по защите прав и интересов потребителей, например в США - около 150 законов, в Австрии - около 200, в Японии - более 50 законов.

1. Федеральный закон «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» № 164-ФЗ от 8 декабря 2003 г. // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4850.
2. Федеральный закон «О военно-техническом сотрудничестве РФ с иностранными государствами» № 114-ФЗ от 19 июля 1998 г. // СЗ РФ. 1998. № 30. Ст. 3610.
3. Федеральный закон «Об экспортном контроле» № 183-ФЗ от 18 июля 1999 г. // СЗ РФ. 1999. № 30. Ст. 3774.
4. Федеральный закон «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» № 157-ФЗ от 13 октября 1995 г. // СЗ РФ. 1995. № 42. Ст. 3923.
5. Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» № 3-ФЗ от 8 января 1998 г. // СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 219.
6. Бардина М.П. Государственное регулирование внешнеторговой деятельности и внешнеторговые контракты // Международное публичное и частное право. 2005. № 6 (27).
7. Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» № 173-ФЗ от 10 декабря 2003 г. // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.
8. Закон РФ «О валютном регулировании и валютном контроле» 1992 г. № 3615-1 // Российская газета. 04.11.92. № 240.
9. Федеральный Закон «О техническом регулировании» № 184-ФЗ от 27. 12. 2002 г. // СЗ РФ. 2002. № 52. Ст. 5140; СЗ РФ. 2005. № 19. Ст. 1752.
10. ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О техническом регулировании» № 65-ФЗ от 01.05.2007 г. // Вестник ФАТРМ. 2007. № 6 (114).
11. Соглашение «О технических барьерах в торговле ВТО» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.old.crc.ru/>.
12. Закон РФ «О сертификации продукции и услуг» № 5153-1 от 10 июня 1993 г. // Российская газета. 25 июня 1993. (№ 120).
13. Закон РФ «О стандартизации» № 5154-1 от 10 июня 1993 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.standart.ru/>.
14. Федеральный закон «О пожарной безопасности» № 211-ФЗ от 27 декабря 1995 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.garant.ru/law/>.
15. Федеральный закон «О рекламе» № 30-ФЗ от 02 марта 1998 г. // СЗ РФ. 09.03.1998. № 10. Ст. 1143.
16. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 9 апреля 1985 г. «Руководящие принципы защиты интересов потребителей» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.businessmix.ru/>.

Дракин А.А.

НОРМЫ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ОТМЫВАНИЮ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ И ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА КАК МЕЖОТРАСЛЕВОЙ (КОМПЛЕКСНЫЙ) ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ

Орловский государственный технический университет

Созданный в России механизм правового регулирования борьбы с отмыванием доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма, базируется на нормах нескольких отраслей права. Основой для его формирования явились международно-правовые нормы и стандарты: Конвенция ООН от 19 декабря 1988 г. (Венская конвенция) о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ [1], которая признала в качестве преступления «отмывание» денежных средств; Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности, принятой в Страсбурге 8 ноября 1990 г. (ETS № 141) [2]; Директива Совета ЕС № 91/308 ЕЕС 1991 г. «О недопущении использования финансовой системы в целях отмывания преступных денежных средств», Конвенция ООН о борьбе с финансированием терроризма (9 декабря 1999 года, Нью-Йорк) [3]; Резолюция Совета Безопасности ООН от 28 сентября 2001 г. № 1373, Сорок плюс девять рекомендаций FATF (Международная комиссия по финансовым мерам борьбы с отмыванием денег).

Поскольку, согласно ст. 15 Конституции РФ, «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы» нормы упомянутых выше международных конвенций, ратифицированных Российской Федерацией, входят составной частью в систему российского права.

С февраля 2002 года в России действуют законодательно закрепленные положения, касающиеся организации борьбы с отмыванием преступных доходов и финансированием терроризма – вступил в силу Федеральный закон от 07.08.2001 г. №115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [4]. Нормы Закона соответствуют основным положениям международных документов. Закон заложил правовые основы построения и функционирования системы финансового мониторинга, т.е. системы контроля, направленной на недопущение легализации (отмывания) преступных доходов и финансирования терроризма, как составной части системы государственного финансового контроля. Государственный обязательный надведомственный контроль осуществляет Федеральная служба по финансовому мониторингу при Министерстве финансов РФ (Росфинмониторинг) [5], которая отслеживает подлежащие обязательному контролю либо подозрительные операции с денежными средствами или иным имуществом. Это орган, который осуществляет отдельные функции государственного финансового контроля [6]. Внутренний контроль обязаны осуществлять организации, осуществляющие операции с денежными средствами или иным имуществом, и поименованные в статье 5 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Внутренний контроль заключается в том, что упомянутые организации направляют в Росфинмониторинг сведения об операциях, подлежащих обязательному контролю, либо о необычных (подозрительных) операциях в соответствии с разработанными критериями отнесения операций к таковым.

Росфинмониторинг - связующее звено в общей системе противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма, которую наряду с ним составляют финансовые учреждения, контрольные государственные органы и правоохранительные структуры. Первые выступают в качестве источников информации, вторые осуществляют надзор и регулирование в финансовой сфере, третьи работают по фактам нарушений. ФСФМ собирает и анализирует информацию о сделках, вызывающих подозрения, и при необходимости направляет ее в правоохранительные органы.

На основании и во исполнение Федерального закона № 115-ФЗ приняты соответствующие подзаконные нормативные акты. Так, для обеспечения реализации процедур внутреннего контроля в организациях, осуществляющих финансовые операции, Правительством РФ приняты: Постановление от 18 января 2003 г. № 28, которым утверждено «Положение о постановке на учет в Федеральной службе по финансовому мониторингу организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, в сфере деятельности которых отсутствуют надзорные органы» [7], Постановление от 8 января 2003г. №6 «О порядке утверждения правил внутреннего контроля в организациях, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом» [8], Постановление от 17 апреля 2002г. № 245, которым утверждено «Положение о представлении информации в Федеральную службу по финансовому мониторингу организациями, осуществляющими операции с денежными средствами или иным имуществом» [9]. Приказом Министерства финансов РФ от 26 декабря 2006г. № 183н утверждено «Положение о порядке осуществления Федеральной службой по финансовому мониторингу контроля за исполнением организациями, осуществляющими операции с денежными средствами или иным имуществом, в сфере деятельности которых отсутствуют надзорные органы, Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [10], Приказом Министерства финансов РФ от 9 июня 2006 г. № 88н утверждено «Положение о порядке согласования правил внутреннего контроля организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, в сфере деятельности которых отсутствуют надзорные органы» [11].

Среди основных подзаконных нормативных актов, принятых Банком России во исполнение Федерального закона № 115-ФЗ, следует отметить Положение от 20.12.2002г. №207-П «О порядке представления кредитными организациями в уполномоченный орган сведений, предусмотренных Федеральным законом «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [12], Положение от 19.08.2004г. №262-П «Об идентификации кредитными организациями клиентов и выгодоприобретателей в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [13].

В качестве примера правовых актов, принятых Росфинмониторингом, можно привести, в частности, Инструкцию о представлении в Федеральную службу по финансовому мониторингу информации, предусмотренной Федеральным законом от 7 августа 2001 года N 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», утвержденную приказом Росфинмониторинга от 7 июня 2005г. № 86 [14], Положение «Об издании КФМ России Постановления о приостановлении операции (операций) с денежными средствами или иным имуществом в случаях, предусмотренных Федеральным законом «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», утвержденное приказом Комитета РФ по финансовому мониторингу от 17 июня 2003г. № 72 [15].

Для обеспечения функционирования системы финансового мониторинга в Уголовный кодекс (ст. 174, 174.1) и Кодекс РФ об административных правонарушениях (ст. 15.27) внесены нормы об уголовной и административной ответственности за действия, связанные с легализацией (отмыванием) преступных доходов и финансированием терроризма.

И это далеко не исчерпывающий перечень правовых актов, направленных на противодействие отмыванию денежных средств, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. В совокупности

Таким образом, эффективное противодействие легализации преступных доходов возможно только через комплекс законодательных мер. Считаем, что к настоящему времени в российской правовой системе сформировался новый комплексный межотраслевой правовой институт - институт противодействия легализации (отмыванию) денежных средств, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Основываясь на проведенном анализе норм действующего законодательства РФ, можно сделать вывод, что в регулировании отношений по противодействию легализа-

ции доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма используются нормы традиционных отраслей права: конституционного, международного, уголовного, административного, финансового.

Каждая отрасль права, обладая собственным предметом правового регулирования, находится в устойчивой, постоянной связи с другими отраслями права. Отрасли права, отмечает А.В. Васильев, не изолированы друг от друга. Они могут иметь общие институты и, тем самым, быть связанными друг с другом. Связанность общих институтов выражается в том, что они имеют нормы, которые относятся к разным отраслям права [16]. Правовые институты, содержащие нормы двух и более отраслей права, российскими правоведами понимаются как комплексные (межотраслевые) институты [17]. По мнению Е.А. Киримовой, смешанные (комплексные) институты характеризуются следующими чертами. «Во-первых, они проявляются в сфере действия родственных отраслей права; во-вторых, нормы, составляющие смешанные институты, не представляют собой их механической совокупности, опосредующих разнородные общественные отношения, а есть гармоничный сплав однородных отношений, составляющих неразрывный предмет регулирования данных институтов; в-третьих, смешанные правовые институты являются институтами нескольких отраслей права» [18].

На основании изложенного, предлагаем следующее определение: институт противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма - межотраслевой (комплексный) правовой институт, состоящий из норм конституционного, международного, финансового, административного, гражданского, уголовного права, регулирующих общественные отношения в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

1. Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. М., 1992.
2. Электронный ресурс // Режим доступа: www.kfm.ru/worldcom.html
3. Борьба с международным терроризмом. Сборник документов. М.: Проспект, 2005. С. 86-97.
4. СЗ РФ. 2001. № 33 (ч.1). Ст. 3418.
5. Указ Президента Российской Федерации от 1 ноября 2001 г. № 1263 «Об уполномоченном органе по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем» // СЗ РФ.- 2001. № 45. Ст. 4251, Указ Президента от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ.-2004. № 11. Ст.-945.
6. См.: Саттарова Н.А. К вопросу о государственном финансовом контроле // Финансовое право. 2006. № 1.
7. СЗ РФ. 2003. № 4. Ст. 330.
8. СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 188.
9. СЗ РФ. 2002. 16. Ст. 1572, 2003. № 4. Ст. 327, 2004. № 44. Ст. 4351.
10. «Российская газета». 22.03.2007. № 58.
11. «Российская газета». 29.07.2006. № 165.
12. «Вестник Банка России». 2003. № 2. 2004. № 54.
13. «Вестник Банка России». 2004. № 54. 2006. № 56.
14. «Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти». № 33. 15.08.2005.
15. «Российская газета». 12.07.2003. № 139.
16. Васильев А.В. Теория права и государства. 2001. С.58.
17. Общая теория государства и права / Под ред. Марченко М.Н., В 2-х т.1998. Т. 2. С. 233.
18. Киримова Е.А. Правовой институт. Автореф. дис. ... к.ю.н. Саратов, 1998. С.17-18.

Жиляева С.К.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ПУТЕЙ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И БЕСПРИЗОРНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ

Орловский юридический институт МВД России

В настоящее время проблемы безнадзорности и беспризорности в России становятся все более актуальными, привлекая внимание видных отечественных юристов, педагогов, психологов, практических сотрудников органов внутренних дел, суда, прокуратуры, других правоохранительных органов, иных министерств и ведомств, работающих с несовершеннолетними.

В последние десятилетия XX в. мировое сообщество обратило внимание на необходимость особой правовой защиты несовершеннолетних. Знаковым событием стало принятие 20 ноября 1989 г. на 44-й сессии Генеральной ассамблеи ООН Конвенции о правах ребенка, [1] к которой 13 июня 1990 г. присоединилось наше государство.

Подписав главный международный документ в сфере защиты прав несовершеннолетних, Россия взяла на себя обязательство привести в соответствие с ним национальное законодательство. Определенные шаги в этом направлении уже сделаны. В России в соответствии с международными документами созданы основы национального законодательства, направленного на защиту интересов детей, что еще раз подчеркивают важность дальнейшего совершенствования законодательного регулирования правового статуса несовершеннолетних и укрепления правовой защиты детства в РФ.

В настоящее время проблема детской безнадзорности и беспризорности не находит управленческого решения, адекватного ее общегосударственной значимости. Ситуация, сложившаяся в этой области, свидетельствует о том, насколько сложно выбрать верную управленческую стратегию и меры по сокращению данного социального явления в стране.

Проблемы безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних в России указывают на необходимость исторического анализа в целях выявления положительных мер и рекомендаций.

Одним из негативных социальных явлений, порождающих детское неблагополучие, является сиротство, которое может быть одной из причин безнадзорности и беспризорности.

История пристального отношения к детям – сиротам берет свое начало еще в период формирования феодального государства – с 988 г. С тех пор государственные указы касались в основном институциональной формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей [2].

Считается, что первый воспитательный дом для «незаконнорожденных и всяких подкинутых младенцев» был открыт в Новгороде в 1706 году при Холмово-Успенском монастыре [3].

В дальнейшем воспитательные дома возникали при других православных монастырях и церквях. Содержались воспитательные дома на «доброхотные подаяния благодетелей». По указу Петра Первого, изданному в 1705 г., было открыто 10 воспитательных домов.

Вновь появляются воспитательные дома при Екатерине Второй. Под патронажем императрицы существовали «воспитательные дома» и приюты, главное назначение которых было укрыть на время детей от беды, а затем определить в «семью благонаправного поведения». Первого сентября 1763 года был издан Манифест об «Учреждении Московского Воспитательного дома». В его стены принимали младенцев, «не спрашивая приносящего», кто он таков и чьего младенца принес, требовалось только спросить, не знает ли он, крещен ли младенец и как его имя.

Будучи в Москве, Императрица обязательно посещала дом, оставляя там крупные суммы денег. Число детей в воспитательных домах быстро росло, а условия жизни ухудшались. Чрезвычайная скученность, недостаточность в питании, отсутствие ухода и медицинской помощи приводили к чрезвычайно высокой детской смертности.

Государство Российское уделяло достаточно серьезное внимание подрастающему поколению. В 1882 г. была запрещена ночная работа детей до 12 лет, введено обязательное посещение школ работающими подростками. В 1889 г. в Москве насчитывалось 489 благотворительных учреждений, из них 225 оказывали помощь взрослым, 198 - детям, 66 оказывали медицинскую помощь. Из 198 заведений для детей 42 - составляли детские приюты, 28 - заведения смешанного типа (с предельным количеством интернированных детей) и 128 - училища и школы для проходящих.

Но российское общество заботилось не только о том, чтобы дети были сыты, одеты и получали начальное образование. Помощь детям в получении профессии являлась обязательным видом трудовой помощи в России. В благотворительных заведениях обучали различным ремеслам, которые в будущем должны были дать детям возможность себя обеспечить. Были организованы Ольгинские детские приюты трудолюбия, они предназначались исключительно или преимущественно для подготовки детей к трудовой жизни. Основной задачей приютов являлось воспитание остающихся без присмотра и пристанища детей обоего пола с целью подготовки их к самостоятельной трудовой жизни. Каждое общество, содержащее благотворительные заведения для детей, отмечало это в своих документах. Например, в документах Московского Совета детских приютов записано: «В приютах, содержимых Советом, обращается особое внимание на то, чтобы воспитанники и воспитанницы, кроме усвоения знаний по установленной учебной программе, могли получить практическую подготовку, которая по возможности облегчала бы поступления на места: учительниц, закройщиц, мастериц, комнатных девушек, чертежников, слесарей» [4]. Елизаветинским благотворительным обществом в Москве и Московской губернии, принимавшем детей с грудного возраста, предусматривалось дальнейшее попечение о таких детях, доставление им первоначального образования и приготовление их к самостоятельному труду.

Сиротский приют имени братьев Бахрушиных принимал мальчиков в возрасте от 4 до 8 лет. Он ставил целью бесплатно давать религиозное, нравственное и физическое воспитание и практическое ремесленное образование бедным детям мужского пола, покинутых родителями.

Приют имени великой княгини Ксении принимал девочек, которые выпускались учительницами начального училища и мастерами портного дела.

Как видно, диапазон профессий, которые получали призреваемые дети, был широк.

Существовала особая категория детей, нуждающихся в специальном воспитании. Это были дети с девиантным поведением, дети из семей «группы риска». Такие дети содержались в особых заведениях, которые отличались от большинства детских приютов усиленной педагогической направленностью в воспитании, а также некоторыми особенностями условий содержания. Одну из самых важных ролей в исправлении воспитанников играло трудовое воспитание. Рукавишниковский исправительный приют для малолетних занимался исправлением мальчиков, направляемых Московским тюремным комитетом [5]. Немаловажной особенностью приюта было то, что он патронировал своих воспитанников и после его окончания. Выпуск мальчиков производился только после определения мест в различных ремесленных заведениях. Если же они отдавались на попечение родителям, то последние обязаны были предоставить удостоверение об устройстве сына.

Широко развивающаяся благотворительность потребовала создания специальной литературы, посвященной вопросам социальной помощи детям. Одним из таких изданий был журнал «Детская помощь». На его страницах отражалась широкая картина государственной, частной и общественной благотворительности в России и за рубежом, публиковались важнейшие правительственные акты по важнейшим вопросам социальной защиты детей [6].

Таким образом, изучая предпосылки становления и развития детского призрения в России во второй половине XIX в., следует отметить огромный положительный опыт, накопленный в эти годы:

- ограничения в трудовом законодательстве (запрещение ночной работы детей до 12 лет);
- обязательное посещение школ работающими подростками;
- открытие государственных и частных приютов для детей-сирот;

- издание специальной литературы (журнал «Детская помощь») и изучений опыта работы различных общественных организаций.

С конца XIX в. активное участие в деятельности воспитательных домов стали принимать земства. При некоторых домах открывались школы, в которых воспитанники обучались ремеслам для обеспечения их трудоустройства. Но существовавшая сеть воспитательных домов не могла принять всех беспризорных детей.

В России, как было показано выше, практика социальной помощи детям-сиротам имеет свои глубокие культурно-исторические традиции. До Октябрьской революции 1917 г. она была связана, прежде всего, с милосердием и благотворительностью. По данным 1910 г., в дореволюционной России насчитывалось два с половиной миллиона нищих беспризорных детей и подростков. Война 1914-1917 гг., гражданская война и интервенция намного увеличили эту цифру.

В первые годы Советской власти детская беспризорность стала первостепенной проблемой правительства и общества. В 1917 г. все приюты и сиротские дома правительство преобразовало в государственные, определив их в ведение Народного комиссариата социального обеспечения. В 1918 г. они были переданы Наркомату просвещения.

В период с 1918 по 1935 гг. был разработан и принят ряд важных организационно-управленческих постановлений по проблеме детской беспризорности.

В январе 1919 г. созданный Государственный Совет защиты детей под председательством А.В. Луначарского провел эвакуацию беспризорных детей из городов в южные хлеботорные районы России. Члены Совета занимались организацией общественного питания бездомных детей, снабжением продовольствием детских домов.

В марте 1924 г. состоялась первая московская конференция по борьбе с беспризорностью. А в ноябре 1924 г. собирается четвертый съезд заведующих губотделами по борьбе с беспризорностью.

«Дело не только в том, что мы окружены целым морем детского горя, но и в том, что мы рискуем получить из этих детей антиобщественных, антисоциальных людей в корень испорченных, врагов здорового образа жизни... беспринципных людей, которые с легким сердцем уйдут в лагерь наших врагов, которые пополнят армию преступности». Так говорил в своем выступлении нарком просвещения А.В. Луначарский.

В 1924 г. был создан фонд им. В.И. Ленина для оказания помощи беспризорным детям. В 1926 г. правительство приняло постановление «О мерах по борьбе с детской беспризорностью», после которого активизировалась деятельность всех ведомств, было создано общество «Друг детей», проведена большая работа по определению в детские дома беспризорных ребят комсомольскими организациями на местах.

В те годы был популярен плакат: «6.000.000 детей, не обслуженных школой, — страшная угроза стране и революции. Помогите организовать труд беспризорников». Были созданы общества «Друзья детей», которые занимались организацией ночлежек, приютов, летних лагерей отдыха для беспризорников, а также система социально-правовой охраны несовершеннолетних (СПОН), одной из задач которой явилось воспитание и перевоспитание детей, оказавшихся без попечения родителей.

Н.К. Крупская так описывала ситуацию, сложившуюся в России в самом начале становления советского государства: «Сейчас у нас нет недостатка в ребятах, которые нуждаются в том, чтобы их содержало государство: вопрос об их воспитании — вопрос крайне острый, и мы совершенно не справляемся с этой задачей. И вопрос совсем не в том, что нет средств — это само собой, — вопрос еще в том, что мы плохо обдумали методы работы в детском доме, что вопрос о детских домах у нас ставится недостаточно глубоко, недостаточно обстоятельно, а между тем вопрос идет о будущем целой массы ребят».

Эти слова известного теоретика и общественного деятеля оказались остро актуальными и сегодня. Тогда они вызвали положительные действия.

При ЦИК СССР были созданы фонды имени Ленина по помощи беспризорным детям. В 20-30-е гг. кроме приютов и детских домов для беспризорных детей открывались трудовые колонии, детские коммуны, детские городки, пионерские дома.

Детская преступность в то время тоже резко возрастала: из 45 тысяч преступлений, совершенных детьми, 75 % - на совести беспризорников (треть из них были рецидивистами).

Показательным является пример организации и руководства колонией для беспризорных и несовершеннолетних правонарушителей имени М. Горького и Харьковской трудовой коммуной имени Ф.Э. Дзержинского, Антона Семеновича Макаренко. Воспитание в коллективе он соединял с правильно поставленным трудовым воспитанием. В 1927-1929 гг. коммунары работали в деревообделочной мастерской и кузнице. 1 июля 1930 г. коммуна перешла на полную самоокупаемость: налажены сложные производства электросверл и фотоаппаратов. При коммуне была открыта шоколадная фабрика. Опыт А.С. Макаренко уникален, т.к. мало кто в истории педагогики сумел столь успешно воплотить свою теорию в практику и добиться успешных результатов, работая с трудными подростками. Наша задача не только воспитывать в себе правильное, разумное отношение к вопросам поведения, повторял А.С. Макаренко, но еще и воспитывать правильные привычки, т.е. такие привычки, когда мы поступали бы правильно вовсе не потому, что сели и подумали, а потому, что иначе мы не можем, потому что мы так привыкли [7].

Антон Семенович Макаренко создал социально-педагогическую систему работы с беспризорниками, необыкновенно эффективную, эффективность которой определяется теми компонентами, которые лежат в основе этой системы. Успешность борьбы с беспризорностью определялась известной формулой А.С. Макаренко: «Чем больше уважения к человеку, тем больше требовательности к нему».

В период борьбы с беспризорностью было открыто много новых приемников-распределителей по определению детей в детские дома, практиковалось усыновление, патронат, назначение опеки.

В 1926 г. было принято постановление правительства о передаче воспитанников детских домов в крестьянские семьи. В эти же годы создавались детские трудовые колонии, в которые помещали подростков правонарушителей 12-17 лет. Такие колонии для мальчиков и девочек были отдельными, а главным методом воспитания являлся промышленный или сельскохозяйственный труд.

В 1935 г. на основании постановления ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» были созданы трудовые колонии вместо ранее существовавших трудовых домов и школ ФЗУ особого типа, отдельно для девушек и юношей. Трудовых колоний были общего типа, для осужденных за тяжкие преступления и трудовые колонии со строгим режимом. Созданием трудовых колоний преследовалась задача исправления и воспитания трудных подростков в духе исполнения законов, честного отношения к труду. Содержались воспитанники в колонии до установленного срока или до совершеннолетия.

Из всех воспитательных учреждений, создаваемых в эти годы, главной формой призрения детей-сирот являлись детские дома. Чаще всего они были смешанными, так как в них воспитывались малыши-дошкольники и ребята школьного возраста.

Созданные в первые годы советской власти детские дома размещались в хороших особняках, с большими наделами земли, с садами и огородами. В них существовали швейные, столярные, сапожные и переплетные мастерские. В детских домах обязательно были хор и духовой оркестр, клуб и библиотека. В 1917 г. в детских домах воспитывалось 30 тыс. детей, в 1918 — 80 тыс., в 1919 — 125 тыс., в 1920 — 400 тыс., в 1922 г. — 540 тыс.

В мае 1930 г. было принято решение о закреплении всех детских домов за заводами, предприятиями, колхозами, что укрепляло материальную базу детских домов и решало проблему трудоустройства воспитанников и обеспечения их жильем. Организация детского досуга, особенно в первые годы после революции, была одной из серьезных социальных проблем. По решению Советов в Петрограде, Москве и других крупных городах были созданы детские и подростковые внешкольные клубы. Большую поддержку со стороны правительства получили клубы пионеров.

В 30-е гг., когда стали создаваться профсоюзные клубы и Дома культуры, в них были организованы детские секторы, в которых проводилась работа с детьми во внеучебное время в различных кружках и секциях. Тогда же в 30-е гг. стали создаваться детские парки, Дома пионеров, детские дома культуры, городские и загородные пионерские лагеря, различные станции (юных техников, туристов, натуралистов), детские железные дороги и пароходства.

Общественно-педагогическое движение за всеобщее образование, обучение детей рабочих и крестьян, за новый быт и культуру, воспитание нового человека в новом обществе охватывало широкие массы. В Ленинграде была создана коммуна «За новый быт», которая стала «Ядром коммунистического быта», в Москве, в Бауманском районе была организована пионерская коммуна. Члены созданной коммуны на Соколиной горе — «фабзайчата» — создали «легкую кавалерию», вели борьбу с браком на производстве, проводили допризывную учебу подростков, занимались физкультурой и спортом.

Казалось, что ситуация стабилизировалась. Однако «социалистическое переустройство деревни», сопровождавшееся репрессиями и высылками, голод начала 1930-х гг. породили новую волну беспризорности. В результате сеть детских домов снова начала расти, и в 1934 г. только в Москве насчитывалось 44 детдома с 6700 воспитанниками.

Особую озабоченность вызывали трудоустройство и дальнейшая жизнь выпускников детских домов. Если ликвидация безработицы частично упрощала эту проблему, то резкое обострение жилищного кризиса ставило бывших детдомовцев в особо трудное положение. Многие из них вынуждены были вопреки всем инструкциям и постановлениям оставаться в детдомах. Лишь к концу 1930-х гг. проблема потеряла свою остроту.

• Таким образом, можно сделать вывод, что в период с 1917 г. до конца 30-х гг. ликвидация детской безнадзорности и беспризорности была одной из первоочередных задач государства и общества. Система ликвидации этого социального явления и его последствий включала выявление и контроль за безнадзорными детьми, неблагополучными семьями, охрану прав ребенка, социальную помощь и профилактику беспризорности.

Для детей организовывались столовые, ночлежные дома, приемно-распределительные пункты. Основной формой борьбы с беспризорностью стали детские воспитательные учреждения интернатного типа — детские дома, трудовые коммуны, школы-колонии и т.д., готовившие своих воспитанников к трудовой и общественно-полезной деятельности. Широко применялись патронат, опека, усыновление и попечительство.

Нельзя упускать из виду и тот факт, что дети приходили нередко в прямом смысле «из-под открытого неба», приобретая взамен кров и уход, образование и возможность самореализации в дальнейшем. Государство по мере возможности выделяло средства для развития сети детских образовательных учреждений, идя на встречу обращениям и ходатайствам Ф.Э. Дзержинского.[8]

Великая Отечественная война обострила проблему детской беспризорности. В стране в сложившихся условиях принимались важные управленческие решения, проводились организационные мероприятия по обязательному выявлению и учету детей, лишившихся родных и близких, решалась их дальнейшая судьба. В основном они направлялись в детские дома и школы-интернаты, в училища профтехобразования и школы ФЗО, где учебу совмещали с работой в мастерских или на фабриках и заводах.

Только за первые 11 месяцев войны в детские дома г. Москвы были приняты 1600 детей, определены в семьи трудящихся 8000 детей. Предусматривалось открытие новых детдомов, обеспечение их земельными участками, топливом, одеждой [9]. Была намечена также подготовка педагогов-организаторов для работы в детских учреждениях.

23 января 1942 г. Совнарком СССР было принято Постановление «Об устройстве детей, оставшихся без родителей», где государственным ведомствам, партийным, профсоюзным и комсомольским организациям вменялось оказывать особую заботу о детях-сиротах.

В системе НКВД (МВД) действовали детские приемники-распределители и изоляторы, которые занимались поиском и выявлением беспризорных детей и направлением их в детские трудовые колонии.

В 1942 г. ЦК ВЛКСМ принимает Постановление «О мерах комсомольских организаций по борьбе с детской безнадзорностью, по предупреждению детской беспризорности», что активизировало работу комсомольских организаций по выявлению беспризорных детей и определению их в детские дома.

«Комсомольская правда» опубликовала счет специального денежного фонда, куда поступали средства на содержание детских здравниц, детских домов, детских садов в освобожденных от немцев районах, на стипендии студентам, не имеющим родителей. Комсомольскими организациями было создано 126 детских домов, 4 тысячи детских домов содержалось за счет колхозов.

В эти годы была возрождена практика передачи детей-сирот в семьи. Так, за 1941-1945 гг. было взято под опеку и патронаж 270 тыс. детей-сирот.

В соответствии с Постановлением Правительства «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» (август 1943 г.) было принято решение о создании детских учреждений на освобожденных территориях. Так, было организовано 459 суворовских училища, принявших по 500 человек каждое, 23 ремесленных училища по 400 человек, специальные детские дома на 16300 мест, дома ребенка на 1750 мест, 29 детских приемников-распределителей на 2 тыс. человек [9]. В эти учреждения, прежде всего, направлялись дети фронтовиков и партизан, партийных и советских работников, погибших во время войны.

Важнейшей задачей школы в то время была забота о здоровье детей. По указанию партии было организовано специальное питание детей фронтовиков, детей, эвакуированных из прифронтовой полосы, и вообще детей с ослабленным здоровьем. В военных условиях советской школе предстояло продолжить работу по охвату детей школьного возраста всеобщим обучением.

«Как бы мы ни были поглощены войной,— писала газета «Правда»,— забота о детях, их воспитании остается одной из главных задач... закон о всеобщем обучении остается неизменным в условиях войны. Мы должны учесть всех детей и учесть хорошо, несмотря на сложность военного времени... Никаких ссылок на военную обстановку».

Правительство постоянно разрабатывало и проводило в жизнь мероприятия, направленные на борьбу с безнадзорностью детей, явившейся результатом ухода отцов на фронт, а матерей и других взрослых членов семьи на производство.

Борьба советского народа с фашистскими захватчиками выдвинула ряд требований, изменивших учебно-воспитательную работу. Всему преподаванию, всей воспитательной работе в школе был придан боевой, патриотический характер. Изменился характер преподавания таких предметов, как литература, история, география.

Дети, подростки вдохновлялись образами молодых героев — Зои Космодемьянской, Лизы Чайкиной, Саши Чекалина, Александра Матросова, Николая Гастелло и других. Согласно специальному решению Правительства с начала 1943 г. при некоторых школах и в детских домах стали открываться учебно-производственные мастерские. В ряде случаев учащиеся старших классов вовлекались в оборонную работу на предприятиях или работали в мастерских бытового обслуживания: по ремонту электроприборов и т. п.

В этом полезном и важном деле принимали участие и учителя в качестве руководителей ученических бригад. Учащиеся овладевали технологией производства и соответствующими трудовыми навыками, учителям удавалось связывать работу на предприятиях с занятиями по физике и химии. Как правило, учителя констатировали, что производительный труд учащихся (2-3 часа в день) благотворно сказывался на дисциплине школьников и способствовал более осмысленному и глубокому усвоению знаний.

Исключительно важное воспитательное и образовательное значение приобрел труд школьников на полях колхозов и совхозов. Активную деятельность ученики развили по сбору металлолома, теплых вещей для Красной Армии, активно помогали госпиталям, семьям фронтовиков.

Организация школьных интернатов в военных условиях (на Урале, в Сибири, Средней Азии) спасла много тысяч детей и помогла организовать их воспитание.

Огромную роль в судьбе детей сыграли различные общественные и государственные организации: профсоюзные, комсомольские, органы внутренних дел, система трудовых резервов. Общественники снимали ребят с поездов и через приемники-распределители устраивали в детские дома. Подростки, благодаря деятельности этих организаций, определялись на работу.

В 1944 г. в детских домах было 534 тыс. детей (в 1943 - 308 тыс.), в большинстве домов были открыты учебно-производственные мастерские.

Широкий размах во время войны приняло усыновление детей. Так, Александра Аврамовна Деревская (г. Ромны, Сумской обл.) усыновила 48 ребят.

В многомиллионной стране, где после войны остались тысячи детей сирот, забота об их устройстве была важнейшим государственным делом.

Организовывались детдома для детей воинов Советской Армии, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Они были созданы на базе детдомов общего типа, а на их содержание выделены дополнительные финансовые средства. И все же детдомов в стране не хватало.

Многие дети-сироты, чьи родители погибли или пропали без вести в военной сутолоке и неразберихе, длительное время оставались без надлежащего присмотра.

Несмотря на трудности послевоенного времени, к концу 1946 года только в Москве было организовано 4 новых школьных детдома с общим контингентом 270 человек. С этой целью использовались загородные дачи здания некоторых детских садов. Большинство воспитанников детских домов и интернатов были детьми погибших воинов, инвалидов Великой Отечественной войны, у многих родители проходили службу в Советской Армии. Из 5564 ребят 1548 вообще оказались круглыми сиротами [9].

В 1950-е гг. по мере улучшения социально-экономического положения в стране стало уменьшаться количество детей, нуждающихся в устройстве и воспитании в детских домах. Произошедшие в лучшую сторону перемены положительно отразились и на дальнейшей судьбе воспитанников детских домов и интернатов.

Общественно-педагогическое движение в стране, направленное на организацию досуга детей и подростков, выливалось в отдельные движения. Если в 20-е гг. это была организация детских клубов, то в 40-е гг. — это тимуровское движение, в 50-60-е гг. «коммунарское движение», в 70-е гг. — создание педагогических отрядов, возникновение родительских «семейных клубов».

В тимуровском движении ребят захватывала «подпольность», добрые дела «по секрету», сборы по цепочке, самостоятельность. Тимуровские команды создавались не только в дачных поселках. Во время войны добрые дела «по секрету» — это помощь семьям фронтовиков, шефство над ранеными, работа в госпиталях и т.д.

Движение приобрело такой размах, что комсомольские вожаки задумались, как его влить в пионерскую организацию, достаточно заформализованную уже в то время. И когда тимуровцы стали приписываться к классам — отрядам, энтузиазм детей погас. На смену тимуровскому движению пришло «коммунарское движение».

«Коммунарское движение» 60-х гг. стало своеобразным возрождением опыта С.Т. Шацкого и А.С. Макаренко. Главным здесь было создание детского, самостоятельного подросткового коллектива, организация самоуправления, свободного творчества личности. Это была попытка возродить детские клубы, где подростки стремились освободиться от давления извне, от формальных установок поведения молодежи. Подростков увлекали поисковые экспедиции, творческие дела, «трудовые десанты».

В этот период слово «беспризорники» исчезает со страниц периодической печати и официальных документов. Считалось, что имеются лишь единичные случаи временного ухода детей из семьи,

или из детских домов. Между тем, детские приемники МВД СССР не пустовали, в них доставлялись не только потерявшиеся дети, но и те, кто добывал средства к жизни нищенством, проституцией, кражами.

Возникшая вновь в 90-е гг. прошлого столетия, проблема детской безнадзорности, беспризорности и преступности достигла колоссального размаха. Для решения данной проблемы необходимо дальнейшее изучение ее психологами, юристами, медиками, педагогами, историками, социологами. Особое внимание при этом следует уделить богатейшему историческому опыту призрения детей – сирот в России.

1. Международные акты о правах человека: Сборник документов. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998.
2. Антология социальной работы. Т. 1. История социальной помощи в России // М.В. Фирсов М.В. М.: Сварог НВФ СПТ, 1994.
3. Беляков В.В. Сиротские детские учреждения в России. Исторический очерк. М., 1993.
4. Белякова В.В. Сиротские детские учреждения в России. М.: Норма-Инфра. С. 23.
5. Максимов Е.Д. Начало государственного призрения в России // Трудовая помощь. 1900. № 1.
6. Антология социальной работы. Т. 1. История социальной помощи в России / Сост. М.В. Фирсов. М.: Сварог НВФ СПТ, 1994.
7. Макаренко А.С. О воспитании. М., 1988.
8. «Рыцарь революции». Воспоминания современников о Ф.Э. Дзержинском. М. Политиздат. 1967.
9. Юшин И.Ф., Аверьянов К.А., Голубев А.В. и др. Образование в Москве. История и современность. М.: «Мосгорархив», 2000.

Носков Б.П., Калюк А.А.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РАЗГЛАШЕНИЕ СВЕДЕНИЙ СОСТАВЛЯЮЩИХ СЛУЖЕБНУЮ ТАЙНУ

Орловский государственный технический университет

Основу любой деятельности людей составляет ее информационное обеспечение. Информация становится одним из основных средств решения проблем и задач государства, политических партий и деятелей, различных коммерческих структур и отдельных людей. Так как получение информации путем проведения собственных исследований становится все более дорогостоящим делом, то расширяется сфера добывания информации более дешевым, но незаконным путем. Этому способствуют недостатки правовой базы по защите интеллектуальной собственности, позволяющие злоумышленникам избегать серьезного наказания за свои противоправные действия. И если вопрос ответственности за разглашение государственной или коммерческой тайны в большей или меньшей степени законодательно урегулирован, то относительно служебной тайны, на федеральном уровне, какие либо четкие санкции за разглашение таковой отсутствуют. В принципе этот вопрос не находит отражения и в ведомственных нормативных актах. В них упоминается, что виновные несут дисциплинарную или иную предусмотренную законодательством ответственность (на практике это влечет также и материальную ответственность), а на самом деле данный вопрос полностью отдан на суд руководителя, что не редко способствует самоуправству. Так как ответственность за данную категорию нарушений, на прямую, зависит от личностных отношений подчиненного с руководителем.

Но начиная разговор о данной проблеме необходимо определиться с рядом терминов и понятий, такими как: информация, конфиденциальная информация, государственная и служебная тайна и ряда других.

Информация - сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления.

Конфиденциальная информация - документированная информация, доступ к которой ограничивается в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Служебная тайна — это некоммерческая тайна ведомства, учреждения, аппарата управления предприятий и организаций, которая должна быть известна строго определенному кругу должностных лиц.

Государственная тайна - защищаемые государством сведения в области его военной, внешне-политической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации.

Коммерческая тайна - сведения, связанные с коммерческой деятельностью, доступ к которым ограничен в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и федеральными законами.

По аналогии с коммерческой тайной (тайной собственника на ценную предпринимательскую информацию) под служебной тайной мы понимаем несекретные сведения ограниченного распространения, связанные с владением и распоряжением интеллектуальной собственностью на информационные ресурсы в сфере управленческих (деловых) отношений в государственных учреждениях, утрата (разглашение, утечка, уничтожение) которых может нанести ущерб его интересам и профессиональному престижу. Наиболее общим документом регламентирующим отношения по данному вопросу является постановление Правительства РФ от 3.11.1994 г. № 1233 «Положение о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти». Однако интересующего нас вопроса ответственности, в данном положении, касается только один пункт – «За разглашение служебной информации ограниченного распространения, а также нарушение порядка обращения с документами, содержащими такую информацию, государственный служащий (работник организации) может быть привлечен к дисциплинарной или иной предусмотренной законодательством ответственности».

Если с дисциплинарной ответственностью все более или менее ясно, так как перечни дисциплинарных взысканий определены законодательством на федеральном и ведомственных уровнях, хотя как уже говорилось нет четкого разграничения что и за что, то фраза «и иной предусмотренной законодательством ответственности» вызывает много вопросов. Поскольку анализ законодательства показывает, что оно не предусматривает санкций за разглашение сведений составляющих служебную тайну, нет о них упоминания не в уголовном не в административном законодательстве.

Рассматривая положение вещей по данной проблеме в рамках МВД мы видим, что здесь имеются все проблемы присущие этому вопросу и в других ведомствах. Как уже говорилось основным видом наказания за данные нарушения является дисциплинарная ответственность. Статья 38 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации определяет следующие виды дисциплинарных взысканий: замечание, выговор, строгий выговор, предупреждение о неполном служебном соответствии, понижение в должности, снижение в специальном звании на одну ступень, лишение нагрудного знака, увольнение из органов внутренних дел.

В учебных заведениях Министерства внутренних дел Российской Федерации кроме перечисленных видов взысканий применяются взыскания в виде назначения вне очереди в наряд по службе (за исключением назначения в караул или дежурным по подразделению), а также отчисление из учебного заведения.

На практике за утерю служебных документов или разглашение сведений составляющих служебную тайну назначают первых три вида взысканий (замечание, выговор, строгий выговор), хотя в зависимости от последствий данного проступка не исключены и все остальные. Но не следует думать, что вынесением данных взысканий все ограничивается. Все заканчивается если взыскание вынесено в устной форме, если же оно носит письменный характер, то это влечет возможность задержки в присвоении очередного звания, в продвижении по службе, снижение процентных надбавок к денежному содержанию, уменьшение или лишение премиальных выплат. Из чего следует, что может носить очень серьезные последствия, и все права по их наложению отданы начальнику подразделе-

ния, из чего следует, что при отсутствии четкого разграничения какое взыскание и за что вступает в силу личностный фактор. При этом данное положение вещей вызывает особую тревогу поскольку обжалование данной категории дел практически невозможно. Суды дела о наложении дисциплинарных взысканий не рассматривают, а обращение к вышестоящему руководству обычно ни к чему не приводит, так как оно расценивает действия непосредственного начальника, как меры по укреплению служебной дисциплины. Что создает предпосылки для сведения счетов с подчиненными, при необходимости продвижения по службе нужных руководителю людей и удержанию на месте не угодных, то есть к удовлетворению своих личных интересов и амбиций.

Анализируя все выше сказанное становится ясно, что необходимо привести ситуацию сложившуюся в области ответственности за нарушения связанные с сохранностью служебной тайны к единым нормам и урегулировать ее, как минимум на ведомственном уровне, а лучше и целесообразнее, чтобы не было различных толкований, на федеральном.

Условно нарушения связанные с обращением сведений служебного характера можно разделить на следующие категории и назначить за них следующие виды ответственности:

- нарушение порядка ведения делопроизводства и хранения документов с грифом «для служебного пользования» не несущее за собой разглашение сведений служебного характера, но создающее для этого предпосылки - так как наносимый ущерб минимален или отсутствует, то в качестве взыскания предлагаю такую меру, как объявление замечания;
- разглашение сведений составляющих служебную тайну вследствие неправильной оценки полученной информации или по неосторожности наказывать выговором, а если это нанесло ущерб интересам службы наказывать строгим выговором;
- утерю служебных документов и документов с грифом «для служебного пользования» наказывать строгим выговором;
- разглашение сведений составляющих служебную тайну в корыстных целях и наносящее существенный вред интересам службы наказывать увольнением из органов внутренних дел и в зависимости от тяжести причиненного вреда предусмотреть в уголовном законодательстве меры ответственности.

Вопрос о материальной ответственности является достаточно спорным, так как если не был нанесен ущерб интересам службы и было вынесено дисциплинарное взыскание вопрос о материальной ответственности должен отпадать сам собой, поскольку за один и тот же проступок нельзя понести наказание дважды. С другой стороны при систематическом нарушении порядка обращения со служебной информацией можно ставить вопрос о снижении процентных надбавок по результатам аттестации сотрудника решением аттестационной комиссии. Во всяком случае следует ограничить права начальника по данному вопросу.

Исходя из вышесказанного, с целью повышения ответственности за разглашение сведений составляющих служебную тайну и исключения случаев субъективного отношения начальника по вынесению взысканий, полагаю целесообразным:

- урегулировать проблему по вопросу отнесения сведений к информации служебного характера на федеральном уровне, дабы избежать разночтений по одним и тем же вопросам;
- доводить до личного состава данные о случаях утечки информации и о принятых по ним решениях, а в случае возникновения подобного инцидента незамедлительно проводить служебную проверку, с целью исключить такую возможность в последующей деятельности в аналогичных ситуациях;
- внести в ведомственные приказы перечень взысканий за разглашение сведений составляющих служебную тайну в зависимости от характера нарушения;
- рассмотреть возможность внесения в уголовное законодательство статьи об ответственности за разглашение сведений служебного характера принесшие наиболее тяжелые последствия для служебной деятельности.

1. Конституция Российской Федерации. М., 1993.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ.
4. Гражданский кодекс РФ. Сборник кодексов РФ. М.: «Оникс», 1998.
5. Федеральный закон от 20 февраля 1995 года № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации».
6. Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (в редакции от 6 октября 1997 г.) «О государственной тайне».
7. Федеральный закон от 31.07.95 г. № 119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации».
8. Постановление Правительства РФ от 3.11.1994 г. № 1233 «Положение о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти».
9. Положение о службе в органах внутренних дел Российской Федерации. №4202-1 от 23.12.1992 г.
10. Кибальник А., Соломенко И. Понятие и виды тайны в уголовном праве // Российская юстиция. 2001. № 2.
11. Федорова А.В., Вуса М.А. Государственная тайна и ее защита. М.: Юридический центр Пресс, 2003.

Сумников В.В.

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ФОТОГРАФИИ В СЛЕДСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ

Орловский государственный технический университет

Современный научно-технический прогресс оказывает мощное воздействие на все стороны жизни общества не исключая отношения, складывающиеся в сфере уголовного судопроизводства. Новые научные знания и технические средства включаются в уже имеющийся арсенал достижений науки и техники, который служит делу борьбы с преступностью. Следственная и судебная практика свидетельствуют, что наиболее широкое и эффективное применение достижений науки техники находит свое выражение в процессе расследования уголовных дел.

При производстве следственных действий (следователем, дознавателем, прокурором) могут использоваться различные научно-технические достижения. Правовой основой для этого выступает прямое указание в ч. 6 ст. 164 УПК РФ на возможность применения технических средств и способов обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств.

Ст. 166 УПК РФ предусматривает, что при производстве следственных действий могут применяться фотографирование, киносъемка и видеозапись. Однако УПК РФ не содержит полных предписаний относительно применения важного способа фиксации как фотографирование, а тем более применения цифровой фотографии. Возражения против применения для фиксации доказательств цифровых методов в основном связаны с возможностью произвольного изменения, «редактирования», фальсификации зафиксированных сведений с помощью компьютерной обработки цифровой записи [2; С. 38]. Столь легкое изменение цифровой информации происходит за счет устройства цифровой фотокамеры. В цифровом фотоаппарате роль светоприемника выполняет не фотопленка, а специальная поверхность позволяющая преобразовывать изображение и сохранить его в цифровой форме. Содержание информации в виде цифрового кода дает возможность более просто проводить ее обработку, одновременно делая невозможным техническое выявление фальсификаций и привязку цифрового изображения к конкретной фотокамере [4; С. 13].

Так, цифровая фальсификация документов осуществляется с помощью цифрового репродуцирования, то есть с применением компьютерной техники (сканеры, принтеры, комбинированные устройства). Развитие компьютерной техники и компьютерной грамотности сделало эту технологию доступной даже для дилетантов [3; С. 2].

В связи с этим доказательственная информация, заключенная в фотографиях, определяет особые требования к достоверности фотофиксации.

С одной стороны, цифровая форма передачи изображения делает невозможным приложение негативов, так как негатив в традиционном смысле отсутствует. С другой стороны, цифровая фото съемка снижает погрешность изображения, точнее передает цвет и делает возможной последующую обработку фотографий, открывая новые возможности изучения скрытой информации [5; С. 7].

Конечно же, закон не ограничивает лиц, производящих расследование, в выборе средств и методов фотосъемки. Однако отмеченные особенности цифровой съемки делают недопустимым ее применение как заменителя традиционного фотографирования. Именно это послужило причиной того, что на практике сложилось стойкое убеждение о невозможности использования цифровых изображений по делу. Однако не следует столь категорично отказываться от этого.

Ученые-криминалисты в связи с этой проблемой стараются решить вопрос, как тактически правильно выполнить требования, предъявляемые к доказательствам по делу, с учетом особенностей цифровой формы фиксации изображения.

Существует несколько вариантов сохранения доказательственного значения цифровых изображений. Прежде всего, это использование комплекта фотокамеры и принтера. При наличии в криминалистическом оснащении фотопринтера (например, при выезде на место происшествия передвижной криминалистической лаборатории) цифровые фотоснимки могут быть отпечатаны сразу же после съемки. В этом случае понятые и другие участники следственного действия имеют возможность наглядно убедиться в адекватности фотоизображения заснятым объектом и удостоверить снимки, которые тут же прилагаются к протоколу. Как показывает практика, хорошие результаты дает применение портативного фотопринтера HP Desk Jet 450 cbi, с помощью которого изготавливаются высококачественные цветные снимки с цифрового носителя в необходимом масштабе как на специальной бумаге (10x15), так и на обычной бумаге формата А4 с оставлением полей для удостоверительных реквизитов [2; С. 39]. Такой вариант не предполагает дополнительных процессуальных действий и может реально принести пользу, особенно по делам, где идет речь о возможности «розыска по горячим следам».

Другой вариант состоит в изъятии цифровой карты памяти из фотоаппарата или самого фотоаппарата, которые в последующем упаковываются, опечатываются и заверяются подписями следователя и понятых. В дальнейшем предполагается изготавливать фотоснимки в процессе следственного осмотра, о чем составляется соответствующий протокол.

Следующий вариант заключается в применении новых моделей фотоаппаратов, в которых фотоизображение на одноразовые 8 см mini CD-R диски. Перед зарядкой диск удостоверяется подписями участников следственного действия, его номер фиксируется. После съемки отснятые кадры просматриваются, их количество и содержание протоколируется.

Используемый диск помещается в конверт и прилагается к протоколу. Стоимость одноразового mini CD-R диска значительно ниже стоимости цветной фотопленки, объем памяти диска позволяет фиксировать около 140 цветных цифровых фотоизображений [2; С. 39].

В дальнейшем диск - носитель информации - используется для изготовления фотоснимков. Поскольку первичная информация на диске не поддается изменению, всегда сохраняет возможность подтверждения подлинности полученных снимков (при необходимости может быть назначена фототехническая экспертиза) [5; С. 37].

Какой из предполагаемых вариантов выбрать, зависит от обстоятельств дела, технической оснащенности и личных пристрастий следователя, так как каждый из способов имеет свои плюсы и минусы.

Подводя итог научной статье необходимо сказать следующее. Использование в следственной практике новых научно-технических достижений сталкивается с недостаточной теоретической разработанностью процессуальных вопросов использования научных знаний и научно-технических средств в процессе расследования преступлений.

1. УПК РФ. М.: «Издательство ЭЛИТ», 2004.

2. Ван дер М., Холопов А. Цифровая фиксация аудио- и видеoinформации // Законность. 2003. № 8. С. 38-40.

3. Иванов Н.А. Комплексная экспертиза документов, изготовленных способами цифровой фотографии // Российский следователь. 2004. № 10. С. 2-4.

4. Петрухина А.Н. Роль фотографий в экспертных исследованиях // Российский следователь. 2004. № 11. С. 6-7.

5. Фирсов О.А., Райгородский В.М. Процессуальные и методические вопросы проведения фототехнической экспертизы // Следователь. 2002. № 2. С. 36-37.

III. СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Уварова В.И.

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА

САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЯН*

Орловский государственный технический университет

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, в настоящее время 60 % жизней в мире уносят болезни неинфекционного происхождения. В России только болезни системы кровообращения, занимающие первое место среди причин смертности, унесли в 2004 г. 1282,9 тыс. жизней. За годы тяжелых социально-экономических преобразований в стране существенно сократилась продолжительность жизни, особенно у мужчин. Большой вклад в сверхсмертность мужчин вносят производственный травматизм, несчастные случаи, в том числе отравления и суицид.

Большинство исследователей сходятся на том, что основная причина низкой продолжительности жизни мужчин в России – низкий уровень самосохранительного поведения. Мы решили проверить обоснованность данного предположения.

Методология

Социологическое исследование самосохранительного поведения было проведено в Орловской области в марте-апреле 2007 г. Всего методом анкетирования опрошено 690 респондентов. Опрос проводился по месту жительства. 55 % опрошенных составили женщины, 45 % - мужчины, что соответствует региональной статистике. Цель исследования – сравнительный анализ форм и уровней самосохранительного поведения мужчин и женщин. Самосохранительное поведение рассматривается нами как активность граждан, направленная на создание условий, способствующих сохранению и приумножению их здоровья.

Место здоровья в ценностно-мотивационной структуре личности

Здоровый нищий счастливее больного короля.

А. Шопенгауэр

Как показало проведенное исследование, большинство респондентов относятся к здоровью, как к необходимому условию полноценной жизни. При этом женщины ценят здоровье выше, чем мужчины. Каждая третья женщина полагает, что здоровье важнее всего на свете. Мужчин, разделяющих данную точку зрения, оказалось на 10 % меньше. Напротив жить, не думая о здоровье, предпочитают 24 % мужчин и вдвое меньше женщин.

О невысокой культуре самосохранения и ответственности за собственное здоровье и здоровье близких свидетельствуют данные таблицы 1. Понимание необходимости постоянной заботы о поддержании и укреплении своего здоровья продемонстрировали 60,2 % женщин и только 45,8 % мужчин. Остальные полагают, что начинать заботиться о здоровье нужно лишь после проявления болезни в той или иной ее стадии.

Таблица 1
Отношение к своему здоровью (%)

Показатели отношения к своему здоровью	Пол	
	Мужской	Женский
- Нужно постоянно заботиться о поддержании и укреплении своего здоровья	45,8	60,2
- Заботиться о своем здоровье необходимо при первых признаках недомогания	22,4	24,6
- Заботиться о здоровье необходимо лишь, когда его состояние внушает серьезные опасения	16,4	11,9
- Не задумывались об этом	15,4	3,4

Оценивая степень влияния различных факторов на состояние здоровья людей, женщины практически одинаково высоко оценили сразу два фактора: образ жизни и наследственность. Мужчины отдали предпочтение фактору образа жизни. В связи со столь высокой оценкой степени влияния образа жизни на здоровье несомненный интерес представляет анализ реального поведения населения.

Здоровый образ жизни предполагает правильное питание, соблюдение гигиенических норм, наличие психологически комфортных условий на работе и в быту, занятия спортом, упорядоченный отдых, избегание стресса, крепкий сон, минимальное употребление алкоголя. Остановимся подробнее на основных составляющих здорового образа жизни населения Орловской области.

Питание

Человек есть то, что он ест.

Л. Фейербах

Питание представляет собой фактор, определяющий биосоциальный комфорт человека. Количество и набор потребляемых продуктов питания являются важнейшим показателем качества жизни. Возникновение многих неинфекционных заболеваний в наши дни тесно связано с особенностями питания. К сожалению, похвастаться регулярностью питания, включающего прием горячей пищи смогли лишь 38 % респондентов. Питание женщин организовано лучше, в то время как половине опрошенных мужчин не удается регулярно принимать горячую пищу. Категория лиц, питающихся «как попало», состоит в равной степени из представителей обоих полов (таблица 2).

Таблица 2
Степень регулярности питания (%)

Показатели регулярности питания	Пол	
	Мужской	Женский
- Питаются регулярно, принимают горячую пищу	32,2	43,2
- Стараются питаться регулярно, но не получается	50,7	40,4
- Питаются нерегулярно, редко принимают горячую пищу	17,1	16,4

Еще ниже оказались показатели сбалансированности и рациональности питания. Только 19 % женщин и 16,5 % мужчин охарактеризовали подобным образом свой повседневный рацион.

Несистематическое, несбалансированное питание является, как правило, следствием трех основных причин: низкого уровня дохода, отсутствия достаточного времени или условий и безответственного отношения к данному вопросу. А в результате смертность от болезней органов пищеварения стоит в РФ на пятом месте в перечне причин смерти, и только за 2004 г. эти болезни унесли 84,4 тыс. человеческих жизней

Физическая активность

Действие является для всякого органического существа главным условием жизни, здоровья, силы. Посредством действия развивает он свои способности, увеличивает свою энергию и достигает полноты своего удела.

П. Прудон

Наиболее доступными способами борьбы с гиподинамией сегодня являются: утренняя гимнастика, прогулки на свежем воздухе и спортивные занятия. Мужское население регулярнее занимается спортом и чаще делает зарядку, чем женское. Например, занимаются спортом не реже 2-3 раз в неделю 27 % молодых мужчин и только 15 % женщин. Прогулки на свежем воздухе представители обоих полов предпринимают практически с одинаковой частотой, небольшое отставание женщин отмечено лишь в старшей возрастной группе. Закаливающие процедуры не имеют широкого распространения среди населения. С той или иной частотой к ним прибегают 6,7 % мужчин и только 1,7 % женщин. Соблюдать режим дня удается 18,8 % респондентов, причем женская организованность превышает мужскую всего на 1 %.

Отдых

Труд должен сообразоваться с отдыхом;
глуп тот, кто отдых превращает в занятие.

Фр. Рюккерт

Заповедь о покое, отдыхе, предписывающая людям 6 дней работать, а седьмой отдыхать, сформулирована еще в Библии. Отдых необходим для аккумуляции энергии. Русский физиолог И.М. Сеченов определил, что человеку после 8-часовой работы необходимо 8 часов отдыхать и столько же спать.

Как следует из проведенного опроса, женщины чаще придерживаются рекомендаций в отношении сна. Продолжительность сна 83 % женщин и 70 % мужчин составляет обычно 6-8 часов. Среди мужской половины опрошенных больше встречается лиц, как недосыпающих (10 %), так и отличающихся излишне продолжительным сном (20 %). При этом мужчин, чувствующих себя выспавшимися, оказывается больше, чем женщин (56 % против 49 %). Остальным удается отоспаться только в выходные дни (29 % мужчин и 37 % женщин) или приходится постоянно недосыпать (15 % мужчин и 14 % женщин).

Недостаточный уровень сна приводит и к недостаточному уровню бодрствования, характеризующегося состоянием сонливости и рассеянности. В результате растет число аварий и несчастных случаев. Работающие россияне все чаще стали испытывать так называемый «синдром хронической усталости». Согласно данным опроса, не ощущали подобного состояния лишь 11 % респондентов. Как видно из таблицы 3, «синдром хронической усталости» более характерен для женской половины населения. Нарушение сна и хроническая усталость превращаются в плацдарм, на котором проявляются различные болезни.

Таблица 3
Проявление «синдрома хронической усталости» (%)

Частота проявлений синдрома	Пол	
	Мужской	Женский
- не испытывают	17,1	6,5
- иногда испытывают	61,2	55,4
- довольно часто испытывают	16,8	29,9
- постоянно испытывают	4,9	8,2

Особое значение в восстановлении сил имеет ежегодный отпуск. Гендерные различия в способах проведения отпуска незначительны. Мужчины чаще, чем женщины вообще не берут отпуск, используя возможность подработать. Женщины чаще мужчин проводят отпуск дома (соответственно 37 % и 34 %) и ездят в санаторий, дом отдыха (9 % против 5 %). После отпуска хорошо отдохнувшими ощутили себя менее половины опрошенных: 47 % мужчин и 40 % женщин. Остальные чувствуют себя недостаточно отдохнувшими, а 8 % женщин и 10 % мужчин, по собственной оценке, отдохнули плохо.

Стресс

Полную свободу от стресса даст только смерть.

Ганс Селье

Одной из наиболее серьезных угроз здоровью современного человека является стресс. Под стрессом подразумевается особое психическое и физиологическое состояние, характеризующееся подавленностью, чувством страха, преувеличением трудностей и опасностей, неспособностью справиться с проблемой. В состоянии стресса человек быстро устает, раздражается по любому поводу, может испытывать злобу, ненависть и агрессивность. Источником стресса могут стать житейские неудачи, экономические трудности, конфликты с близкими, негативная информация.

Как показал проведенный опрос, почти каждый третий респондент часто испытывает стресс в различных ситуациях. Женщины находятся в состоянии стресса чаще, чем мужчины (35,8 % и 25,5 % соответственно). Но способы снятия стресса, применяемые мужчинами, оказывают более губитель-

ное воздействие на их здоровье, чем традиционно женские способы борьбы со стрессом. Как видно из таблицы 4, женщины часто снижают уровень стресса, жалуясь подругам или плача в одиночестве (28,5 %). Другой специфически женский способ освобождения от стресса - усиленное потребление пищи, особенно сладостей - хотя и наносит определенный вред здоровью, но несопоставимо меньший, чем интенсивное курение и прием алкоголя, к которым значительно чаще прибегают мужчины.

Таблица 4
Способы снятия стресса (%)

Способы снятия стресса	Пол	
	Муж.	Жен.
- жалуется друзьям или плачет в одиночестве	7,3	28,5
- курят больше обычного	22,4	4,0
- срываются на близких или подчиненных	10,1	13,3
- принимают алкоголь	21,3	3,1
- едят больше обычного, особенно сладости	3,8	11,9
- молча терпят	29,0	33,1
- меняют вид деятельности или обстановку	5,9	6,2

Ученые доказали факт негативного влияния стресса на иммунную систему и клетки мозга. Находясь в состоянии стресса, организм человека истощает свои жизненные ресурсы.

Вредные привычки

В наши дни алкоголизм делает большие опустошения, чем три исторические бича, вместе взятые: голод, чума и война.

В. Гладстон

Несомненный вклад в снижение продолжительности жизни россиян, в первую очередь мужчин, вносит распространение вредных привычек. В то время, когда Западный мир освобождается от пагубного пристрастия к курению, вовлеченность в него россиян продолжает нарастать (таблица 5).

Таблица 5
Интенсивность курения (%)

Показатели интенсивности курения	Пол	
	Муж.	Жен.
- ежедневно пачку и более	24,8	1,7
- до 10 сигарет в день	29,0	9,3
- курят редко	12,1	13,6
- не курят	33,9	75,4

Годы реформ отмечены существенным ростом пьянства, вызванного, в первую очередь, кризисом личной самоидентификации мужчин, кризисом привычной роли кормильца семьи. В этой ситуации мужчины нередко вместо выбора новых, более соответствующих ситуации ролей, усиливают личностный кризис и «топят» его в алкоголе. Возросла и доля женщин, пьющих за компанию с мужьями, в силу неспособности преодолеть психологическую зависимость. Однако масштабы мужского и женского алкоголизма несопоставимы. Как следует из таблицы 6, каждый четвертый мужчина принимает алкогольные напитки несколько раз в неделю.

Таблица 6
Частота употребления алкогольных напитков (%)

Частота употребления алкогольных напитков	Пол	
	Муж.	Жен.
- ежедневно	5,2	2,0
- 2-3 раза в неделю	22,0	12,7
- несколько раз в месяц	19,6	13,3
- несколько раз в год	18,2	18,1
- никогда	35,0	54,0

11 % мужчин и около 2 % женщин почти ежедневно пьют пиво, а 3 % мужчин с той же регулярностью употребляют более крепкие напитки. Доля мужчин, пробовавших наркотические вещества, также многократно превышает долю женщин, составив, по данным опроса, 23,8 % против 3,7 %.

Выводы

Проведенное нами исследование подтвердило предположение о невысоком уровне самосохранительного поведения россиян, особенно мужчин, чем во многом обусловлена низкая продолжительность их жизни. Как справедливо заметил Е. Андреев: «Причины мужской сверхсмертности следует искать в сформировавшемся в российском массовом сознании к концу XX в. образе «идеального мужчины», его социальных ролей и норм поведения» [1]. Мужчины неоправданно высоко оценивают состояние своего здоровья. Так, хорошим назвали свое здоровье 42 % мужчин и только 28 % женщин. Мужчины реже, чем женщины обращаются за медицинской помощью, пренебрегают профилактическими мерами. Например, никогда не принимали витамины 19 % женщин и 46% мужчин. Но мужчины не только плохо заботятся о поддержании здоровья. Среди них значительно большее распространение получили губительные для здоровья вредные привычки. Не свойственно российским мужчинам и золотое правило жизни – соблюдение умеренности во всем. Согласно опросу, следовать ему удается 41 % женщин и только 24 % мужчин. Таким образом, поведение определенной части населения, в первую очередь, мужского вместо самосохранительного можно охарактеризовать как саморазрушительное.

Возможно, для активизации бережного и рационального отношения к себе, на государственном уровне следует ввести меры экономического стимулирования хорошего состояния здоровья трудящихся.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 06-06-96300**

1. Андреев Е.М. Смертность мужчин в России // Вопросы статистики. 2001. № 7 С. 33.

Уварова В.И., Шуметов В.Г

МОДЕЛЬ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ г. ОРЛА И ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ*

*Орловский государственный технический университет,
Орловская региональная академия государственной службы*

В Орловском государственном техническом университете в рамках темы по гранту РФФИ проводятся работы, направленные на решение актуальной проблемы – создание модели здоровья населения на региональном уровне. Эти работы ведутся в двух аспектах: анализ данных официальной статистики и социологические исследования. В рамках первого направления получены определенные результаты; в частности, разработаны структура и математический вид регионального индекса здоровья, по результатам статистического многомерного анализа обоснована мультипликативная форма индекса, определены веса входящих в него частных территориальных индексов [1].

В рамках второго направления работ в текущем году проведен социологический опрос населения г. Орла и Орловской области, выполнен первичный анализ полученных данных: построены и проанализированы линейные распределения ответов респондентов, выявлены взаимосвязи признаков, определяющих здоровье населения. Однако, этот анализ носит скорее не количественный, а качественный характер. В то же время, значительный интерес представляет вторичная обработка результатов социологического опроса, цель которого – построение модели здоровья населения г. Орла и Орловской области. Исходной предпосылкой создания такой модели является предположение, что

определяющей результирующей переменной (Y) является вероятность той или иной социальной группы респондентов иметь хорошее здоровье – переменная, измеряемая в количественной шкале.

В математическом плане задача построения модели здоровья сводится к дисперсионному анализу, который позволяет выявить степень влияния основных признаков на вероятность населения иметь хорошее здоровье. К таким признакам, прежде всего, относятся пол, возраст и уровень доходов: с возрастом здоровье закономерно ухудшается, большие уровни доходов способствуют сохранению здоровья, априорно присутствуют и гендерные различия. Действительно, анализ таблиц сопряженности признаков «Возраст» и «Уровень доходов», ячейки которой отвечают долям респондентов, оценивших свое здоровье как «хорошее» (таблицы 1 и 2), показывает, что по мере перемещения из правого верхнего угла этих таблиц в левый нижний угол доля респондентов, оценивших свое здоровье как «хорошее», имеет тенденцию к увеличению.

Таблица 1
Таблица частотности категории «здоровье хорошее»
для признаков «Возраст», «Уровень доходов» – мужчины (% «по строкам»)

Доход, руб. в месяц	Возраст, лет				
	18-30	31-40	41-50	51-60	более 60
До 2000	32,8	28,6	20,0	14,3	7,7
2001-3000	42,7	37,5	37,5	26,7	27,3
3001-4000	53,8	45,5	46,2	38,5	28,6
4001-5000	70,0	75,0	55,0	44,4	40,0
Более 5000	76,5	68,2	43,8	55,6	63,1

Таблица 2
Таблица частотности категории «здоровье хорошее»
для признаков «Возраст», «Уровень доходов» – женщины (% «по строкам»)

Доход, руб. в месяц	Возраст, лет				
	18-30	31-40	41-50	51-60	более 60
До 2000	61,1	27,3	11,5	20,0	9,1
2001-3000	70,6	34,6	15,4	20,8	5,0
3001-4000	61,9	52,6	31,6	37,5	7,7
4001-5000	75,0	36,4	37,5	23,1	46,0
Более 5000	80,0	43,5	42,4	25,0	42,4

Для построения моделей, описывающих зависимость вероятности хорошего здоровья мужского и женского населения г. Орла и Орловской области от этих двух факторов, использовали процедуру GLM General Factorial (общая линейная модель) пакета статистического анализа данных SPSS Base 8.0, позволяющую оценивать методом наименьших квадратов (МНК) параметры моделей с фиксированными и случайными факторами [2, 3]. Факторами модели служили номинальные переменные: доход (пять уровней) и возраст (пять уровней); поскольку они включают все представляющие интерес категории, полагали их фиксированными. Парным взаимодействием факторов пренебрегали, полагая соответствующую дисперсию равной дисперсией ошибки.

Оценку степени влияния факторов «доход» и «возраст» на вероятность хорошего здоровья мужского населения г. Орла и Орловской области выполняли по данным таблицы 3 «Критерии межобъектных эффектов».

Критерии межобъектных эффектов модели здоровья мужчин

Источник изменчивости	Сумма квадратов (тип III)	Степени свободы df	Средний квадрат	Критерий Фишера F	Уровень значимости
Corrected Model	7335,017	8	916,877	19,916	0,000
Intercept	46595,540	1	46595,540	1012,130	0,000
ДОХОД	5529,742	4	1382,436	30,029	0,000
ВОЗРАСТ	1805,274	4	451,319	9,803	0,000
Ошибка	736,594	16	46,037		
Всего	54667,150	25			
Corrected Total	8071,610	24			

Из таблицы 3 следует, что вероятность хорошего здоровья мужского населения г. Орла и Орловской области определяется не столько возрастом – критерий Фишера для этого фактора (отношение среднего квадрата фактора «ВОЗРАСТ» к среднему квадрату ошибки) равен $F=9,80$, сколько фактором «ДОХОД» (критерий Фишера для этого фактора больше – 30,03).

В математической форме эта модель записывается так:

$$Y_{ij} = \mu_0 + \alpha_i + \beta_j + \varepsilon_{ij}, \quad (1)$$

где Y_{ij} – наблюдаемое значение выходной переменной Y на i -м уровне одного и j -м уровне другого фактора; μ_0 – оценка свободного коэффициента модели; α_i и β_j – оценки главных эффектов на i -м и j -м уровнях; ε_{ij} – случайная ошибка. МНК-оценки параметров модели (1) приведены в таблице 4.

Таблица 4

МНК-оценки параметров модели здоровья мужского населения

Параметр	Козф. B	Ст. ошибка	критерий P -уровень	95 % доверительный интервал		
				нижний уровень	верхний уровень	
Intercept	10,848	4,071	2,665	0,017	2,218	19,478
[ДОХОД=2001-3000]	13,660	4,291	3,183	0,006	4,563	22,757
[ДОХОД=3001-4000]	21,840	4,291	5,089	0,000	12,743	30,937
[ДОХОД=4001-5000]	36,200	4,291	8,436	0,000	27,103	45,297
[ДОХОД=более 5000]	40,760	4,291	9,498	0,000	31,663	49,857
[ДОХОД=до 2000]	0	,	,	,	,	,
[ВОЗРАСТ=18-30]	21,820	4,291	5,085	0,000	12,723	30,917
[ВОЗРАСТ=31-40]	17,620	4,291	4,106	0,001	8,523	26,717
[ВОЗРАСТ=41-50]	7,160	4,291	1,669	0,115	-1,937	16,257
[ВОЗРАСТ=51-60]	2,560	4,291	0,597	0,559	-6,537	11,657
[ВОЗРАСТ=более 60]	0	,	,	,	,	,

Подчеркнем, что в отличие от традиционного для дисперсионного анализа условия равенства нулю средних величин всех эффектов, в общей линейной модели, создаваемой в пакета SPSS Base, нулевыми считаются эффекты определенных уровней факторов и их сочетаний. Так, в модели (1) нулевыми приняты параметры α_1 – эффект уровня «ДОХОД=до 2000» фактора «ДОХОД» и β_5 – эффект уровня «ВОЗРАСТ=более 60» фактора «ВОЗРАСТ».

Как следует из таблицы 4, если в целом модель (1) достаточно хорошо описывает зависимость вероятности хорошего здоровья населения г. Орла и Орловской области от возраста и уровня доходов (коэффициент детерминации $R^2=0,909$), то два параметра статистически незначимы. Это β_4 – эффект

уровня «ВОЗРАСТ=41-50» фактора «ВОЗРАСТ» и β_5 – эффект уровня «ВОЗРАСТ=51-60» того же фактора.

На рисунке 1 представлены диаграммы расчетных значений средних величин выходного показателя для различных уровней факторов, а на рисунке 2 – диаграммы вероятности хорошего здоровья мужского населения г. Орла и Орловской области для каждого из статусных факторов при различных значениях другого. Отметим, что расчетные значения величин выходного показателя несколько отличаются от «истинных». Это – результат упрощения модели (1) – учтены только линейные эффекты главных факторов, а их взаимодействие было приравнено ошибке.

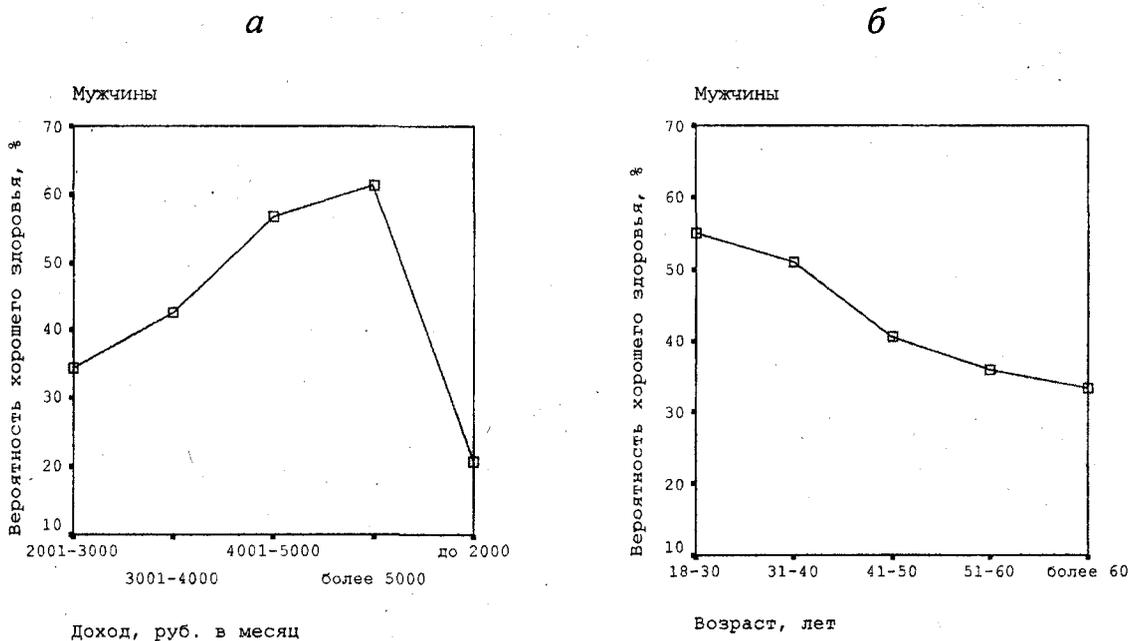

Рис. 1. Диаграмма вероятности хорошего здоровья мужского населения для уровней статусных факторов: а – дохода; б – возраста. Расчет по модели (1)

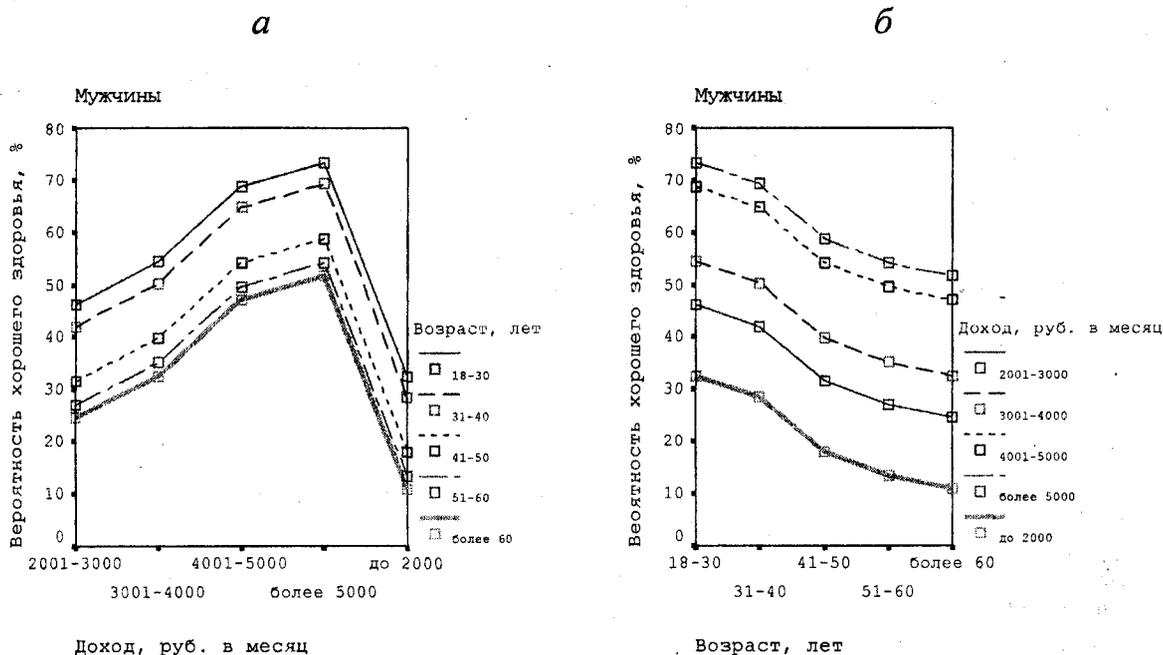

Рис. 2. Диаграмма вероятности хорошего здоровья мужского населения для уровней каждого из статусных факторов при различных значениях другого: а – дохода; б – возраста. Расчет по модели (1)

Заметим, что при интерпретации диаграмм следует иметь в виду, что порядок следования уровней дохода процедурой «общая линейная модель» изменен: уровень «до 2000» следует за уровнем «более 5000».

Нами выполнен аналогичный анализ данных таблицы 2 для женского населения г. Орла и Орловской области, в результате которого получены МНК-оценки параметров модели (2), отражающей зависимость вероятности хорошего здоровья женского населения г. Орла и Орловской области от возраста и уровня доходов – таблица 5 (эта модель по математической форме аналогична модели (1) для мужского населения).

Таблица 5
МНК-оценки параметров модели здоровья женского населения

Параметр	Коэф. B	Ст. ошибка	t -критерий	P -уровень	95 % доверительный интервал	
					нижний уровень	верхний уровень
Intercept	11,120	6,033	1,843	0,084	-1,669	23,909
[ДОХОД=2001-3000]	3,480	6,359	0,547	0,592	-10,001	16,961
[ДОХОД=3001-4000]	12,460	6,359	1,959	0,068	-1,021	25,941
[ДОХОД=4001-5000]	17,800	6,359	2,799	0,013	4,319	31,281
[ДОХОД=более 5000]	20,860	6,359	3,280	0,005	7,379	34,341
[ДОХОД=до 2000]	0	,	,	,	,	,
[ВОЗРАСТ=18-30]	47,680	6,359	7,498	0,000	34,199	61,161
[ВОЗРАСТ=31-40]	16,840	6,359	2,648	0,018	3,359	30,321
[ВОЗРАСТ=41-50]	5,640	6,359	0,887	0,388	-7,841	19,121
[ВОЗРАСТ=51-60]	3,240	6,359	0,509	0,617	-10,241	16,721
[ВОЗРАСТ=более 60]	0	,	,	,	,	,

Степень влияния факторов, введенных в модель (2), на вероятность хорошего здоровья женского населения г. Орла и Орловской области можно оценить по величине критерия Фишера (таблица 6): возраст женщин заметно больше, чем доход, влияет на изучаемый показатель. Этот вывод достаточно надежен, поскольку модель (2) объясняет более 85% общей дисперсии ($R^2=0,851$). Однако, эта модель содержит уже не два, а пять статистически незначимых параметров: к параметрам β_4 (эффект уровня «ВОЗРАСТ=41-50» фактора «ВОЗРАСТ») и β_5 (эффект уровня «ВОЗРАСТ=51-60» того же фактора), в модели (2) статистически незначимы также параметры α_2 – эффект уровня «ДОХОД=2001-3000» фактора «ДОХОД» и α_3 – эффект уровня «ДОХОД=3001-4000» фактора «ДОХОД», а также свободный коэффициент μ_0 .

Таблица 6
Критерии межобъектных эффектов модели здоровья женского населения

Источник изменчивости	Сумма квадратов (тип III)	Степени свободы df	Средний квадрат	Критерий Фишера F	Уровень значимости
Corrected Model	9224,364	8	1153,045	11,405	0,000
Intercept	33708,960	1	33708,960	333,419	0,000
ДОХОД	1615,548	4	403,887	3,995	0,020
ВОЗРАСТ	7608,816	4	1902,204	18,815	0,000
Ошибка	1617,616	16	101,101		
Всего	44550,940	25			
Corrected Total	10841,980	24			

Статистический вывод о различии степени влияния факторов на исследуемый показатель иллюстрируют графики на рисунках 3 и 4.

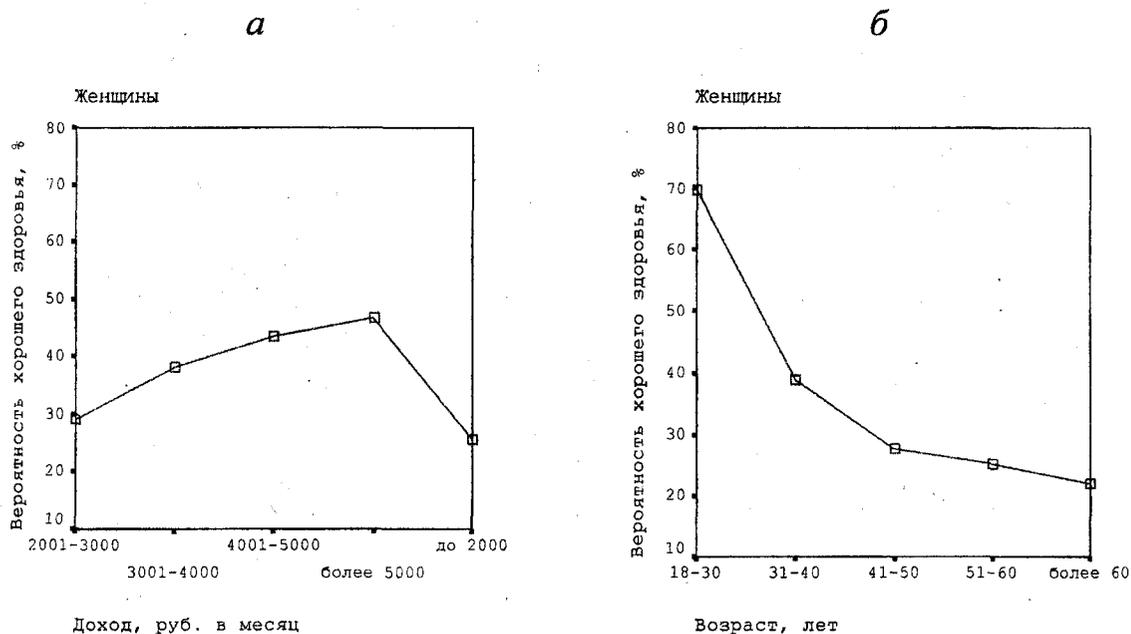

Рис. 3. Диаграмма вероятности хорошего здоровья женского населения г. Орла и Орловской области для уровней статусных факторов: а – дохода; б – возраста. Расчет по модели (2)

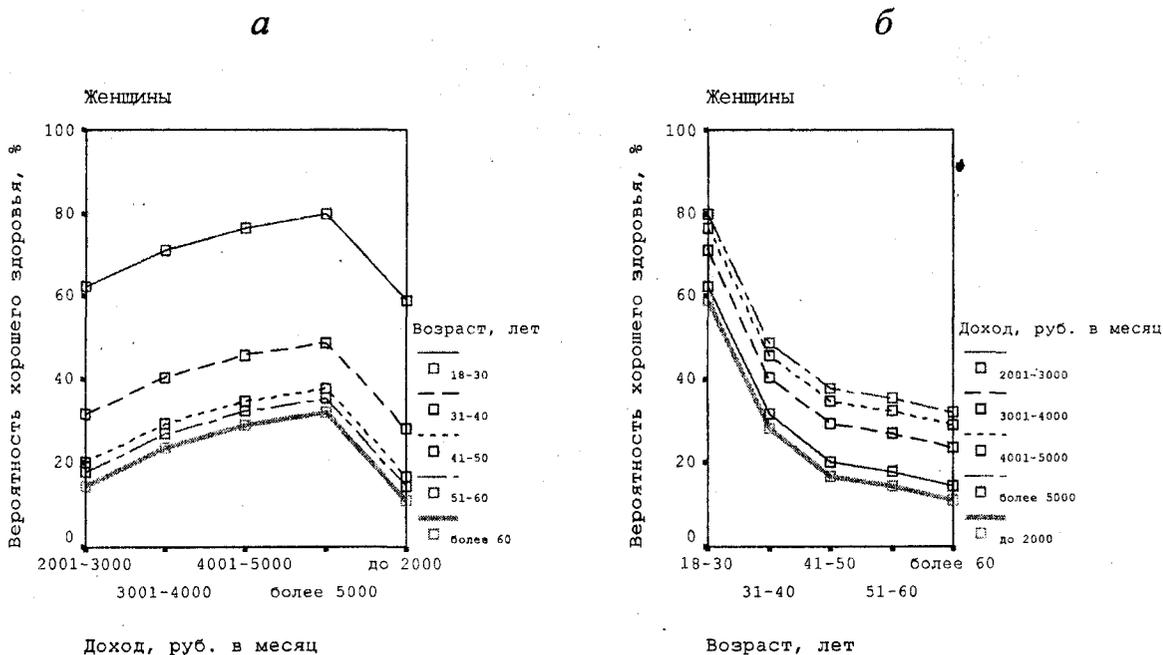

Рис. 4. Диаграмма вероятности хорошего здоровья женского населения г. Орла и Орловской области для уровней каждого из статусных факторов при различных значениях другого: а – дохода; б – возраста. Расчет по модели (3)

О погрешности моделей (1) и (2) можно судить по графикам рисунка 5. Видно, что модель (1) для мужчин – более точная.

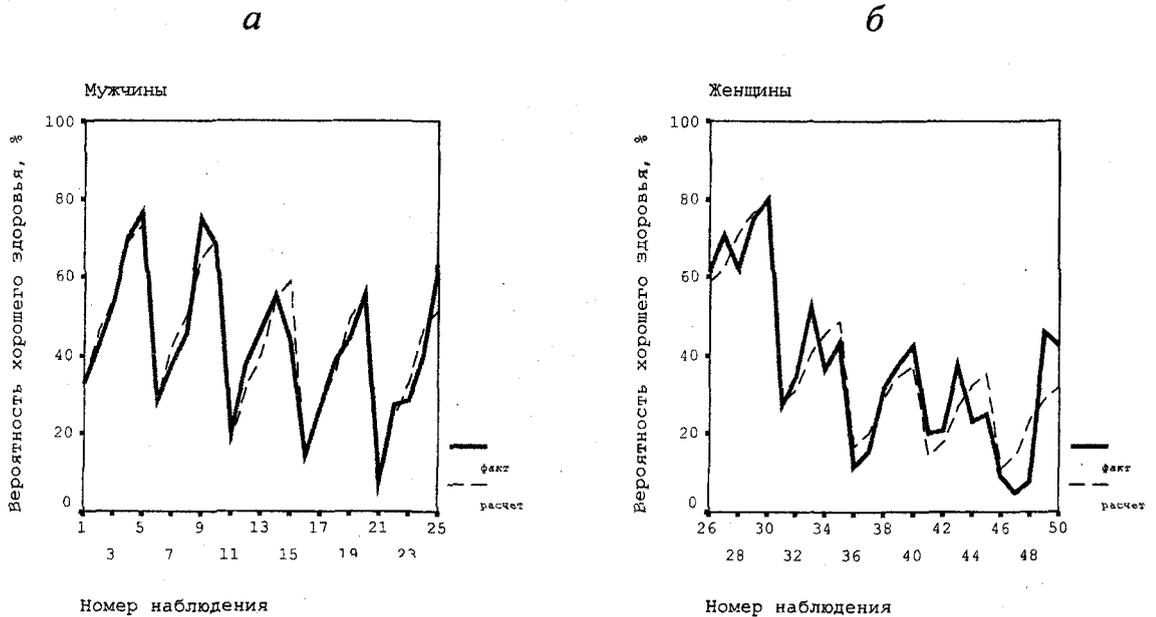

Рис. 5. Графическая иллюстрация погрешности моделей здоровья (2) и (3) – зависимость вероятности хорошего здоровья мужчин (а) и женщин (б) от уровня дохода для всех пяти возрастных групп

Итак, в результате применения технологии дисперсионного анализа по схеме «Общая линейная модель» получены модели, отражающие влияние двух факторов – возраста и уровня дохода – на здоровье мужского и женского населения г. Орла и Орловской области. Выявлены существенные различия моделей здоровья мужского и женского населения: вероятность хорошего здоровья мужчин в большей мере определяется доходом, чем возрастом, в то время как для женщин более значимым оказывается возраст. Вероятность хорошего здоровья и мужчин, и женщин монотонно увеличивается с ростом доходов и уменьшается с возрастом

Последующие публикации будут посвящены разработке эконометрической модели здоровья населения г. Орла и Орловской области, а также типологии населения по критерию здоровья.

**Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 06-06-96300*

1. Уварова В.И., Шуметов В.Г. Комплексный региональный индекс здоровья населения ЦФО // Глобализация и социальные изменения в современной России. М-лы Всерос. социол. конгресса. М.: Альфа-М, 2006. Т. 14. С. 58-61.
2. SPSS Base 8.0 для Windows. Руководство по применению. Перевод–Copyright 1998. СПСС Русь.
3. Бююль А., Цефель П. SPSS: Искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей. СПб.: ООО «ДиаСофтЮП», 2002.

Сычева И.Б.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В настоящей статье мы рассматриваем непосредственно те семантические компоненты, из которых складывается семантика вопросительных предложений. Анализ научной литературы по этой проблеме дает следующую картину.

Значение запроса информации — это лишь часть семантической структуры вопросительного предложения. Так, Л.Ф. Бердник считает, что в вопросительной конструкции выделяются семы сообщения, вопроса, побуждения [1]. «В процессе речевого общения в рамках вопросительной формы может происходить выдвигание на первый план побудительной семы или семы сообщения одновременно с усилением или нейтрализацией сопутствующих сем, что определяется факторами как экстралингвистическими, так и собственно языковыми, получающими свое выражение на лексико-морфологическом и синтаксическом уровне предложения» [2]. Как видно, коммуникативные потребности могут заставлять говорящего выдвигать на первый план один из указанных компонентов.

Наличие неизвестного в вопросе составляет сему неопределенности (дубитативности). На взгляд С.А. Ремизовой, этот термин предпочтительнее термина «сема вопроса», так как она присутствует и в невопросительных предложениях, таких, например, Кто-то пришел или Наверное, он вышел [3]. Семантическая структура соответствующих вопросительных предложений содержит такую же сему неопределенности, но, наряду с ней, в ее состав входит и сема побудительности или императивности, т. е. требование разрешить эту неопределенность, ср. Кто пришел? и Он вышел?

Сема директивности — неотъемлемая черта семантики вопросительного предложения. «Любое вопросительное высказывание включает в себя элемент директива, так как оно предполагает реакцию партнера» [4]. Это очень «сильный» элемент структуры; именно поэтому вопрос часто рассматривают как один из видов побуждения — побуждение к речевому действию [5]. Соответственно, доминирование этой семы в определенных обстоятельствах и позволяет употреблять вопросительное предложение в качестве речевого акта-директива.

Что касается семы сообщения, или ассертивности, то она, очевидно, соответствует пропозиции вопроса. Об этом говорит тот факт, что иногда отвечающий реагирует в первую очередь на саму эту пропозицию, а не на вопрос.

Таким образом, семантическая структура ВП представляет собой комбинацию сем императивности, неопределенности (дубитативности) и сообщения (ассертивности). Широкий функциональный диапазон употребления ВП объясняется различным комбинированием этих трех сем. Значение собственно запроса информации в ВП актуализируется при доминировании сем дубитативности и императивности.

Помимо вышперечисленных сем, «семантическая структура вопросительного предложения содержит запрос компетентности адресата, т.е. общий вопрос относительно наличия у адресата информации о данной составляющей ситуации или ситуации в целом, интересующей спрашивающего» [6].

Как видно, такое представление о семантической структуре вопросительного предложения позволяет нам делать выводы о том, каким образом оно может употребляться в своей прямой и непрямой функции. Мы, однако, полагаем, что такой подход скорее учитывает функциональный потенциал вопросительного предложения, а не объясняет само его функционирование. Мы считаем, что все, сказанное выше, можно соотнести с условиями успешности вопросительного речевого акта. В таком случае мы сможем проинтерпретировать высказывания, имеющие вопросительную форму, но не являющиеся вопросительными по своей сути.

Важнейшей чертой вопросительного речевого акта является его направленность на собеседника. Безусловно, в свете сегодняшних представлений о языке любое высказывание интерпретируется с учетом фактора адресата, однако вопросительное высказывание занимает особое место. Дело в том,

что вопросительное высказывание по сути своей предполагает живой отклик собеседника. Он должен не просто воспринять полученное сообщение и даже не просто отреагировать на некое побуждение. Адресат вопросительного высказывания должен принять непосредственное участие в коммуникации, присвоить те смыслы, которые вкладывал в высказывание адресант, и на их основании генерировать высказывание, которое бы гармонично взаимодействовало бы с исходным.

Логично допустить, что именно эта апеллятивность вопросительного высказывания обуславливает его широкое применение в не прямых функциях.

Так, например, мы полагаем, что использование вопросительного предложения как средства выражения побуждения обусловлено тем, что директивность вопроса не предполагает непременно ответного невербального действия. Вопросительная форма как бы дает собеседнику шанс включиться в коммуникацию, обсудить возможность выполнения действия. Безусловно, в реальной коммуникации этого на самом деле не ожидается, что собеседник отреагирует вербально, скорее, это будет нарушением неписаных норм общения. Скорее, это «приглашение к коммуникации» носит этикетный характер, важным здесь является сам факт признания собеседника не лицом, должностующим принять к выполнению некую инструкцию, а равноправным собеседником. Эксплуатация того же свойства включать собеседника непосредственно в коммуникацию наблюдается и, к примеру, в «лекторских» вопросах, должностующих стимулировать внимание аудитории. Для этих вопросов не удовлетворяются два условия успешности: спрашивающий не знает ответа и спрашиваемый, на взгляд спрашивающего, знает ответ. Это ключевые условия для вопроса как речевого акта. Факторами, делающими использование вопросительного предложения привлекательным, здесь, на наш взгляд, являются два: 1) вопрос предполагает ответ (т. е. снятие информационной недостаточности) и 2) вопрос вовлекает собеседника в центр коммуникации. Употребление вопросительного предложения в подобных ситуациях создает определенную психологическую напряженность, снятие которой переживается слушающим как удовлетворение его собственных информационных потребностей.

Подводя итог вышесказанному, мы видим, что семантическая структура вопроса достаточно сложна и предполагает такие компоненты, как значение ассертивности, значение дубитативности и значение директивности. При этом важной составляющей вопроса является выражение априорной убежденности говорящего в том, что задача, которая ставится говорящим перед слушающим, тому по силам. В других терминах те же, в общем, значения, могут быть представлены как условия успешности речевого акта-вопроса.

Непрямые употребления вопросительных предложений могут рассматриваться как некоторым образом производные от прямых, поскольку так или иначе эксплуатируют те или иные их семантико-прагматические свойства.

1. Бердник Л.Ф. Вопросительные предложения с повествовательным значением в современном русском языке. Дисс. ... к.филол.н. Ростов-на-Дону, 1974. 192 с.
2. Стаханова И.Г. Вопросительные предложения со значением побуждения в современном русском языке Дисс. ... к.филол.н. Л.: ЛГУ, 1984. 193 с.
3. Ремизова С.А. Вопросительность в диалогическом общении: форма и содержание Дисс. . к.филол.н. Краснодар, 2001.
4. Воронин В.В. Репликативные классы негативных речевых актов в современном немецком языке // Коммуникативно-прагматические классы и типы предложений: Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск: ИГПИИЯ имени Хо Ши Мина, 1992. С. 15-24.
5. Серль Дж. Классификация речевых актов: перев. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 170-194.
6. Почепцов О.Г. Семантика и прагматика вопросительного предложения (на материалах английского языка) Дисс. ... к.филол.н. Киев, 1979. 173 с.

Баранова Т.В.

К ВОПРОСУ О ЗАИМСТВОВАНИЯХ ИЗ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РОССИЙСКИХ КЛАССИКОВ

Тульский государственный университет

В начале XVIII в. в царской России население, относящиеся к высшему сословию, общалось между собой, как известно, в основном, посредством французского языка. Для князей, графов, знати было не «комильфо» говорить по-русски, как простолюдины. В каждой семье, как правило, имелась гувернантка, а то и настоящий француз, обучавшие русских детей азам французской грамматики. Многие русские знатные люди уезжали затем за границу продолжить своё обучение, а, вернувшись на Родину, зачастую с трудом могли связать пару слов на родном языке. Интерес ко всему французскому, новая аристократическая тенденция говорить лишь по-французски даже в лоне семьи способствовали закреплению на российской почве французских слов, которые мы сегодня уже не воспринимаем, как иностранные, ср., например:

... Но панталоны, фрак, жилет, -
Всех этих слов на русском нет!

[А.С. Пушкин]

Вторым по значимости после французского языка на территории Российской Империи был немецкий язык. Это было обусловлено, прежде всего, взаимодействием между двумя великими державами, воцарением на российском престоле урожденной немецкой принцессы императрицы Екатерины II. Знать незамедлительно проявила интерес ко всему немецкому и заговорила уже на двух иностранных языках, закрепляя чужеродные слова в родном языке.

Понятно, что заимствования в разумных пределах, особенно в своей основной функции – номинация новых предметов и явлений объективной и виртуальной реальностей – были и остаются нормой для любого живого и развивающего языка, к коим, без сомнения, относится и современный русский язык.

Богатое литературное наследие А.С. Пушкина, А.А. Блока, М.И. Цветаевой, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и др. позволяет наглядно продемонстрировать вхождение иноязычных слов в русский язык и их закрепление в нем. Более подробно мы остановимся на словах, заимствованных русским языком из немецкого языка.

А.С. Пушкин в поэме «Евгений Онегин», знакомя читателя с действующими лицами, пишет:

По имени Владимир Ленский,
С душой прямо геттингенской,
Красавец, в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт ...

[Пушкин А.С., «Евгений Онегин».]

Стихотворение И.С. Тургенева «Сон», посвященное России, включает строки с немецким заимствованием штоф (*der stoff*), ср., напр.:

Один кабак не спит и не
Смыкает глаз,
И, штоф с очищенной всей
Пятернёй сжимая,
Лбом в полюс упершись,
А пятками в Кавказ,
Спит непробудным сном
Отчизна, Русь святая.

[Тургенев И.С., «Сон».]

В «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского немало немецких слов, некоторые из которых уже полностью прижились на российской почве и почти не воспринимаются, как что-то чуждое, иностранное; другие немецкие лексические единицы до сих пор сохраняют свою графическую оформленность посредством латинского алфавита, ср., напр.:

... Ну, а старичок себе на уме, посмеивается, а сердце горит у него: «вот же я ему, бедняку, наш немецкий виц покажу! ...

(нем. Witz – шутка, острота).

[Достоевский Ф.М. «Дневник писателя», кн. 2]

... Даже если какие – нибудь там вексельки и векселечки, выданные нами в Европе.

[Достоевский Ф.М. «Дневник писателя», кн. 2]

... Рядом с грубостью приемов, с цинизмом красного носа и «огорченного запаха» исступленного слога и разорванных Сапогов мелькает какая-то скрытая жажда нежности, чего-то идеального, вера в красоту, Sehnsucht по чему-то утраченному – и всё это выходит как-то до крайности в нем отвратительно...

[Достоевский Ф.М. «Дневник писателя», кн. 1]

Последний пример демонстрирует немецкую лексику, не освоённую русским языком с точки зрения фонетико-графического аспекта, однако, благодаря контексту, легко догадаться о значении данного слова.

Как мы уже упоминали ранее (см., напр. [1]), российские авторы часто включают немецкие слова в текст своих художественных произведений для воссоздания колорита определенной местности, эпохи, языковой ситуации. Приведем конкретные примеры:

... он остановился, сделал ей ручкой и сказал: «Гут морген!» ...

[Гоголь Н.В., «Невский проспект».]

... А вот посмотрим, как пойдет дело после фриштика да бутылки толстобрюшки ...

(Фриштик – от нем. Frühstück (завтрак))

[Гоголь Н.В., «Ревизор»]

... Больным велено габерсуп давать ...

[Гоголь Н.В., «Ревизор»]

... Пехотный капитан сильно поддел меня: штосы удивительно, бестия, срезывает...

[Гоголь Н.В., «Ревизор»]

В романе А.Н. Толстого «Петр Первый» помимо немецких заимствований, носящих явный культурно-исторический характер, ср., напр., ниже: кундштюки; встречаем военную терминологию:

... Когда войско вернется из Крыма, я не поставлю за царя и десяти пфеннингов ...

[Толстой А.Н., «Петр Первый»]

... Как пушки, лопались бураки, трещали швермеры, сыпались искряные фонтаны ...

[Толстой А.Н., «Петр Первый»]

... Отряд Гордона окапывался шанцами, обставлялся рогатками вблизи крепости ...

[Толстой А.Н., «Петр Первый»]

... Когда бомба, упав, шипела и крутилась, офицеры ложились ничком, закрывались общлагами.

[Толстой А.Н., «Петр Первый».]

... Они покажут вам весьма забавные кундштюки ...

[Толстой А.Н., «Петр Первый».]

Немецкие реалии (соответственно, с немецкими лексическими единицами в тексте) описывает Иосиф Бродский, ср., напр.:

... Танго, шушукающиеся в полумраке парочки, сладкий шнапс и недоумённый взгляд Ульриха ...

[Иосиф Бродский, Собрание сочинений в 4 томах.]

Выше мы уже отмечали, что немецкие слова в русском тексте не всегда проходят графическую адаптацию. Множество подобных примеров встречаем в творчестве Марины Цветаевой, ср., напр.:

... Помню – это было в театре – их благодарственное шествие, вроде Fackelzug'a, который устроили студенты ...

[Цветаева М.И., «Повесть о Сонечке».]

... Слово, ко мне обращенное, Льва Ивановича Шестова, страстного Naturmensch'a и пешехода ...

[Цветаева М.И., «Поэт - альпинист».]

... Семь – пласты и зыби!

Семь – neilige Sieben!

Семь в основе лиры,

Семь в основе мира.

[Цветаева М.И., «Поэма воздуха».]

... Весь век до хрипоты, до стона,

Игравший трио этих пьес:

Марш кукол – Auf der Blauen Donau –

И экосез ...

[Цветаева М.И., «Чародей».]

... Это письмо идёт издалека оно пишется целый год – с какой-то прогулки – с каким-то особенным деревом (круглой – сосною?) – по которому Вы узнавали der Weg zur ü ck.

[Цветаева М.И., Письма.]

Разумеется, в лирике М.И. Цветаевой присутствуют и графически ассимилированные немецкие заимствования русского языка, ср., напр.:

... Сколько раз на школьном табурете:

Что за горы там? Какие реки?

Хороши ландшафты без туристов?

Не ошиблись, Райнер, - рай – гористый ...

[Цветаева М.И., «Новогоднее».]

В собрании сочинений А.А. Блока в шести томах можно обнаружить как освоенные, так и не адаптированные лексические единицы, так называемые окказиональные, авторские заимствования, ср., напр.:

... и проходят очень быстро, потому что всегда только «Viertelstunden» ходьбы до грандиозного кабака ...

[Блок А.А., Собрание сочинений.]

... Так проходит время почти до Mittag'a ...

[Блок А.А., Письма.]

Есть и немецкие слова, отображённые на письме посредством кириллицы, ср., напр.:

... В 11 часов вечера на улицах уже нет ни души, «шпенеры» уже не громыхают ...

[Блок А.А., Собрание сочинений.]

... Гладкий натёртый пол и безукоризненные кельнеры ...

[Блок А.А., Собрание сочинений.]

Переходя к сегодняшнему этапу развития отечественной литературы, хочется также отметить высокую частотность германизмов в произведениях наиболее плодовитого на настоящий момент автора иронических детективов Д.А. Донцовой, ср., напр.:

... из пряничного домика выходит тётушка Гретель, на пожилой фрау блузка, длинная юбка, фартук.

[Донцова Д.А., «Пикник на острове сокровищ».]

Слава богу, - выдохнула я, - полный орднунг.

[Донцова Д.А., «Монстры из хорошей семьи».]

Видно, у неё со зрением совсем швах.

[Донцова Д.А., «Ромео с большой дороги».]

Мы сели в машины и цугом покатали в нужном направлении.

[Донцова Д.А., «Каникулы в Простофилино».]

Не употребляю эрзацев, лишь натурпродукты.

[Донцова Д.А., «Каникулы в Простофилино».]

Приведенные примеры активного использования отечественными поэтами и прозаиками заимствованных из немецкого языка лексем в своих произведениях подтверждают коммуникативную актуальность данных слов и усиливают необходимость их исследования.

1. Баранова Т.В. Некоторые семантические функции русизмов в системе немецкого языка // Известия ТулГУ. Серия: Проблемы языкознания. Вып. 5. Тула: ТГУ, 2002

Лякишев Д.В.

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВКОВ ПРЕССЫ ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Орловский государственный университет

Важным направлением научных исследований в отечественной и зарубежной лингвистике является изучение роли прессы в освещении проблем войны.

Концепт «война» можно определить следующим образом: «вооружённая борьба между государствами или народами между классами внутри государства. (Ожегов, 1958)

Под военным дискурсом в данной работе понимается дискурс о войне, как в традиционной, так и в современной её формах.

Военные действия являются катализатором языкового выражения различных стереотипов и предубеждений, существующих в массовом сознании. Поэтому актуальным представляется систематическое изучение военного дискурса СМИ с точки зрения исследовательских приоритетов в современной коммуникативной лингвистике. Военный дискурс интересен ещё и тем, что он является военной неотъемлемой частью информационных и психологических операций, проводимых параллельно с боевыми действиями.

Традиционные подходы к изучению роли прессы в создании и распространении сообщений о войне сосредоточены в большей степени на изучении их политических и исторических аспектов, анализе военной лексики, изучении её лексикографических характеристик и т.п.

«Анализ дискурса должен быть основан на систематической реконструкции социально-исторического поля, в котором был создан объект анализа дискурса» (Barsky, 1997; С. 4)

Прежде всего, постараемся выяснить, в чём заключается специфические функции заголовков прессы о Великой Отечественной войне и каковы наиболее продуктивные его структурные типы.

Исследование проводилось на материале передовых статей газет «Правда» и «Известия» за период с 1941 по 1945 гг.

Мы считаем, что всякий газетный заголовок включает в себе различные речевые функции: коммуникативную, так как он служит для выражения сообщения о предмете речи; информативную, так как информирует читателя о содержании предмета речи, воздействующую или экспрессивную,

так как она определённым образом воздействует на читателя, вырабатывая у него соответствующее социальное отношение к содержанию сообщения; Являясь органической частью газетного текста, заголовок тесно связан с содержанием материала, выражает его основную мысль; привлекает внимание читателя, заинтересовывает его и оказывает на него воздействие; направляет мнение читателей и руководит им.

Заголовкам прессы о Великой Отечественной войне свойственна открытая оценочность, особенно в отношении политических и социальных явлений и событий дня. Оценочность здесь насквозь партийна.

Призывность, лозунгово-декларативный характер выражения проявляется в побудительном характере речи, простота и доступность – в сравнительной несложности синтаксических конструкций.

420 исследованных нами заголовков передовых статей можно условно разделить на две группы: заголовки, имеющие форму: 1) предложений и 2) словосочетаний. Первая группа количественно преобладает по сравнению со второй (399 и 21).

Заголовки, имеющие форму предложений, распределяются следующим образом:

Синтаксические типы заголовков, имеющих форму предложения

Назывные	226
Двусоставные неполные с побудительным значением	62
Двусоставные неполные	36
Инфинитивные	49
Именные с нулевой связкой	16
Заголовки, построенные по модели сложноподчинённых предложений	8
Остальные	23

Наибольшую группу, как видно из таблицы, среди заголовков, имеющих форму предложения, занимают назывные (53,8 %). Они имеют, как правило, нейтральный характер и отвечают задачам, прежде всего в назывании обозначений темы передовой статьи. Это заголовки типа:

«Политрук» (Изв., 9.01.42), «Артиллеристы Красной Армии» (Изв., 4.03.42) и другие.

Следует отметить, что стилистическая нейтральность этих конструкций возмещается привлечением оценочной, эмоционально-окрашенной лексики, метафор и метонимий, использованием определений: «Сталинские соколы» (Пр., 09.07.41), «Великая дружба народов СССР

(Пр., 29.07.41), «Грозное пламя партизанской войны» (Изв., 17.02.42), «Победы советских богатырей» (Пр. 25.03.45).

Небольшую группу среди назывных заголовков составляют предложения, представляющие собой по форме сочинительные словосочетания, у которых к назывному значению заголовка добавляется значение сопоставления.

«Кровь за кровь и смерть за смерть» (Пр., 22.07.41), «Новые рабочие и производительность труда» (Изв., 23.08.42), «Народ и вождь» (Пр., 29.06.45).

Следующая группа заголовков предложения – двусоставные неполные с побудительным значением (14,7%) – выражают важнейшую стилевую тенденцию жанра: призыв, побуждение к действию. Эти предложения построены по схеме «Кому – что» («Что – кому») или «Что – куда». Пропуск сказуемого, заменяемого паузой и соответствующей интонацией, придаёт этим структурам яркий динамизм. Эти заголовки имеют характер лозунгов, призывов.

Приведём примеры:

«Все силы народа – на разгром врага» (Пр., 4.07.41), «Весь хозяйственный аппарат – на военную ногу!» (Пр., 13.08.41), «Молодёжь – на лыжи!»

(Пр., 17.12.43), «Фронту и тылу – образцовую связь!» (Пр., 18.08.41), «24ой годовщине Красной Армии – достойную встречу» (Изв., 29.04.42).

Близки к описанным моделям и такие заголовки:

«Под водительством Сталина – на разгром врага!» (Пр., 21.07.41), «Под знаменем Ленина – вперёд, к победе!» (Изв., 21.02.42).

Разнообразны и другие типы неполных предложений и функции заголовков.

Здесь относятся и различные приветствия (со словами «Слава», «С праздником», «Дорогу» и другие), и предложения с глагольными сказуемыми в 1-м лице множественного числа настоящего (будущего) времени, и некоторые другие:

«Дадим сокрушительный отпор фашистским врагам!» (Пр., 24.06.41), «Слава Героям Отечественной войны!» (Пр., 08.07.41), «Слава доблестным миномётчикам!» (Изв., 25.03.42), «Слава героям Днепра!» (Пр., 17.10.43).

Относительно велика и группа заголовков, выраженных именными предложениями – эмоциональных, оценочных и по форме иногда афористичных:

«Самоотверженный труд – помощь фронту!» (Пр., 20.07.41), «Советские гвардейцы – гордость Красной Армии» (Изв., 22.05.42), «Новаторы ... – вожаки соревнования» (Изв., 27.06.42), «Народ – воин, народ – строитель». (Пр., 8.02.45), «Мать-героиня» (Изв., 28.10.44).

Довольно значительна и группа инфинитивных предложений (11,6 %), имеющих оттенок директивности: «Перестроить всю работу на военный лад!» (Пр., 10.07.41), «Уничтожить шпионов и диверсантов!» (Пр., 13.07.41), «Неустанно готовить резервы Красной Армии» (Изв., 16.01.42), «Беспощадно громить и уничтожать врага!» (Пр., 5.03.45).

Незначительную группу заголовков составляют полные двусоставные предложения (8,5%), имеющие прямой порядок слов и состоящие из подлежащего, сказуемого и второстепенного члена:

«Красная Армия рушит все преграды» (Пр., 30.03.45), «Страна празднует великую победу» (Пр., 11.05.45), «Немецкие вандалы ответят за свои преступления» (Изв., 29.08.44).

К малопродуктивным или непродуктивным моделям заголовков – предложений относят предложения со сказуемым, выраженным кратким прилагательным или кратким причастием, имеющие результативное или конструктивное значение (0,4 %): «Фашизм будет разбит!» (Пр., 30.06.41), «Не рушима дружба народов Советского Союза» (Изв., 26.06.42), «Берлин окружён!» (Пр., 26.04.45), «Знамя победы водружено над Берлином!» (Пр., 3.05.45).

Непродуктивны и заголовки, построенные по усечённой модели сложноподчинённого предложения с придаточным определительным (1,9 %): «Единство фронта и тыла, какого не знала история». (Пр., 27.05.45).

Заголовки – словосочетания представляют собой, как правило, «осколочные» конструкции, т.е. части простого предложения. Среди них значительная группа – заголовки, имеющие синтаксическую форму обстоятельства и имеющие характер призыва (5 %):

«За полный разгром врага в 1942 г.» (Изв., 30.04.42), «На пороге 1944 года» (Пр., 24.12.43), «За славу Советской Отчизны!» (Пр., 27.12.43), «Под знамёнами победы» (Пр., 15.01.45), «На встрече годовщине Красной Армии» (Пр., 16.02.45), «За нашу Советскую Родину!» (Пр., 22.06.45).

Итак, несмотря на большое разнообразие синтаксических моделей заголовков, довольно чётко прослеживается влияние газетного жанра на частоту употребления тех или иных структур, на их продуктивность.

1. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград, 1997.
2. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2000.
3. Макаров М.Л., Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998.
4. Почепцов Г.Г. Информационные войны. Москва-Киев, 2000.
5. СЛС - Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. М., 1996.
6. Barsky R.F. Discourse analysis. 1997.

Макарова Н.А.

ОРГАНИЗАЦИЯ ХРОНОТОПА В ПРОЗАИЧЕСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ
(НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)*Орловский государственный технический университет*

Художественный образ, формально развертываясь во времени, своим содержанием воспроизводит пространственно-временную картину мира [4; С. 487]. Наиболее сложный ее вариант разрабатывали немецкие романтики, для которых время и пространство осмысливались прежде всего как философские категории, в мировоззренческом аспекте, трактовались ими антитезы «время – вечность», «конечное – бесконечное», «жизнь – смерть» [9; С. 36-78]. В плане эстетическом вечное и бесконечное, к которым были обращены мечты и душевные порывы героев-энтузиастов, обретали статус идеала для Петера Шлемиля, Ансельма, Бальтазара и других возмутителей спокойствия в обывательском мире («хороших людей, но не музыкантов») (по формуле Э.Т.А. Гофмана).

Тенденция к упрощенной (а подчас и схематической) трактовке пространственно-временных связей со всей очевидностью проявилась в прозе представителей «Молодой Германии», в частности, в романах К. Гуцкова, Г. Лаубе, Т. Мунда, Л. Виндбарга. Установка на созерцание социально значимых тенденциозных произведений и категорическое неприятие эстетических принципов романтизма, наиболее четко сформулированное Л. Винбаргом в «эстетических походах» (1834), во многом обусловили явную переоценку «младогерманцами» роли литературы: они считали ее «основным фактором общественного развития» [8; С. 355], делая особый акцент на агитационном начале: она должна быть выражением «духа времени».

Традиции «младогерманцев» прослеживаются в творчестве Фридриха Шпильгагена, они оказали на него значительное, если не определяющее, влияние. Одним из главных в его литературно-теоретических построениях является требование создания немецкого «романа о современности» («*Zeitroman*»), в центре которого – идеальный герой-борец, «представитель всего человечества, глазами которого автор видит мир» [16; S. 73]. Этот тип эпика должен строиться на основе динамичного, захватывающего действия («*Handlung*») – одно из фундаментальных положений эстетики автора «Проблематических натур», «Бурного потока», «Молота и наковальни»). В художественной практике это положение реализовалось с помощью мотивов и сюжетных ходов, ставших штампами уже на начальном этапе становления романа нового времени: бесчисленные случайности, немотивированные появления персонажей, пропажа важных документов или писем и неожиданное их обнаружение, тайные свидания и браки, роковые женщины, мезальянсы, дуэли. Это нагромождение событий, развертывающихся в линейном времени, в строгой хронологической последовательности отнюдь не служит раскрытию каких-либо новых граней характера персонажей, в том числе и главных, поскольку они изначально заданы, каждому в системе образов отведена режиссером (Ф. Шпильгагеном) определенная роль. Обилие событий и эпизодов становится самоцелью, а политическая тема, трактуемая в рамках романа воспитания или романа – истории молодого человека, не всегда звучала убедительно. Герои-проповедники, рупоры идей (даже прогрессивных и демократических) оставались схематическими персонажами, напоминавшими героев далеко не лучших образцов мелодрамы.

Эти моменты отмечались Т. Фонтане, В. Раабе, В. фон Поленцем, остро критическим воспринимавшими как теоретические работы, так и романы Ф. Шпильгагена. М.М. Бахтин, проявлявший постоянный интерес к зарубежным литературам, в частности, к немецкой, назвал произведения Ф. Шпильгагена «нероманными романами», поскольку в них отсутствует особое «двуголосое слово», выражающее «две различные интенции: прямую – говорящего персонажа и преломленную – авторскую». Ф. Шпильгаген, по наблюдениям Бахтина, был глух к «двуголосому слову», поэтому его произведения в большинстве своем вырождались «в драму для чтения, конечно, плохую драму» [1; С. 140]. Обилие диалогов и монологов о жизни подменяло живую реальность, рассказ о дейст-

вительности явно доминировал над художественным ее изображением. Переносы действия из одного места в другое, постоянно меняющиеся пейзажи и интерьеры не делали повествование живым и правдоподобным: они оставались плоской декорацией, фоном любого эпизода любого романа или повести Ф. Шпильгагена могла стать роща, опушка леса, беседка, берег моря. Пространство, как правило, не несет дополнительной смысловой нагрузки, его компоненты почти никогда не обретают символического значения, оно большей частью остается на уровне топографического описания. Ю.М. Лотман, говоря об этой проблеме, отметил: «Пространство в художественном произведении моделирует разные связи картины мира: временные, социальные, этические и т.д. ... В художественной модели мира «пространство» подчас метафорически принимает на себя выражение совсем не пространственных отношений в моделируемой структуре мира». Оно, по его же определению, может быть «точечным, линейным, плоскостным или объемным» [5; С. 252-253].

Топосы Ф. Шпильгагена подпадают под определение «плоскостные», в отличие от топосов В. Раабе, Т. Фонтане, Т. Манна, Г. Гессе; реабилитируя традиции «золотого века» отечественной литературы и технику письма романтиков, они восстанавливали в правах многослойность повествования, уделяя особое внимание «операциям над длительностью» (формула И. Кальвино [2; С. 165], проблеме художественного времени. Разумеется, ими использовалась символика художественной хронологии, традиционная в фольклоре и в мировой литературе: движение от весны (расцвета) к осени (увяданию), от идиллического времени детства и юности к поре утраты иллюзий в зрелом возрасте и старости.

Наиболее сложной является временная структура произведений В. Раабе, у которого время рассказа всегда отделено от рассказываемого времени значительным промежутком. (Д.С. Лихачев использовал в этом же значении термины «время изображающее» и «время изображенное» [3; С. 15]. Его произведения отличает неравномерный ход сюжетного времени, «остановки мгновения», экскурсы в прошлое, параллельное его течение в разных сюжетных линиях. «Рассказываемое время» у него может охватывать несколько десятилетий или всю жизнь – с детства до весьма почтенного возраста, а «время рассказа» занимает несколько недель, месяцев: «Хроника Воробьиного переулка» пишется Иоганнесом Вахольдером с ноября 1854 по 1 мая 1855 г., но в нее вмещены события, начало которых отнесено к студенческим годам «хрониста». В «Летописи Птичьей слободы» – аналогичная организация художественного времени: Карл Крумгард создает «летопись» с ноября по март, собирает письма и документы, но отсчет «летописи» ведется едва ли не с его младенческих лет. Путешествие во времени позволяет ему ввести в повествование целый ряд персонажей, никогда не бывавших в Птичьей слободе, но близких ее старожилам по духу (брат и сестра Дебо, госпожа фехтмейстерша Фойхт). Немецкий литературовед В. Хан, анализируя хронологию «Летописи Птичьей слободы» выделил около шестидесяти переходов из одной временной плоскости в другую [14; S. 63-64]. Сопоставления детских, отроческих и юношеских впечатлений и воспоминаний с новыми временами позволяют «летописцу» сделать наглядным процесс распада былых патриархальных взаимоотношений между людьми: понятие «соседи» для большинства ровесников взрослого Карла Крумгарта стало совершенно «смутным», почти абстрактным [6; С. 337]. Не случайно поэтому наиболее густо населены самые глубокие, самые отдаленные от «дня сегодняшнего» временные плоскости, к финалу «времени рассказа» Карл остается почти в полном одиночестве. Характерная черта повести – сосуществование времен, постановка рядом событий, происшедших в разную пору, сознательное смещение хронологии ради передачи непрерывности самого процесса жизни. В. Раабе сделал особый акцент на субъективном восприятии времени персонажами разных возрастов, в художественную формулу у него обличено известное суждение А. Шопенгауэра: «детство... является самым длинным периодом жизни, а следовательно, наиболее богатым по воспоминаниям» [15; С. 137].

Романы и повести Т. Фонтане 80-х – 90-х годов несут на себе жанровые признаки новеллы: относительно малочисленный круг персонажей, центростремительный сюжет, наибольшая протяженность действия во времени, ограниченность места действия. «Позитизируя случай, новелла предельно

обнажает ядро сюжета – центральную перипетию, сводит жизненный материал в фокус события» [4; С. 248].

Детство и юность – сфера немногих радостных воспоминаний и героинь Т. Фонтане, «образное пространство» его романов и повестей вполне можно определить как женские, семейные. В «Господах ташкентцах» (1869–1872) М.Е. Салтыков-Щедрин, касаясь специфики современной русской и зарубежной литературы, отметил: «Роман (по крайней мере, в том виде, в каком он является до сих пор) есть по преимуществу произведение семейственности. Драма его зачинается в семействе, не выходит оттуда и там же заканчивается. В положительном смысле (роман английский) или в отрицательном (роман французский), но семейство всегда играет в романе первую роль» [7; С. 33]. В этой же вводной главе «Что такое «ташкентцы»?» он, ссылаясь на опыт Гоголя, заметил: «роману предстоит выйти из рамок семейственности» [7; С. 33]. Эти цитаты словно предвосхищают эволюцию Т. Фонтане, семейная тема в его произведениях 80–90-х гг. почти всегда перерастала в тему социальную. Дебютировав как прозаик историческим романом «Перед бурей» и повестями «Грете Минде» (1880) и «Эллернклипп» (1881), основой сюжета которых послужили подлинные события, Фонтане-прозаик во многом опирался на опыт Фонтане – признанного мастера баллады на историческую тему. Этот лиро-эпический жанр характеризуется трагическим колоритом, драматизмом диалога, небольшим количеством действующих лиц, прерывистой линией повествования. Трагическая атмосфера в названных повестях достигается обилием намеков и предзнаменований, предвосхищающих трагическую их развязку (появление бродячих кукольников и пожар во время представления в «Грете Минде»; картина мрачного утеса и убийство браконьера перед конфирмацией Хильды в «Эллернклиппе»). В рецензиях, появившихся после публикации этих повестей, особо отмечалось, что в них явно наличествуют черты баллады (Е. Энгель, В. Любке, Й. Рифферт, В. Енш, Г. Шленгер, И. Видман).

В повестях одна сюжетная линия, до минимума сведено количество действующих лиц, широко использована лейтмотивика, повествование прерывисто, повести отличает небольшая протяженность во времени. Эти черты сохраняются и в социально-психологических романах и повестях 80–90-х гг.

Т. Фонтане всегда отличало самое внимательное и осмотрительное отношение к построению и организации хронотопа, к хронологическому его аспекту, он словно следовал известному правилу, сформулированному Г. Филдингом, творчество которого он хорошо знал: «История моя будет то останавливаться, то лететь».

Элегическая тональность «Путей-перепутий» задана во вступительном абзаце (описание садоводства Дёрров) подбором глаголов прошедшего времени „befand sich“ («находилось»), „gehörte“ («принадлежал»), „stand“ («стоял»), „war“ («было»), „erkannt werden konnte“ (угадывался), „war versteckt“ («заслонял») [11; S.7], с их помощью установлена дистанция в 10–12 лет, разделяющая «время рассказа» и «рассказываемое время».

Впечатление его быстролётности достигается точной датировкой, бытовым содержанием временных отрезков: „Es war die Woche nach Pfingsten“ («С Троицы миновала неделя») [11; S. 7], „Anderen Vormittags“ («на другой день...») [11; S. 10], „Und nun war der andere Abend“ («настал другой вечер») [11; S. 22], „Es war die Woche darnach“ («с того вечера миновала неделя») [11; S. 36], „Mitte September“ («в середине сентября») [11; S.103], „Drittelhalb Jahre waren... vergangen“ («прошло два с половиной года») [11; S.111], „Nun war Juni 78“ («шел июнь 78 года») [11; S. 119]. Этот перечень может быть продолжен; он дает достаточно четкое представление о фиксации лишь ключевых моментов истории любви Лены и Бото и о пропуске более полного освещения их взаимоотношений.

И. Кальвино в «Американских лекциях», рассуждая о проблеме художественного времени, констатирует: «события независимо от их длительности воспринимаются как точки, соединенные отрезками, составляющими зигзаг – символ непрерывности движения» [2; С. 165]. Эти «точки» просматриваются в произведениях Т. Фонтане, они становятся основными вехами в развитии действия, кульминацией отдельных эпизодов.

В повести «Грешница» такую функцию выполняет, например, эпизод обсуждения полученной из Италии посылки с копией картины Тинторетто «Грешница» [10; S. 118]. В сюжете этой картины и в содержании разговора Мелани и ван дер Страатена скрыт намек на дальнейшее развитие событий, на предстоящий разрыв в семье коммерции советника. Сцена последнего разговора – объяснения Мелани с мужем перед ее уходом к Рубену является очень важной для раскрытия образов и Мелани, и ван дер Страатена [10; S. 205]. В развитии действия эта сцена знаменует собой завершение одного этапа жизни героини и начало нового, более счастливого, рядом с любимым человеком. Чувства Мелани и Рубена, правильность их выбора не раз подвергаются испытаниям (отъезд в Италию, терзания и страх Мелани перед неизвестностью, возвращение в Берлин и жизнь в постоянном ожидании осуждения и насмешек со стороны общества, неудачное свидание с детьми и, наконец, получение Рубеном письма от отца, в котором сообщается о разорении фирмы). Каждая глава повести содержит сцену, являющуюся этапной в развитии действия. Коротенькие подзаголовки каждой главы, выражающие ее основную идею, и есть те самые «точки» (по И. Кальвино), основные вехи в развитии действия, в судьбе главной героини, которые приводят в финале повести к примирению [10; S. 246].

В ряде произведений Т. Фонтане время истолковано как социально значимый фактор. Например, в романе «Госпожа Женни Трайбель» действие происходит летом 1886 г., здесь же освещаются события, отнесенные к более позднему времени (1887-1888 гг.). Семидесятые – восьмидесятые годы XIX века – пора грюндерства, время спекуляции, баснословных доходов, сколачивания миллионных состояний. Писатель предельно лаконично, называя вещи своими именами, вскрывает причину быстрого обогащения Трайбеля (12; S. 279).

Почти во всех романах и повестях Т. Фонтане 80-90-х гг. XIX в. герои спорят о религии, вере, роли церкви в современном обществе. Эти эпизоды – своего рода зеркало, отражающее время: в 70-е годы в Германии началась т.н. «Kulturkampf» - «борьба за культуру» - противодействие католической церкви, пытавшейся взять под свой контроль народное образование.

Художественное время в романах и повестях Т. Фонтане становится важнейшим средством характеристики персонажа, способом раскрытия образа, всегда вписанного в определенное время; любое действующее лицо (даже эпизодическое) всегда несет у писателя приметы породившей его эпохи.

Для прозы Т. Фонтане характерен неравномерный ход сюжетного времени: оно или сжимается или растягивается (в ключевых эпизодах); иногда временные плоскости пересекаются (прошлое напоминает о себе «сегодня» и «сейчас»); возможно параллельное его течение (в развивающихся одновременно сюжетных линиях). Условность художественного времени в произведениях Т. Фонтане 80-90-х гг. проявляется в очевидном несовпадении времени рассказа и времени изображенных событий, в неадекватности композиционного времени сюжетному.

В системе художественного пространства романов и повестей Т. Фонтане важнейшее место занимают дом, дворянская усадьба, поместье, особняк или вилла нувориша. Категория Дома – важнейшая составляющая поэтики романов XIX в., давно уже признанных классическими; в их ряду следует назвать «Бабье лето» (1857) А. Штифтера, «Старые гнезда» (1879), «Летопись птичьей слободы» (1895) В. Раабе, произведения В. фон Поленца.

Нормальное бытие и по-настоящему человеческий образ жизни обязательно связывается героями поздних произведений Т. Фонтане с местами, в которых прошли их детство и юность, в которых они некогда пережили короткие мгновения счастья. О «Ханкелевом складе» вспоминают Бото и Лена («Пути-перепутья»), поместье Гоген-Креммен постоянно оживает в памяти замужней Эффи («Эффи Брист»), вне замка и озера Штехлин не мыслит своего существования его владелец («Штехлин»).

Сужение пространства, чрезвычайно узкие границы бытия становятся в произведениях Т. Фонтане важнейшим художественным средством, подтверждающим резкие, порой катастрофические изменения в судьбе героя.

До предела сужается среда обитания обедневшей семьи фон Поггенпулов: крохотные комнатки, убогий быт, более чем скромное наполнение интерьера, вечно падающая картина, - через эти вы-

разительные детали показано существование на грани нищеты госпожи майорши и её дочерей («Поггенпулы»).

Для Эффи после ее «грехопадения» катастрофически уменьшается пространство во всех его видах: семейное (уход от Инштеттена, потеря дочери; отказ матери приютить ее в Гоген-Креммене); лишается она и «светской» его разновидности (изгнание из «приличного общества»), и чисто бытовое (неустроенность после развода) («Эффи Брист»). Крохотные комнатки – привычная среда обитания бедняков – Лены Нимпч и ее приемной матери – старой прачки («Пути-перепутья»), Паулины Питтельков («Стина»).

Отсутствие надежного крова, очага подчеркивают зависимость героев, делают более наглядной и выразительной их незащищенность и уязвимость. С целью углубить это впечатление, писатель в широком объеме вводил контрастные описания художественного пространства: помпезный особняк Трайбелей с безвкусным интерьером противопоставлен более чем скромному жилищу профессора Шмидта («Госпожа Женни Трайбель»); роскошь и комфорт новой квартиры молодоженов Бото и Кете (с камином в каждой комнате) никоим образом нельзя сравнить с крохотной комнаткой Лены на Луизен-канале после переезда из садоводства Дёрров, домик которых «мало чем отличался от погреба» [11; S. 229, 237].

Еще один характерный штрих: красивый ландшафт и гармоничный пейзаж практически недоступны беднякам; выезд на природу, прогулка за городом становятся событием, о котором потом долго вспоминают. Пейзаж под пером Т. Фонтане становится своего рода хранителем памяти; сломленная и безнадежно больная Эффи вспоминает свою жизнь до замужества, беззаботные игры с подружками, стимулятором этих воспоминаний становится площадка пред домом, мостки, качели, солнечные часы – тот же пейзаж, что и в последних главах («Эффи Брист»).

Символом вечности становится озеро Штехлин и окружающий его лес, усадьба, в которой прошла жизнь многих поколений семейства фон Штехлин («Штехлин»).

Художественное пространство в своеобразной «фонтановской» трактовке выполняло те же символично-обобщающие функции, которые отводились Томасом Манном Дому, Морю, «старым гнездам» и «утоновшим садам» В. Раабе, земле и хутору В. фон Поленцем, «малой родине» (Нимикону) Германом Гессе.

В пространственно-временных категориях писатель выражал и этико-эстетические оценки: вписанные в определенную эпоху и в точно обозначенные пространственные границы, его герои становятся активными участниками вечного конфликта между Добром и Злом.

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504с.
2. Кальвино И. Быстрота: Из американских лекций/ И. Кальвино; предисл. и перев. Н. Старовской // Литературная учеба. 1990. Кн. 5. С. 163-170.
3. Лихачев Д.С. Избранные работы: В 3 т. М.: Худ. лит., 1987; Т. 1. 653с.
4. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. М.: Сов энциклопед., 1987. 752с.
5. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М.: Просвещение, 1988. 352 с.
6. Раабе В. Повести и новеллы. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1959. 488 с.
7. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание соч.: В 20 т. М.: Худ. лит., 1970. Т. 10. 386 с.
8. Тронская М.Л. «Молодая Германия»/ М.Л. Тронская// История немецкой литературы: В 5 т. М.: Наука, 1996. Т. 3. 586 с.
9. Тураев С.В. Немецкая литература // История всемирной литературы: В 9 т. М.: Наука, 1989. Т. 6. 807с.
10. Fontane Th. Romane und Erzählungen. In 8 Bänden. Bd. 3: Grete Minde. L'Adultera. Ellernklipp. Schach von Wuthenow/ Th. Fontane; Hrsg. Von P. Goldammer, G. Erler u.a. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1969. 648 s.
11. Fontane Th. Romane und Erzählungen. In 8 Bänden. Bd. 5: Irrungen, Wirrungen. Stine. Quitt/ Th. Fontane; Hrsg. Von P. Goldammer, G. Erler u.a. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1969. 644 s.
12. Fontane Th. Romane und Erzählungen. In 8 Bänden. Bd. 6: Unwiederbringlich. Frau Jenny Treibel / Th. Fontane; Hrsg. Von P. Goldammer, G. Erler u.a. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1969. 560 s.
13. Fontane Th. Romane und Erzählungen. In 8 Bänden. Bd. 7: Effi Briest. Die Poggenpuhls. Mathilde Möhring / Th. Fontane; Hrsg. Von P. Goldammer, G. Erler u.a. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1969. 651 s.
14. Hahn W.L. Zum Erzählvorgang in Raabes Akten des Vogelsangs / W.L. Hahn // Jahrbuch der Raabegesellschaft. Braunschweig. 1972. S. 63-64.
15. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. М.: Интербук, 1990. 152 с.
16. Spielhagen Fr. Beiträge zur Theotie und Technik des Romans / Fr. Spielhagen. Leipzig: L. Staackmann, 1883. 346 s.

IV. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Тишаев В.В., Герасин О.Н.

**ПЕРЕХОД К ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ
КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ***Орловский государственный технический университет*

Анализ сложившейся социально-экономической ситуации в стране и действующих общемировых тенденций показывает, что достижение общественно приемлемого уровня национальной экономической безопасности возможно только на основе перехода к качественно иному типу экономического роста, позволяющему не только обеспечить действительную социальную направленность отечественной экономики, но и гарантирующему в среднесрочной и долгосрочной перспективе сближение по уровню экономического развития с лидирующими странами, усиление политической и экономической роли России в мировом сообществе.

Ключевым условием успешного решения этой стратегической задачи является неуклонное повышение конкурентоспособности национальной экономики. В современном мире конкурентоспособность определяется темпами внедрения новейших научно-технических решений и развития наукоемких производств, эффективностью инновационных процессов. Именно масштабное использование инноваций в хозяйственной деятельности становится одним из основных источников устойчивого экономического роста. Поэтому диверсификация отечественной экономики, формирование ее структуры, гармонично сочетающей поддержку, развитие и воспроизводство потенциала топливно-сырьевой базы и производство продукции с высокой степенью обработки, освоение и развитие передовых производств новейшего технологического уклада, имеющих важное значение как для обороноспособности государства, так и жизнедеятельности населения, справедливо рассматриваются в качестве одного из главных приоритетов в обеспечении национальной экономической безопасности [1].

К сожалению, несмотря на определенные позитивные сдвиги российская экономика по-прежнему в значительной мере зависит от экспорта топливно-энергетических ресурсов и, следовательно, от конъюнктуры цен в этом сегменте мирового рынка. Такая зависимость не только является одним из серьезных источников потенциальной дестабилизации экономики (вследствие рисков, связанных с ухудшением ценовой конъюнктуры), но и детерминирует при сохранении сложившейся структуры производства консервацию нашего социально-экономического отставания от развитых стран, поскольку в мировой экономике темпы роста наукоемкой продукции значительно превышают демонстрируемые отраслями традиционного сектора. Так, при темпах роста мирового промышленного производства в 2,5-3 % в год, объем мировой торговли, например, лицензиями на право использования объектов интеллектуальной собственности (ОИС) ежегодно увеличивается в среднем на 12 %. В целом годовой объем мирового рынка в сфере высоких технологий и ОИС превышает в настоящее время 2 трлн. долл. и растет со скоростью, в несколько раз превосходящей темпы роста рынка природных ресурсов и сырья. В результате до 90 % экономического роста в промышленно развитых странах обеспечивается эффективным хозяйственным использованием интеллектуальной собственности (ИС) [2], а удельный вес наукоемкой продукции, произведенной этими странами на основе вовлечения в хозяйственный оборот ИС, по прогнозам специалистов должен возрасти в общем объеме мирового производства с нынешних 9 % до 12,5 % к 2015 г. [3].

Несмотря на понесенные в период экономических трансформаций потери (по оценкам ученых, только на воссоздание технологического потенциала России, аналогичного существовавшему во времена СССР, в настоящее время требуется более 300 млрд. долл.) [4], страна все еще располагает значительным научно-техническим потенциалом. Однако, даже сохраняющиеся возможности отечест-

венной науки, продолжающей генерировать достижения мирового уровня по целому ряду направлений фундаментальных и прикладных исследований, крайне слабо трансформируются в инновации на российских предприятиях. По различным оценкам в России используется от 8 до 10 % инновационных идей и проектов, тогда как в США – 62 %, а в Японии – 95 % [5].

Отсутствие эффективных связей между наукой и производством не позволяет российской экономике эффективно конкурировать в высокотехнологичных отраслях. Разработку и освоение инноваций осуществляют всего около 10 % отечественных промышленных предприятий. При этом весьма велика доля закупок иностранного устаревшего оборудования. Ежегодный прирост ВВП в высокотехнологичных отраслях в России составляет около 5 % (в США, например, аналогичный показатель составляет 27 %). Научоемкость производства промышленной продукции с 1991 г. снизилась почти в 2,5 раза, что не могло не сказаться на уровне науоемкости валовой добавленной стоимости в национальной экономике, которая снизилась с 3,0 % в 1991 г. до 0,3 % в 2004 г. [6].

В результате, в настоящее время отечественная доля в мировом объеме торговли гражданской науоемкой продукцией составляет всего 0,13 % - в 192 раза меньше, чем у США, в 84 раза меньше, чем у Японии, в 15 раз меньше, чем у Китая [7]. Таким образом, Россия пока явно не вписывается в логику развития передовой части мировой экономики, обрекая себя, при сохранении статус-кво, на роль международного технологического аутсайдера, со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для национальной экономической безопасности.

Ослабление научно-технического потенциала страны ведет к утрате Россией передовых позиций в мире, снижению качества исследований на стратегически важных направлениях научно-технического прогресса, деградации науоемких производств, понижению технического уровня материального производства, росту вероятности техногенных катастроф, технологической зависимости России от ведущих стран Запада и подрыву оборонного потенциала государства.

Необходимость изменения сложившейся ситуации все более отчетливо осознается на самом высоком уровне политического руководства. Переход к инновационному развитию страны вполне закономерно определен в «Основах политики Российской Федерации в области развития науки и технологий до 2010 г. и дальнейшую перспективу», утвержденных Президентом РФ В.В. Путиным 30 марта 2002 г., как основная цель государственной политики в области развития науки и технологий. В последние годы государством были предприняты определенные усилия для достижения обозначенной цели.

В разработанной по решению Правительства РФ «Стратегии Российской Федерации в области развития науки и инноваций до 2010 г.» (далее – Стратегия) [8] сформулированы основные принципы решения проблемы кардинального усиления инновационной составляющей отечественной экономики. Констатируя наличие системного противоречия между темпами развития и структурой российского сектора исследований и разработок, с одной стороны, и потребностями национальной безопасности, а также растущим спросом со стороны предпринимательского сектора на передовые технологии – с другой, авторы Стратегии видят выход, прежде всего, в концентрации ресурсов федерального бюджета для финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее – НИОКР) на ключевых направлениях и в использовании механизма частно-государственного партнерства. В отношении последнего предполагается, что часть прикладных разработок и создание инновационной инфраструктуры должны осуществляться с участием бизнеса, а технологическая модернизация - преимущественно самим бизнесом.

Для реализации отмеченных стратегических установок предполагается необходимым решение следующих основных задач: 1) создание конкурентоспособного сектора исследований и разработок, включая условия для его расширенного воспроизводства; 2) создание эффективной национальной инновационной системы; 3) развитие институтов использования и защиты прав интеллектуальной собственности; 4) модернизация экономики на основе технологических инноваций.

За прошедшее со времени обнародования Стратегии (декабрь 2005 г.) время удалось добиться определенного прогресса на пути решения указанных задач. Однако, движение вперед было, во-первых, неравномерным по всему спектру обозначенных целей, во-вторых, далеко не столь быстрым, как того требует сложившаяся ситуация.

Например, в области создания эффективной национальной инновационной системы основное внимание государства было сосредоточено на создании инновационной инфраструктуры: финансовых институтов, обеспечивающих непрерывность финансирования бизнес-проектов на всех стадиях инновационного цикла, в первую очередь «посевных» и венчурных технологических фондов, а также технологической инфраструктуры, включающей технико-внедренческие зоны, технопарки, инновационно-технологические центры, бизнес-инкубаторы, инжиниринговые центры, центры трансфера технологий и т.п.

В качестве положительных результатов на данном направлении можно отметить создание в соответствии с Постановлением Правительства РФ № 516 от 24 августа 2006 г. «фонда фондов» - ОАО «Российская венчурная компания» (РВК) с уставным капиталом 15 млрд. руб. при стопроцентном государственном участии, которая должна заниматься инвестированием в создание 8-12 венчурных фондов по всей стране, способных профинансировать и развить от 100 до 200 российских «стартапов» (малых инновационных высокотехнологичных компаний). 14 мая 2007 г. были объявлены первые победители конкурса по отбору РВК управляющих компаний венчурных фондов, в которые будут направлены государственные средства.

Другим успешным примером обычно считают создание нормативной основы функционирования и начало практической деятельности особых экономических зон технико-внедренческого типа. Однако, несмотря на бодрые рапорты чиновников, ответственных за их организацию, большинство таких зон насчитывают до сих пор лишь по одному-два резидента, что пока не позволяет сколь-нибудь серьезно говорить об их практической значимости.

В то же время, до сих пор находится на обсуждении в Государственной Думе законопроект «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части формирования благоприятных налоговых условий для финансирования инновационной деятельности», а также не реализован ряд других законодательных инициатив, имеющих весьма существенное значение для финансового стимулирования инновационной деятельности. О качестве соответствующего нормативно-правового обеспечения свидетельствует тот факт, что сам термин «инновационная деятельность» в действующем законодательстве не имеет легального определения.

Важнейшим элементом национальной инновационной системы должен стать эффективный механизм правовой охраны ИС, который, с одной стороны, позволяет обеспечить четкое разграничение и закрепление прав на результаты интеллектуальной деятельности (РИД), а с другой – создает надежную правовую основу вовлечения их в хозяйственный оборот.

Поскольку подавляющая часть РИД, формирующей научно-технический фундамент современной российской экономики, была создана на государственные средства государственный сектор продолжает оставаться доминирующим в научно-технической сфере а средства бюджетов всех уровней и внебюджетных фондов в совокупности составляют почти две трети затрат на их осуществление особое значение имеют вопросы защиты государственных интересов в области ИС.

Недоработки принятого в начале 90-х гг. законодательства об охране ИС, вкупе с недостатками первоначального приватизационного законодательства, привели к огромным прямым финансовым потерям государства при осуществлении массовой приватизации предприятий и организаций научно-технического сектора. В определенном смысле нематериальные активы в процессе приватизации стали «невидимыми». По информации аудитора Счетной палаты РФ С. Абрамова, учтенные нематериальные активы РФ оцениваются в сумму не более 70 млрд. руб. Стоимость нематериальных активов наиболее крупных и высокотехнологичных российских компаний сопоставима со статистической погрешностью: ОАО «АХК Сухой» — 3,3 млн. руб., ОАО «Авиационный комплекс им. С.В. Ильюши-

на» — 11 тыс. руб. В то время как аналогичный показатель только одного аэрокосмического концерна EADS в рублевом эквиваленте составляет около 381 млрд. руб., Boeing - 81 млрд. руб. [9].

Несмотря на то что законодательство обязывает соответствующие ведомства вести учет и контроль за движением нематериальных активов, на деле он отсутствует. При этом многие российские предприятия и научные организации, получившие доступ к межотраслевым результатам НИОКР, созданным за счет средств бюджета и используемым для государственных нужд, став их правообладателями, блокировали использование этих РИД в интересах государства. Отсутствие нематериальных активов в балансах ФГУПов и в активах приватизированных предприятий - одна из причин их низкой капитализации и массового открытия в России исследовательских центров крупнейших западных высокотехнологичных компаний. Так, SUN Microsystems открыла уже третий офис в Санкт-Петербурге, Intel - почти вдвое расширила свою нижегородскую лабораторию, исследовательские центры в России есть у Boeing, EADS. Отсутствие технологий контроля за движением ноу-хау российских ФГУПов и созданных в процессе приватизации акционерных обществ объясняется сверхрентабельностью открытых в России исследовательских центров мировых лидеров. В этой связи, нельзя не согласиться с мнением главы Института национальной стратегии С. Белковского, утверждающего: «Значительный интеллектуальный потенциал, который сконцентрирован в структурах военно-промышленного комплекса, сегодня используется бесконтрольно. Эти уникальные разработки, которые делались десятилетиями, практически бесплатно достаются зарубежным корпорациям, в первую очередь авиационным» [10].

Таким образом, в результате перехода в начале 90-х гг. прошлого века к новым формам правовой защиты ИС (абсолютно не учитывающего реалии отечественной экономики) и бездумной приватизации государство понесло не поддающиеся оценке финансовые потери, а частные компании фактически за бесценок стали владельцами огромной неучтенной массы РИД или получили неограниченный и неконтролируемый доступ к ней. Более того. Государство в этот период не только во многом утратило принадлежащие ему права на ранее созданные результаты научно-технической деятельности (РНТД), но и не нашло соответствующего национальным интересам ответа на вопрос о распределении прав на РИД, созданные за счет бюджетных средств уже в новых экономических реалиях.

Изложенное детерминирует разработку и принятие неотложных мер по обеспечению государственных интересов при создании за счет государственных средств ОИС и их использовании. В последние годы на федеральном уровне был принят ряд важных документов, призванных устранить отмеченные недостатки, существующие в данной сфере [11]. Положительную роль, несомненно, сыграет введение в действие с 1 января 2008 г. части IV Гражданского кодекса РФ, регулирующей вопросы интеллектуальной собственности.

Вместе с тем, до сих пор остаются нерешенными многие актуальные проблемы в сфере защиты и использования прав ИС, прежде всего, связанные с правоприменительной практикой. При наличии огромных масштабов производимой в стране контрафактной продукции использование патентной формы охраны созданных ОИС, предполагающей раскрытие информации о созданном РНТД, сопряжено со значительным риском экономических потерь и стимулирует правообладателей прибегать к такой форме охраны как распространение режима коммерческой тайны. В свою очередь, при отсутствии на предприятии должной системы экономической безопасности (прежде всего – информационной), это нередко приводит к утечке информации к конкурентам, в том числе к зарубежным, которые патентуют приобретенные таким образом РНТД за границей и наносят тем самым серьезный ущерб отечественному производителю.

В то же время, при формировании институционально-правовой и институционально-организационной основы реализации национальных интересов при создании и использовании ОИС надо исходить из того, что государство не должно ставить в качестве основной цели возмещение своих затрат при коммерциализации полученных РНТД. Главная задача – при безусловной надежности охраны сведений, составляющих государственную тайну и необходимых для выполнения государст-

венных функций по обеспечению обороны и безопасности страны, создать такие механизмы вовлечения в хозяйственный оборот полученных за счет бюджетных средств ОИС, которые максимально учитывали бы экономические интересы организаций-разработчиков и авторов РИД, способствовали взаимному обмену РИТД между военной и гражданской сферами в целях максимального использования потенциала оборонно-промышленного комплекса для повышения конкурентоспособности отечественной экономики в целом.

1. Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2010 г. Проект. Одобрен решением Межведомственной комиссии Совета Безопасности РФ по безопасности в сфере экономики от 4 февраля 2002 г. № 1.
2. Севостьянов В. Экспертно-консультационная поддержка парламентской деятельности в интересах защиты российской интеллектуальной собственности // ИС. Промышленная собственность. 2005. № 1. С. 17.
3. Фомичев Ю., Наумов А. Вовлечение в хозяйственный оборот объектов интеллектуальной собственности: проблемы и пути их решения // ИС. Промышленная собственность. 2004. № 3. С. 7.
4. Юсуфов А. Правовое обеспечение становления инновационной экономики и совершенствование законодательства об интеллектуальной собственности в России // ИС. Промышленная собственность. 2004. № 4. С. 7.
5. Иванов М., Иванова Р. Становление института интеллектуальной собственности – необходимое условие сохранения научно-технического потенциала России // Науковедение. 2002. № 2. С. 60.
6. Силаев И.С., Вишняков Я.Д., Косарев В.И. и др. Об угрозах возможного технологического разрыва // Материалы VI Московского Международного салона инноваций и инвестиций. 3-8 февраля 2007 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.innovbusiness.ru/content/hier_r_1963107B-5384-469A-A31C-4F0D1AC36936.html
7. Шкель Т. Депутаты позаботились о том, чтобы наукой было выгодно заниматься и в России // Российская газета. 2007. 6 апр.
8. Фурсенко А. Стратегия Российской Федерации в области развития науки и инноваций до 2010 г. // ИС. Промышленная собственность. 2006. № 2. С. 2-9.
9. Интеллектуальный беспредел // РБК daily. 11 апреля 2007 г.
10. Интеллектуальный беспредел // РБК daily. 11 апреля 2007 г.
11. См., например: Указ Президента РФ от 14 мая 1998 г. № 556 «О правовой защите результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения», Постановление Правительства РФ от 2 сентября 1999 г. № 982 «Об использовании результатов научно-технической деятельности», Постановление Правительства РФ от 14 января 2002 г. № 7 «О порядке инвентаризации и стоимостной оценке прав на результаты научно-технической деятельности», Постановление Правительства РФ от 26 февраля 2002 г. № 131 «О государственном учете результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения», Постановление Правительства РФ от 4 мая 2005 г. № 284 «О государственном учете результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения», Постановление Правительства РФ от 22 августа 2005 № 532 «Об утверждении примерных государственных контрактов на выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по государственному оборонному заказу», Положение о закреплении и передаче хозяйствующим субъектам прав на результаты научно-технической деятельности, полученные за счет средств федерального бюджета (утв. Постановлением Правительства РФ от 17 ноября 2005 г. № 685) и ряд др.

Соболева Т.С.

ТИПИЗАЦИЯ ИНВЕСТИЦИОННОГО КЛИМАТА РЕГИОНОВ РОССИИ НА ОСНОВЕ ЭКОНОМЕТРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Орловский государственный университет

Географическое положение, отраслевая структура, население, инвестиции и институциональные условия ведения бизнеса – вот далеко не полный перечень факторов влияющих на экономику региона в целом и уровень его валового регионального продукта (ВРП) в частности. Необходимо признать, что многие из них достаточно сложны для формализации, однако такие важнейшие как капитал и трудовые ресурсы неоднократно рассматривались в соответствующих моделях. Одной из моделей, описывающей зависимость выпуска (Y) от трудовых (L) и затрат капитала (K) является производственная функция [1, 2, 3]:

$$Y = AK^\alpha L^\beta, \quad (1)$$

$$\text{при } 0 < \alpha < 1, 0 < \beta < 1 \quad (2)$$

В качестве показателя Y – выпуск – был взят ВРП в млн. рублей, K – инвестиции в основной капитал в фактически действовавших ценах в млн. рублей, L – среднегодовая численность занятых в экономике в тысячах человек (по данным сборников «Россия в цифрах») [4]. Исследование проводилось в разрезе регионов Российской Федерации по годовым данным за период с 2002 по 2005 г. Так как исходная модель является нелинейной, то после преобразований она приводится к линейной форме:

$$\log Y = \log A + \alpha \log K + \beta \log L \quad (3)$$

Наблюдения различаются как во временном разрезе, так и в пространственном. Поэтому решено было применить метод панельного анализа данных. Общая модель для оценки панельных данных выглядит следующим образом:

$$y_{it} = \mu_{it} + \mathbf{x}_{it}^T \beta_{it} + u_{it}, \quad (4)$$

где y_{it} – наблюдаемые значения зависимой переменной;

$\mathbf{x} = x_{it}^j$ – матрица значений независимой переменной;

μ_{it} и β_{it} – оцениваемые параметры;

u_{it} – ненаблюдаемые остатки;

$j = \overline{1, d}$ – идентификатор независимой переменной;

$t = \overline{1, T}$ – момент наблюдения;

$i = \overline{1, n}$ – номер объекта наблюдения.

Модель с фиксированным эффектом имеет вид:

$$y_{it} = \mu_i + \mathbf{x}_{it}^T \beta_{it} + u_{it}, \quad (5)$$

где параметр μ_i называется *фиксированным эффектом* и является неизменным во времени специфическим для каждого объекта.

Одним из недостатков такой модели является значительное снижение степеней свободы, особенно если число объектов велико:

Часто оценивается модель со случайным эффектом в виде:

$$y_{it} = \mu_{it} + \mathbf{x}_{it}^T \beta_{it} + u_{it}, \quad (6)$$

$$\text{где } u_{it} = m_i + v_{it}, \quad (7)$$

где m_i называется случайным эффектом для i -го объекта наблюдения, является так же неизменным во времени и независимым как с оставшейся частью ошибки v_{it} , так и с регрессорами.

Оценка модели производилась с помощью инструментария программного пакета EViews 5.1.

Полученная модель в линейной форме имеет вид:

$$\text{LOG}(Y) = 0.6192015218 * \text{LOG}(K) + 0.4509284834 * \text{LOG}(L) + 2.42635249 + RE \quad (8)$$

где RE – значения случайного эффекта для каждого региона.

или в виде обычном для производственной функции:

$$Y = 11.31753 \cdot K^{0.6192015218} \cdot L^{0.4509284834} \cdot \exp(RE). \quad (9)$$

Все полученные оценки являются значимыми на 5%-ном уровне, уравнение в целом так же является значимым, точность модели составляет более 90%. Ошибка аппроксимации на анализируемой выборке составляет 7,28 %, что позволяет говорить о пригодности данной модели для последующего прогнозирования. Оба оцененных коэффициента модели α и β лежат в промежутке от 0 до 1, т.е. им можно дать экономическую интерпретацию. Эластичность выпуска по капиталу составляет 0,619202, а эластичность выпуска по труду равна 0,450928. Иными словами, при увеличении в равных долях, прирост объема инвестирования вызовет больший «отклик» в виде увеличения валового регионального продукта, чем увеличение численности занятых. Сумма этих коэффициентов больше 1. Гипотеза о равенстве их суммы 1 отвергается на 5 %-ном уровне значимости, т.е. увеличение ресурсов в некоторое количество раз приведет к увеличению выпуска в большее количество раз. Значение свободного коэффициента RE велико, что может свидетельствовать о наличии некоего фактора или факторов, оказывающих наряду с объемами привлекаемого капитала и количеством занятых достаточно сильное влияние на объем ВРП.

Значения индивидуальных случайных эффектов для оцененной модели приведены в таблице 1. В первом столбце значения индивидуального случайного эффекта (коэффициент для модели в логарифмической форме), во втором – преобразованный коэффициента для использования в модели в экспоненциальной форме, в третьем – название региона.

Первая часть таблицы содержит показатели регионов, для которых индивидуальный коэффициент характеризует отличие от общей модели в меньшую сторону, во второй – в большую. Это деление дает почти равные выборки. Однако такое различие, как говорилось выше, не связано ни с числом занятых в этом регионе, ни с уровнем инвестиций в основной капитал.

Таким образом, с некоторой долей условности можно говорить о четырех группах регионов:

Группа А. Не идентифицированные с каким либо экономическим параметром значения случайного эффекта (больше «-0,1») оказывают сильное отрицательное влияние на ВРП региона (в противовес инвестициям и занятости), что позволяет предположить наличие неких условий, противодействующих трансформации труда и капитала в ВРП.

Группы В и С. Значения случайного эффекта мало отличаются от «нуля». Это регионы, в которых уровень отрицательного/положительного воздействия неучтенных в модели факторов не вызывает существенного увеличения/уменьшения ВРП. То есть это регионы, если и не со сходными условиями хозяйствования, то с приблизительно одинаковым уровнем влияния (точнее наиболее часто встречающимся в данной выборке) неучтенных в модели факторов на степень трансформации труда и капитала в ВРП.

Группа D. Не идентифицированные с каким либо экономическим параметром значения случайного эффекта (больше 0,1) оказывают сильное положительное влияние на ВРП региона (та же как инвестиции и занятость), что позволяет предположить наличие неких условий, способствующих трансформации труда и капитала в ВРП.

Таблица 1
Значение индивидуальных фиксированных эффектов

ЧАСТЬ 1 (регионы с отрицательным частным эффектом)			ЧАСТЬ 2 (регионы с положительным частным эффектом)		
коэф. для лог. модели	коэф. для эксп. модели	регион	коэф. для лог. модели	коэф. для эксп. модели	регион
1	2	3	4	5	6
Группа А			Группа С		
-0,33463	0,715604	Краснодарский кр.	0,000914	1,000914	Нижегородская обл.
-0,29919	0,741416	Сахалинская обл.	0,001089	1,00109	Хабаровский кр.
-0,26882	0,764278	Тверская обл.	0,006557	1,006579	Калужская обл.

ЧАСТЬ 1 (регионы с отрицательным частным эффектом)			ЧАСТЬ 2 (регионы с положительным частным эффектом)		
коэф. для лог. модели	коэф. для эксп. модели	регион	коэф. для лог. модели	коэф. для эксп. модели	регион
-0,26344	0,768405	Амурская обл.	0,014708	1,014817	Челябинская обл.
-0,26186	0,769616	Астраханская обл.	0,015565	1,015687	Кемеровская обл.
-0,25935	0,771551	Респ. Калмыкия	0,02337	1,023645	Тамбовская обл.
-0,23985	0,78675	Респ. Дагестан	0,030119	1,030577	Оренбургская обл.
-0,22894	0,795376	Респ. Мордовия	0,037014	1,037708	Псковская обл.
-0,22879	0,795492	Чувашская Респ.	0,039153	1,03993	Новгородская обл.
-0,22744	0,796569	Ростовская обл.	0,044913	1,045937	Пермский кр.
-0,20937	0,811098	Ленинградская обл.	0,058167	1,059892	Брянская обл.
-0,18943	0,827427	Респ. Адыгея	0,058589	1,060339	Курганская обл.
-0,17404	0,840261	Костромская обл.	0,080584	1,08392	Ярославская обл.
-0,17117	0,84268	Ставропольский кр.	0,081096	1,084475	Ульяновская обл.
-0,14629	0,863911	Калининградская обл.	0,097738	1,102674	Кировская обл.
-0,12324	0,884051	Карачаево-Черкес Респ.	0,099245	1,104337	Еврейская авт. обл.
-0,11756	0,889092	Воронежская обл.	Группа Д		
-0,11277	0,893353	Московская обл.	0,11296	1,119587	Самарская обл.
-0,1094	0,896372	Смоленская обл.	0,118457	1,125758	Вологодская обл.
-0,10241	0,902664	Пензенская обл.	0,12304	1,13093	Респ. Коми
-0,10079	0,904124	Респ. Марий Эл	0,128343	1,136943	Респ. Бурятия
Группа В			0,141949	1,152518	Удмуртская Респ.
-0,09518	0,909209	Кабардино-Балкарск. Респ.	0,143845	1,154705	Рязанская обл.
-0,06629	0,935862	Курская обл.	0,155834	1,168632	Орловская обл.
-0,04758	0,953532	Респ. Башкортостан	0,168164	1,183131	Новосибирская обл.
-0,04699	0,954101	Читинская обл.	0,173805	1,189824	Липецкая обл.
-0,04691	0,954176	Респ. Сев. Осетия - Алания	0,176331	1,192833	Томская обл.
-0,04306	0,95785	Волгоградская обл.	0,180359	1,197647	Камчатская обл.
-0,04121	0,959628	Ивановская обл.	0,180856	1,198243	Приморский кр.
-0,03823	0,962493	Владимирская обл.	0,206332	1,229161	Респ. Хакасия
-0,03526	0,965357	Архангельская обл.	0,217075	1,242437	Респ. Саха (Якутия)
-0,03405	0,966524	Респ. Карелия	0,224578	1,251794	Омская обл.
-0,02803	0,972361	Респ. Татарстан	0,267067	1,306128	Иркутская обл.
-0,0158	0,984324	Алтайский кр.	0,304576	1,35605	Красноярский кр.
-0,01336	0,986732	Саратовская обл.	0,315729	1,371259	Тюменская обл.
-0,00507	0,994945	Свердловская обл.	0,317745	1,374026	Мурманская обл.
-0,00348	0,996528	Респ. Алтай	0,385093	1,469751	Магаданская обл.
-0,00098	0,999021	Тульская обл.			
-0,00072	0,999284	Белгородская обл.			

Таким образом, можно сделать вывод, что зависимость ВРП от показателей использования трудовых и материальных ресурсов выше, чем зависимость ВРП на душу населения от тех же показателей. Полученные оценки можно считать устойчивыми, т.к. при изменении объема выборки они меняются незначительно. Исследование так же позволяет выделить группы регионов с различным типом инвестиционного климата, охарактеризованным по уровню трансформации труда и капитала в валовой региональный продукт

1. Кундышева Е.С. Математическое моделирование в экономике: учебное пособие / под ред. Сулакова Б.А. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2004. 352 с.
2. Туманова Е.А., Шагас Н.Л. Макроэкономика. Элементы продвинутого подхода: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2004. 400 с.
3. Эконометрика: Учебник / под ред. И.И. Елисейевой. 2-е изд. М.: Финансы и статистика, 2005. 576 с.
4. Электронный ресурс // Режим доступа: www.gk.ru

Мекшенева Ж.В.

АНАЛИЗ УСЛОВИЙ РАЗМЕЩЕНИЯ ЦЕННЫХ БУМАГ В РОССИЙСКОМ СЕКТОРЕ ИННОВАЦИОННЫХ И РАСТУЩИХ КОМПАНИЙ

Орловский государственный институт искусств и культуры

Идея создания проекта с облегченным IPO в российском рынке ценных бумаг появилась в марте 2006 г. [1], а уже в январе 2007 г. произошел запуск проекта на ФБ РТС – сегмент RTS START.

На Фондовой бирже ММВБ формирование Сектора инновационных и растущих компаний (Сектор ИРК) началось еще в 2006 г. – 27 июня 2006 г. [2] были введены в действие Правила листинга, допуска к размещению и обращению ценных бумаг в новой редакции, предусматривающие образование Сектора инновационных и растущих компаний. В декабре 2006 г. ММВБ провела процедуру аккредитации первых листинговых агентов – финансовых компаний, которые стали «проводниками» для инновационных и растущих компаний при выходе на биржевой рынок. (Эмитент, допущенный в Сектор ИРК, обязан заключить договор с листинговым агентом.) Запуск Сектора ИРК произошел 14 июня 2007 года – прошло размещение и начались торги паями Закрытого паевого инвестиционного фонда особо рискованных (венчурных) инвестиций «Финам - Информационные технологии» [2, 3].

Данные проекты имеют много схожего, но, тем не менее, есть и отличия. На площадке RTS START могут размещаться акции компаний, капитализация которых не превышает 3 млрд. руб., а также выпуски корпоративных облигаций объемом не более 500 млн. руб. [1]. Что касается ФБ ММВБ, капитализация должна быть не менее 100 млн. руб., но не более чем 5 млрд. руб. В случае допуска к торгам в Секторе облигаций объем выпуска должен составлять не менее 15 млн. руб. (предельные значения данных критериев могут быть изменены решением Дирекции ММВБ) [2].

Отличительной чертой от РТС является еще и то, что кроме акций и корпоративных облигаций в Сектор ИРК при ФБ ММВБ могут быть включены еще и паи ПИФов [2].

В сегменте RTS START могут размещаться и обращаться ценные бумаги эмитентов, ранее включенные, либо включаемые в следующие разделы Списка ценных бумаг, допущенных к торгам: Котировальный список «Б»; Котировальный список «В»; Котировальный список «И»; Список ценных бумаг, допущенных к торгам без прохождения процедуры листинга (не включенные в Котировальные списки) [4].

На ФБ ММВБ нет такого четкого деления ценных бумаг, допущенных в Сектор ИРК, по принадлежности к котировальному списку. Это подтверждает статья 29 «Процедура допуска ценной бумаги к торгам в Секторе ИРК», раздела 6 Правил листинга, допуска к размещению и обращению ценных бумаг в ЗАО «ФБ ММВБ». В Сектор ИРК могут быть допущены следующие ценные бумаги: внесписочные ценные бумаги с допуском к обращению в Секторе ИРК; внесписочные ценные бумаги с допуском к обращению в Секторе ИРК ценных бумаг, ранее включенные в Перечень внесписочных ценных бумаг ЗАО «ФБ ММВБ»; ценные бумаги из Котировального списка ЗАО «ФБ ММВБ» соответствующей категории с допуском к обращению в Секторе ИРК; ценные бумаги из Котировального списка ЗАО «ФБ ММВБ» соответствующей категории с допуском к обращению в Секторе ИРК ценных бумаг, ранее включенные в Котировальные списки ЗАО «ФБ ММВБ».

Допуск ценных бумаг к размещению в Секторе ИРК осуществляется в соответствии с процедурой, предусмотренной в Разделе 2 Правил, а также с учетом требований, предусмотренных в п.3 статьи 28 шестого Раздела Правил. Ежеквартально биржа осуществляет контроль за соответствием ценных бумаг требованиям, допуска и обращения ценных бумаг в Секторе ИРК [5]. Отмечается, что наиболее мягкими будут требования к эмитентам при размещении и допуске к торгам в Секторе ИРК с включением их акций в котировальный список «И», т.к. эмитенты из этого списка не соблюдают требования по сроку существования, безубыточности баланса, ежемесячному объему сделок за последние три месяца и размеру фри-флоут. Для включения в котировальный список «И» капитализация

обыкновенных акций эмитента должна быть не менее 60 млн. руб., что ниже нижней границы капитализации, установленной для Сектора ИРК [2].

По данным биржи РТС, с эмитентов будут брать стандартные комиссионные за вхождение в котировальные листы «Б», «В» и «И», составляющие до \$700 единовременного платежа, а также около \$200 ежемесячного платежа за поддержание ценных бумаг в этих котировальных листах. Размещения на RTS START обойдется эмитентам в 5-10% от суммы сделки [6].

Комиссионные за вхождение в котировальные листы «Б», «В» и «И», и ежемесячные платежи за поддержание ценных бумаг в этих котировальных листах ниже на ММВБ по сравнению с тарифами ФБ РТС.

В правилах Фондовой биржи ММВБ заявлено, что одним из основных критериев кандидата в Сектор ИРК является инновационный характер бизнеса компании. Приоритет получают компании, осуществляющие хозяйственную деятельность в передовых, высокотехнологичных областях: в сфере телекоммуникаций, в производстве программного обеспечения, интернет- и биотехнологий, а также в отраслях, связанных с реализацией национальных проектов. Также важна динамика и перспектива роста эмитента — кандидата в Сектор ИРК. Как следствие, приоритет при включении в сектор будут получать компании, темпы роста выручки которых составляют не менее 20% по итогам финансового года, предшествующего году включения их ценной бумаги в Сектор ИРК [2, 5, 6]. Перечисленные выше требования являются дополнительными, но не обязательными, они лишь, как упоминалось выше, создают преимущество для входа в Сектор ИРК. Эмитент должен соответствовать хотя бы одному из критериев: хозяйственная деятельность в отраслях, связанных с применением инновационных и высоких технологий или соответствующая капитализация эмитента. Новый Сектор открыт также для молодых растущих компаний других отраслей [2], при этом они должны соответствовать требованиям по капитализации.

Среди обязательных требований к эмитенту, проводящему IPO на RTS START – наличие финансового консультанта, договор с маркет-мейкером на срок не менее полугода [7], а также наличие аналитического отчета. Для Сектора ИРК на Фондовой бирже ММВБ специально создан институт листинговых агентов, наличие договора с одним из которых является обязательным для каждого эмитента Сектора ИРК [2].

Перечень документов для включения ценных бумаг в RTS START [7]:

- 1 Заявление о включении ценных бумаг в Сегмент RTS START (по типовой форме), если заявление подписывает лицо на основании доверенности, то прилагается данная доверенность
- 2 Копия Договора с УФК (для включения в RTS START ценных бумаг из Котировальных списков «Б», «В» и из раздела Внесписочных ценных бумаг), если документ подписывает лицо на основании доверенности, то прилагается данная доверенность
- 3 Договор об оказании услуг маркет-мейкера между Биржей, маркет-мейкером и Эмитентом (по типовой форме) (для включения в RTS START ценных бумаг из Котировального списка «Б» и из раздела Внесписочных ценных бумаг), в 3-х экз., если документы подписывает лицо на основании доверенности, то прилагается данная доверенность
- 4 Аналитический отчет, представляется УФК/маркет-мейкером
- 5 Экспертное заключение от соответствующей профильной организации (при размещении ценных бумаг), представляется УФК.

В случае отсутствия каких-либо из указанных документов, Заявитель обязан составить и передать письмо с перечнем отсутствующих документов и объяснение причины их отсутствия [7].

На ФБ ММВБ помимо стандартного набора документов, подаваемых при IPO, компания будет обязана раскрывать через биржу еще ряд дополнительных документов [5]:

1. инвестиционный меморандум, подробно раскрывающий информацию о финансово-хозяйственной деятельности;
2. корпоративный календарь, раскрывающий для инвесторов годовой событийный ряд компании-эмитента.

Требованиями Сегмента RTS START вводятся два обязательных профессиональных участника рынка ценных бумаг, имеющих лицензию на осуществление брокерской и/или дилерской деятельности на рынке ценных бумаг. Это уполномоченный финансовый консультант (УФК) и маркет-мейкер [8]. Они играют важную роль в размещении и/или обращении ценных бумаг эмитентов малой и средней капитализации [4].

В рамках Сектора ИРК на Фондовой бирже ММВБ для повышения уровня экспертизы предполагается создание Экспертного Совета [6], состоящего из представителей государственных и коммерческих структур, а также независимых экспертов, имеющих опыт работы с компаниями высоких технологий. На ММВБ за подготовку эмитентом документов для включения и поддержания ценных бумаг в Секторе ИРК и за раскрытие информации эмитентом отвечают листинговые агенты. Институту листинговых агентов отводится важная роль в становлении и развитии нового сектора. Он должен облегчить доступ на биржу небольшим, растущим компаниям, как правило, не обладающим достаточным опытом публичности. Листинговые агенты будут способствовать повышению уровня транспарентности этих компаний, обеспечению надлежащей защиты прав инвесторов и минимизации риска распространения недостоверных сведений и информации.

Следует отметить, что участником торгов на рынках Группы РТС может быть только юридическое лицо, имеющее лицензию ФСФР профессионального участника рынка ценных бумаг на осуществление брокерской деятельности и/или дилерской деятельности. Для совершения операций с производными финансовыми инструментами дополнительно необходима лицензия биржевого посредника на совершение фьючерсных и опционных сделок в биржевой торговле, выдаваемая Комиссией по товарным биржам при ФСФР России. Что касается прочих юридических и физических лиц, желающих совершать операции на финансовом рынке, то они должны обратиться к посредникам – профессиональным участникам, имеющим соответствующие лицензии и аккредитованным на бирже [5].

На ММВБ к торгам допускаются не только юридические лица, но и физические. Устойчивый рост рынка стимулирует достаточно быстрое расширение базы частных инвесторов, их число на бирже ММВБ за последний год увеличилось в два раза и превысило 240 тысяч человек [3]. Для начала торговли на ММВБ через удаленный торговый терминал необходимо: заключить договор на брокерское обслуживание; открыть счет-депо в депозитарии; выдать доверенность на попечительство счета-депо компании, обслуживающей брокерское обслуживание. Также к торговле на ММВБ допускаются и коллективные инвесторы – ПИФы [3]. Этот факт тоже может играть определенную роль при выборе фондовой биржи с сектором облегченных требованиями листинга.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: в России существуют две площадки для размещения акций растущих инновационных компаний с очень сходными условиями размещения; какая из них окажется более эффективной – покажет время.

1. Мазин Е. «Российская альтернатива» № 17 «Газета» от 31.01.2007 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.rts.ru/?id=13448>
2. Астреина М. «Сектор ИРК: основные характеристики» № 8 (46) 2007 г. В ФОКУСЕ. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.micex.ru/off-line/indicator/docs/article_1018.pdf
3. ММВБ — Википедия.htm [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%9C%D0%92%D0%91>
4. RTS START/О проекте Ваше будущее зависит от того, каким был Ваш START [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.rts.ru/?id=13156>
5. Правила листинга, допуска к размещению и обращению ценных бумаг в ЗАО «ФБ ММВБ» Зарегистрированы ФСФР России 15 мая 2007 г. Действуют с 20 июня 2007 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.micex.ru/off-line/legaldocs/legal_document_838.doc
6. Кочева О. «Фондовая биржа дала Start» (№ 12 «КоммерсантЪ» от 30.01.2007) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.rts.ru/?id=13447>
7. RTS START / Включение ценных бумаг в RTS START [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.rts.ru/?id=13157>
8. RTS START / Участники RTS START [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.rts.ru/?id=13164>

Киреева М.С.

СПЕЦИФИКА ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМЫ БЮДЖЕТИРОВАНИЯ ОРИЕНТИРОВАННОГО НА РЕЗУЛЬТАТ ПРИ ФИНАНСИРОВАНИИ ИННОВАЦИОННЫХ ЦЕЛЕВЫХ ПРОГРАММ

Орловский государственный технический университет

Процесс реформирования бюджетной системы в Российской Федерации, проходящий в настоящее время, порождает интерес к методам бюджетирования, используемым в других странах. Практикуемая на сегодняшний день система постатейного бюджетирования, основы которой были заложены в конце 1990-х гг., долгое время отвечала требованиям экономической ситуации в стране. Высокая централизация управления общественными финансами, ограниченные возможности для ответственного финансового управления, коррупция - все это делало необходимым строгий контроль над целевым расходованием финансовых ресурсов. Средствами, обеспечивающими такой контроль, являются подробная экономическая бюджетная классификация, в соответствии с которой производится распределение бюджетных средств, детальная бюджетная роспись, порядок утверждения и доведения лимитов бюджетных обязательств. Руководство страны и независимые эксперты сходятся во мнении, что данная модель бюджетирования, несмотря на множество достоинств, изжила себя с точки зрения дальнейшего повышения эффективности управления общественными финансами. Формирование бюджета на основе постатейного бюджетирования, предусматривающего распределение бюджетных средств по видам затрат, создает условия для контроля за целевым использованием бюджетных средств, но не гарантирует, что выделяемые ресурсы расходуются эффективно и обеспечивают реализацию государственной политики [1].

Главными недостатками существующей системы постатейного бюджетирования являются отсутствие системы оценки результативности и эффективности бюджетных расходов, а также низкий уровень ответственности и инициативности нижнего звена государственного (муниципального) управления, отсутствие заинтересованности в экономии средств. Чтобы качественным образом усовершенствовать систему управления общественными финансами, необходимо внедрение новых методов бюджетирования. Эти методы были позаимствованы из мировой практики, где на протяжении уже нескольких десятилетий успешно применяется модель бюджетирования ориентированного на результат (БОР).

В самом общем виде бюджетирование ориентированное на результат, можно определить как систему формирования бюджета, отражающую связь между бюджетными расходами и достигнутыми результатами. Одно из принципиальных отличий БОР от традиционного постатейного бюджетирования состоит в том, что при БОР исполнение бюджета оценивается с точки зрения не только степени исполнения тех или иных бюджетных статей, но и степени исполнения изначально поставленных целей и задач. Для этого разрабатывается и вводится специальная система показателей, позволяющих на регулярной основе отслеживать степень достижения целей и выполнения задач, проводить мониторинг и оценку эффективности бюджетных расходов. Такой подход дает возможность оценить результативность бюджетных расходов, повысить ответственность распорядителей и получателей бюджетных средств за их эффективное использование и на основе полученных данных определить оптимальные пути использования имеющихся ресурсов в интересах граждан [2].

Первые предпосылки перехода к новой модели бюджетирования в России содержатся в Бюджетном послании Президента Российской Федерации на 2004 г., Программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2003-2005 гг.), федеральной целевой программе «Реформирование государственной службы Российской Федерации (2003-2005 гг.)», «Принципах реструктуризации бюджетного сектора в Российской Федерации в

2003-2004 гг. и на период до 2006 г.», а также в Концепции реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2004-2006 гг.

Согласно концепции БОР, в документах о бюджете и бюджетной политике должны найти отражение индикаторы, позволяющие оценить степень выполнения поставленных задач и целей, причем:

1) показатели результативности и эффективности бюджетных расходов должны содержать описание не только показателей, характеризующих объем выполненных работ и услуг (показатели продукта, прямого результата), но и показателей, отражающих качество услуг и социальный эффект их предоставления (показатели конечного результата, социального эффекта);

2) при выборе индикаторов конечных результатов должно учитываться мнение потребителей;

3) оценка степени выполнения изначально поставленных целей должна осуществляться на основе регулярного мониторинга индикаторов результативности [3].

Не смотря на то, что по мнению аналитиков довольно маловероятно, что в ближайшем будущем в России БОР будут внедряться в бюджетный процесс в полной мере, ведь это - агрегирование статей, свобода распоряжения средствами - неизбежно приведет к ослаблению административной дисциплины и может спровоцировать различные злоупотребления [4] уже сейчас необходимо провести анализ применимости данной системы к ее использованию в отдельных типах программ государственной поддержки.

В связи с заявленной парадигмой перехода к инновационному развитию, особую актуальность приобретает проблематика применения системы бюджетирования ориентированного на результат к разработке и реализации региональных и федеральных инновационных программ.

Инновационная программа (инновационный проект) межгосударственного, федерального, межрегионального, регионального, отраслевого уровней - обоснованный интересами рынка комплекс мероприятий, согласованный по ресурсам, исполнителям и срокам их осуществления, обеспечивающий эффективную разработку, создание и освоение инновационного продукта [5]. Так же инновационная программа рассматривается как комплекс инновационных проектов и мероприятий, согласованный по ресурсам, исполнителям и срокам их осуществления и обеспечивающий эффективное решение задач по освоению и распространению принципиально новых видов продукции (технологий) [6].

Таким образом, инновационная программа имеет ряд особенностей:

1) рискованность;

2) целенаправленность;

3) требует значительных затрат;

4) направленные на развитие перспективных (развивающихся) отраслей экономики;

5) срок окупаемости не должен превышать установленных нормативов (как правило, 2 года).

Система БОР при применении к программам инновационного развития сталкивается со следующими сложностями:

1) сложность разработки критериев и показателей, отражающих степень достижимости поставленных целей инновационной программы;

2) возможность ошибочной оценки результатов инновационной программы;

3) изменение сроков реализации инновационных программ в зависимости от специфики инновационного продукта.

Система БОР требует для ее адекватного применения решения следующих проблем:

1) недостатки организации государственного контроля;

2) неполнота критериев и показателей, отражающих эффективность и результат инновационных программ;

3) несовпадение результата с поставленными целями.

Данные проблемы могут быть преодолены за счет использования:

1) осуществление государственного контроля над результатом;

2) определение критериев и показателей, которые наиболее полно и адекватно отражают результат инновационных программ;

3) координация сроков и затрат в зависимости от поблеем, возникающих в ходе реализации инновационной программы.

Таким образом, использование концепции БОР применительно к инновационным программам требует предварительной проработки с учетом их специфики, а использование стандартных схем БОР приведет лишь к увеличению документооборота между подразделениями.

1. «Концепция реформирования бюджетного процесса в РФ в 2004-2006 гг.» Одобрена Постановлением Правительства РФ от 22.05.2004 г. № 249 / СПС «Консультант».

2. «Концепция повышения эффективности межбюджетных отношений и качества управления государственными и муниципальными финансами в РФ в 2006-2008 гг.» одобрена распоряжением Правительства РФ от 03.04.2006. № 467-р / СПС «Консультант».

3. Бюджетное послание Президента РФ Федеральному собранию от 09.03.2007. «О бюджетной политике в 2008-2010 гг.» / СПС «Консультант».

4. Проект «Основы политики РФ в области развития национальной инновационной системы на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу» / СПС «Консультант».

5. Иванов В.В. Методологические аспекты формирования национальных (государственных) инновационных систем // Экономические стратегии. 2006. № 6. С. 45-48.

6. Уваров С.А. Управление государственными расходами в целях оптимизации бюджетного процесса [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.adb.org/Documents/Manuals/Govt_Expenditure/default.asp

7. Якобсон Л.И., Глаголев А.В., Кудюкин П.М. Оптимизация бюджетных расходов на государственное управление и местное самоуправление [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.iet.ru/usaid/optima/optima.html.

Верижникова Е.М.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КОРПОРАЦИИ И ИХ МОТИВИРОВАННОСТЬ К ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Орловский государственный университет

В России разворачивается активное создание новых структур, которые являются по сути смешением двух ранее существующих организационно-правовых форм собственности: акционерных обществ и федеральных государственных унитарных предприятий.

В российском законодательстве первое упоминание о государственных корпорациях относится к 1999 г. В ФЗ «О некоммерческих организациях» была введена норма о новой организационно-правовой форме под названием «государственная корпорация». В соответствии со ст. 7.1. государственной корпорацией признается не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная Российской Федерацией на основе имущественного вноса и созданная для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций [1].

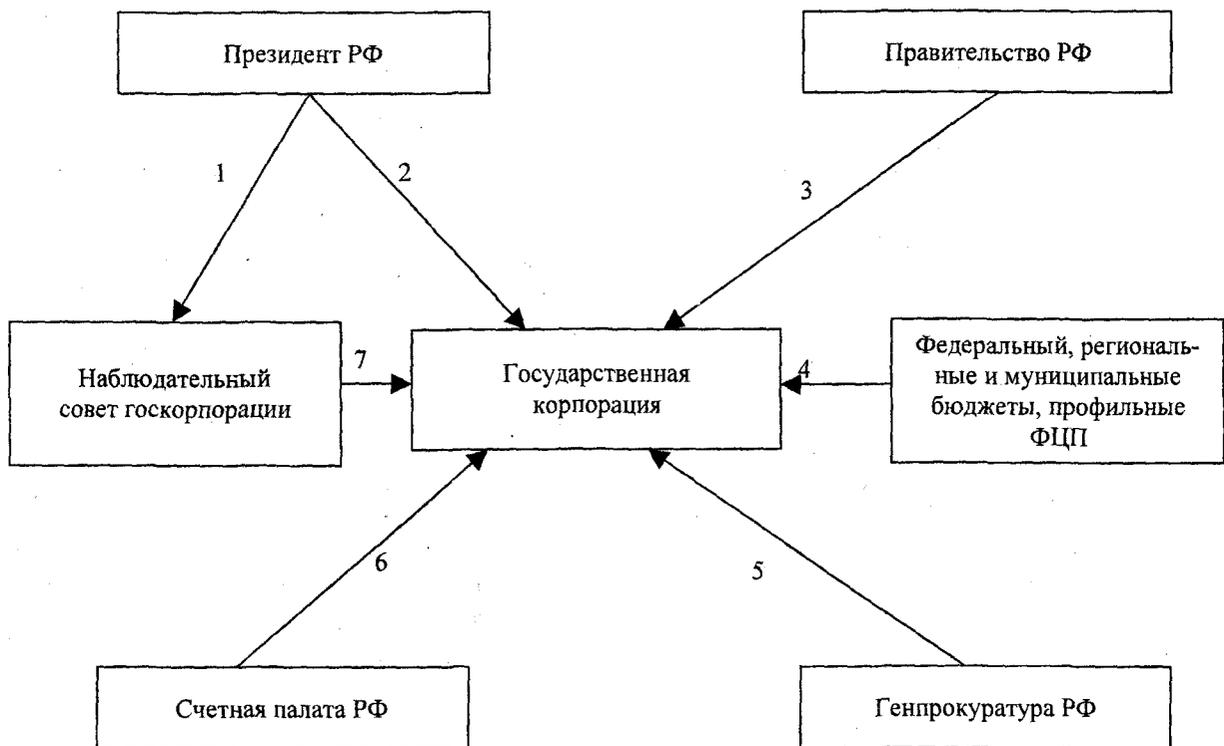
Схема взаимодействия госкорпорации с основными управляющими и контролирующими институтами выглядит следующим образом (рисунок 1).

Следует отметить, что государственная корпорация как ОПФ обладает рядом особенностей:

1. Имущество, переданное государственной корпорации Российской Федерацией, является собственностью государственной корпорации, т.е. имущество госкорпорации не является государственным.

2. Государственная корпорация не отвечает по обязательствам Российской Федерации, а Российская Федерация не отвечает по обязательствам государственной корпорации.

3. Государственная корпорация создается для осуществления социальных, управленческих и иных общественно полезных функций, причем в законодательстве отсутствует детализация или перечень этих самых «общественно-полезных функций».

1. Президент РФ назначает на должность и освобождает от должности членов наблюдательного совета Корпорации и председателя наблюдательного совета Корпорации
2. Президент РФ утверждает: перечень открытых акционерных обществ и государственных унитарных предприятий, которые подлежат передаче Корпорации в качестве имущественного взноса РФ; положение о взаимодействии Корпорации и профильного Министерства РФ; назначает на должность и освобождает от должности генерального директора Корпорации.
3. Правительство РФ утверждает: порядок передачи Корпорации имущественного взноса и перечень федерального имущества имущественного взноса РФ; программу и регламент деятельности Корпорации на долгосрочный период; порядок отчисления средств на формирование специальных резервных фондов Корпорации.
4. Федеральный, региональные и муниципальные бюджеты, профильные ФЦП обеспечивают госкорпорации необходимыми финансовыми средствами.
5. Генпрокуратура РФ обеспечивает контроль за движением финансовых средств и за соблюдение регламента деятельности.
6. Счетная палата РФ осуществляет контроль за деятельностью Корпорации.
7. Наблюдательный совет госкорпорации выполняет следующие функции: определяет порядок инвестирования средств; утверждает финансовый план деятельности на трехлетний период; определяет порядок использования средств специальных резервных фондов Корпорации;

Рис. 1. Схема взаимодействия госкорпорации с внешней средой

На практике, госкорпорации обладают практически неограниченными функциями в плане владения и распоряжения имуществом для выполнения целей, определенных законом, при этом отсутствует точная формулировка этих самых целей. Между тем, в европейских странах, где законодательство использует подобные формулировки, проблем с четкими формулировками не возникает. Например, в Венгрии соответствующий список включает 24 вида деятельности, столько же в Польше [2].

Обращаясь к международному опыту создания аналогичных госструктур нельзя не отметить опыт Великобритании. Там госкорпорация была выбрана в качестве организационно-правовой формы для отраслей промышленности, подвергшихся национализации. И существовала она с 1945 г до начала 1980-х гг. Среди самых известных госкорпораций того времени были: Британская газовая корпорация, Национальный угольный совет, Центральный совет по выработке электричества. Но все они оказались лишь историей, поскольку в итоге привели к большим проблемам с построением эффективной системы управления.

В России создание крупных госкорпораций началось с самого важного – нефти и газа. Государство взяло под контроль «Газпром», который затем купил «Сибнефть» и получил контроль над «Сахалином-2». Еще одна госкорпорация, «Роснефть» получила активы ЮКОСа. В результате доля государства в отрасли выросла до 42 %.

В 2003 г. появилось Агентство по страхованию вкладов. После финансового кризиса 1998 г. необходимость подобной структуры была очевидна. Агентство по страхованию вкладов создано в январе 2004 г. на основании Федерального закона от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации». В целях обеспечения функционирования системы страхования вкладов Агентство осуществляет выплату вкладчикам возмещений по вкладам при наступлении страхового случая; ведет реестр банков-участников системы страхования вкладов; контролирует формирование фонда страхования вкладов, в том числе за счет взносов банков; управляет средствами фонда страхования вкладов.

После этого про госкорпорации забыли на 3 года. Массовое создание госкорпораций в ключевых сферах началось в 2007 г. Первой госкорпорацией «новой волны» стал Банк развития – Внешэкономбанк. Во всем мире процедура создания различных банков развития уже хорошо отработана. К началу 2007 г. в мире было создано и функционировало порядка 750 институтов развития. Однако, все ведущие Банки Развития (Европейский банк реконструкции и развития, Азиатский банк развития, Банк развития Южной Африки, Банк развития Казахстана) созданы в форме акционерных обществ, а в России для него была придумана новая ОПФ? Тем не менее, высокую необходимость Банка развития для российской экономики никто не оспаривает.

Практически одновременно с Банком развития в июле 2007 г. Были приняты законы о создании еще двух госкорпораций – Фонда содействию реформирования жилищно-коммунального хозяйства и Российской госкорпораций нанотехнологий (Роснанотех). Кроме того, указом Президента РФ создал крупнейшую промышленную госкорпорацию, которая объединит лучшие технологии страны. «Ростехнологии» смогут объединить и «авто», и «авио», и даже «нано». Прибыль этой гигантской компании в перспективе должна превзойти доходы от экспорта углеводородного сырья.

Основой новой госкорпорации станет «Рособоронэкспорт» (госпосредник в сфере торговли оружием и военной техникой), а также его дочерние компании: «Оборонпром» (монополист в области вертолетостроения), «Оборонительные системы» (производитель систем противовоздушной обороны), Корпорация «ВСМПО-АВИСМА» (главный мировой поставщик титана), ЗАО «Русспецсталь» (производитель специальных сталей и сплавов для ВПК), ОАО «АвтоВАЗ» и ряд других структур.

В рамках госкорпорации «Ростехнологии» также планируется создание холдинга «Русспецсталь», который может объединить целый ряд металлургических компаний, в том числе волгоградские «Красный Октябрь», и ФГУ «Баррикады», Ступинскую металлургическую компанию, Кулебакский металлургический завод и подмосковный завод «Электросталь». Есть также данные о планах на создание двигателестроительного холдинга на базе «Оборонпрома». И, наконец, в автомобильный холдинг на базе АвтоВАЗа, по некоторым данным, может быть интегрирован КамАЗ[3].

По примеру «Ростехнологий» будут организованы и другие госкорпорации. Считается, что такая концентрация промышленного и прочего капитала в текущих условиях должна привести к быстрым положительным результатам. Например, по мнению руководителя «Ростехнологий» Сергея Чemezова создание госкорпораций «позволит наиболее полно учесть возможности организационно-правовой формы государственной корпорации, специфику ее деятельности т экспорта высокотехнологичной промышленной продукции».

Объединение под эгидой «Ростехнологий» уже дало ощутимый экономический эффект для всех членов госкорпорации. Только один АвтоВАЗ, при неблагоприятной ситуации в российском автостроении, дал в 2007 г. прибыли на 20 % больше, чем годом ранее. Т.е. госкорпорация выступила финансовым и интеллектуальным спонсором дочерних предприятий. Например, после покупки авто-

мобильного гиганта «Рособоронэкспорт» делегировал часть своего менеджерского состава поднимать АвтоВАЗ. Точно также было сделано со всеми приобретенными компаниями.

Таким образом, можно сделать вывод, что не смотря на значительные возможности в механизме функционирования госкорпораций не прослеживается каких либо специфических черт призванных обеспечить их инновационность и инновационность и переход страны на инновационное развитие в целом

1. О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 8 декабря 1995 года. № 7-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации от 01.12.2007. № 317-ФЗ.
2. Николаев И. Осторожно, госкорпорации ! [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.nanonewsnet.ru/blog/nikst/ostorozhno-goskorporatsii>
3. Госкорпорации без границ. Литовкин Д.// <http://izvestia.ru/article3110698>

Мосина Е.И., Самостроенко Г.М.
ДОМИНАНТЫ ЭФФЕКТИВНОЙ ПРОГРАММЫ
ПРОДВИЖЕНИЯ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Орловский государственный технический университет

Стратегия есть способ реализации теории бизнеса в практической деятельности, цель которой - обеспечить организации возможность достижения желаемых результатов.

П. Друкер [1; С. 67]

Сказанное П. Друкером в полной мере относится к стратегии развития региона, которая позволяет целенаправленно искать и использовать благоприятные возможности в интересах сообщества, функционирующего на данной территории.

Успешная реализация миссии и целевых установок стратегии развития региона во многом зависит от эффективности программы её продвижения как на внутреннем, так и на внешнем рынках среди покупателей, в числе которых - отдельные физические лица, коммерческие и некоммерческие организации, предприятия и их работники, органы управления, выступающие от имени населения муниципальных образований, регионов, страны. В этой связи возникает закономерный вопрос: какими должны быть доминанты эффективной программы продвижения стратегии развития региона? Для ответа на этот вопрос нами был организован опрос жителей г. Орла, представляющих наиболее информированный слой населения области в целом. Объём выборочной совокупности составил 500 человек, представленных разными слоями населения.

Прежде всего, было выяснено, какая часть населения осведомлена о наличии стратегии развития. Опрос показал, что из числа опрошенных о наличии стратегии развития Орловской области знают всего 39 %, а 33 % респондентов - не знают о ней практически ничего или же знают в общих чертах (28 %) (таблица 1).

Таблица 1
 Информированность населения о наличии стратегии развития региона,
 % к общему количеству ответов

Информированность населения о наличии стратегии развития	Пол респондентов	
	Мужчины	Женщины
Знают	20,6	18,4
Знают в общих чертах	22,1	5,9
Не знают	13,4	19,6

Причём если процент полностью осведомлённых о наличии стратегии развития среди мужчин и женщин различается несущественно, то число мужчин, знающих о ней лишь в общих чертах, почти в четыре раза превышает аналогичный показатель среди женщин.

К числу наиболее осведомлённых о наличии стратегии развития относятся государственные служащие, собственники и руководители предприятий, а также пенсионеры (таблица 2).

Таблица 2
Информированность населения о наличии стратегии развития области,
% к общему количеству ответов

Информированность населения о наличии стратегии	Социальный статус					
	Студенты	Госслужащие	Рабочие	Работники по найму	Собственники, руководители	Пенсионеры и другие
Известно	2	6	5	6	8	12
Неизвестно	10	2	4	5	2	5
Затруднились ответить	6	4	4	10	7	2

Осведомлены о наличии стратегии развития области 63,2 % из числа опрошенных пенсионеров, 50 % государственных служащих, 47,1 % собственников и руководителей предприятий. На уровне ниже среднего находится информированность рабочих, работников по найму, а также студентов, среди которых о существовании стратегии развития региона знают лишь 11,1 %.

Таким образом, первая доминанта эффективной программы продвижения стратегии развития: обеспечение более глубокого охвата внутреннего рынка покупателей стратегии развития. Актуальность выделенной доминанты определяется постулатом маркетинга: лучший аргумент, обеспечивающий привлекательность товара – осведомлённый покупатель. Однако приведенные выше результаты опроса показывают, что ситуация с осведомлённостью о наличии стратегии развития оставляет желать лучшего. В контексте проводимого исследования этот постулат следует понимать так: о наличии стратегии развития должны быть в максимальной степени осведомлены все потенциальные покупатели данного специфического товара.

Вместе с тем, лишь 29 % опрошенных заявили, что им известно не только о наличии, но и о содержании стратегии развития региона (таблица 3).

Таблица 3
Информированность населения о содержании стратегии развития региона,
% к общему количеству ответов

Информированность населения о содержании стратегии развития региона	Социальный статус					
	Студент	Госслужащие	Рабочий	Работник по найму	Собственник, руководитель предприятия	Пенсионеры и другие
Известно	2	6	2	5	8	6
Известно в общих чертах	-	-	3	1	-	6
Неизвестно	10	2	5	8	4	6
Затруднились с ответом	6	4	3	7	5	1

В общих чертах о содержании стратегии развития лишь известно 10 % респондентов, ничего не известно – 35 %, затруднились ответить на поставленный вопрос 26 %. Среди наиболее информированных вновь оказались собственники и руководители предприятий, госслужащие и пенсионеры. Следует отметить, что ранжирование наиболее информированных респондентов изменилось. На первое место вышли собственники и руководители предприятий, что вполне понятно: для успешного ведения бизнеса они по определению должны учитывать направления развития региона.

Большинство населения города Орла и Орловской области, имеющего различный социальный статус, не удовлетворены степенью информированности о стратегии развития региона (таблица 4).

Таблица 4

Степень удовлетворенности информацией о стратегии развития региона представителей местного сообщества, % к общему количеству ответов

Степень удовлетворенности информацией о стратегии развития региона	Социальный статус					
	Студенты	Госслужащие	Рабочие	Работники по найму	Собственники, руководители предприятий	Другие
Удовлетворены	2	5	-	-	2	-
Скорее удовлетворены, чем нет	4	4	-	4	5	-
Скорее не удовлетворены	3	3	5	7	10	11
Не удовлетворены	7	-	4	9	-	6
Затруднились с ответом	2	-	4	1	-	2

Респонденты высказывают мнение о заинтересованности в получении информации о развитии региона. При этом в большей степени не удовлетворены информацией о стратегии развития пенсионеры (17 % опрошенных), региона работники по найму (16 %), руководители и собственники предприятий (10 %), студенты (10 %). У пенсионеров есть на это свои причины, такие как: слабая социальная защищенность, финансовые трудности, понижение качества жизни. Требовательность руководителей и собственников предприятий к информации объясняется тем, что им необходимо знать не только внутрипроизводственные проблемы, но также и факторы, оказывающие влияние извне, в том числе уровень и направления развития региона, его конкурентоспособность, изменение уровня жизни и т. д. Наёмные работники и студенты заинтересованы в информации о стратегии развития, которая может помочь им в выборе сферы приложения своих знаний и компетенций.

Данные, содержащиеся в таблицах 3-4, позволяют определить вторую доминанту эффективной программы продвижения стратегии развития: усиление коммуникаций с такими представителями местного сообщества, как студенты и рабочие. Охват представителей первого сегмента особенно важен тем, что молодое поколение, во-первых, вовлекается в жизнь общества, во-вторых, может оценить возможности и перспективы своего будущего как специалиста.

Опрос показал, что лишь 26 % опрошенных полагают, что их мнения и запросы учитываются разработчиками стратегических планов (таблица 5).

Таблица 5

Взаимосвязь учёта мнений и запросов представителей местного сообщества разработчиками программ стратегии и их желания принимать участие в формировании стратегии развития, % к общему количеству ответов

Как учитываются мнения и запросы населения и бизнеса разработчиками стратегических планов	Степень готовности местного сообщества принимать участие в формировании стратегии развития региона		
	Есть желание	Нет желания	Затруднились ответить
Учитываются	1	8	2
Скорее учитываются, чем нет	-	10	6
Скорее не учитываются	14	6	9
Не учитываются	10	7	10
Затруднились ответить	-	9	8

В целом свое желание участвовать в разработке стратегии развития выразила лишь четвертая часть респондентов. Большинство респондентов (56 %) ответили на данный вопрос отрицательно, и еще 17 % затруднились с ответом. Следует отметить интересную закономерность: желание принимать участие в формировании стратегии развития региона обратно пропорционально степени учёта

мнений и запросов местного сообщества. Здесь, по нашему мнению, проявляется недостаточная развитость гражданского общества, привычная пассивность населения.

Отсюда следует ещё одна доминанта эффективной программы продвижения стратегии развития: необходим комплекс мер, направленных на формирование у местного сообщества понимания важности участия в разработке стратегии развития региона. Причём данную работу необходимо проводить избирательно, о чём свидетельствуют данные таблицы 6.

Из таблицы 6 видно, что наиболее явное желание участвовать в формировании стратегии демонстрируют собственники и руководители предприятий, а также государственные служащие. Пассивную позицию в этом важном вопросе занимают студенты, рабочие и другие социальные группы.

Таблица 6

Степень желания принимать участие в формировании стратегии развития региона у разных представителей местного сообщества, % к общему количеству ответов

Степень желания принимать участие в формировании стратегии	Социальный статус					
	Студенты	Госслужащие	Рабочие	Работники по найму	Собственники, руководители	Пенсионеры, другие
Желают	3	8	1	-	9	4
Не желают	10	4	5	6	5	10
Затруднились с ответом	5	-	7	15	3	5

Данные опроса позволяют сделать вывод о том, что методы, которыми пользуются при продвижении стратегии развития региона, являются малоэффективными, потому что всего около 39 процентов опрошенных знают о наличии стратегии. При этом основными источниками информации о стратегии развития региона являются: телевидение (29 %), печатные издания (25 %), выступления руководителей региона (18 %). Кроме того, информация о стратегии развития поступает населению через Интернет (11 %), от коллег и знакомых (6 %), а также из других источников (11 %).

Наиболее распространенным источником информации о стратегии развития региона среди собственников и руководителей предприятий является Интернет, коллеги и печатные издания. Респонденты редко называли рекламу в качестве источника получения информации. Отсюда следует ещё одна доминанта программы эффективного продвижения стратегии: необходимость умелого использования методов продвижения стратегии.

В настоящее время для страны и ее регионов характерна активизация работы по стратегическому планированию, начало которой положено обнародованием Президентом В. Путиным концептуальных положений развития страны до 2020 г. В регионах работа над стратегическими планами развития, а также проблемы их реализации, обновления, совершенствования, объективно требует участия в ней широких слоёв местного сообщества. Чтобы избежать негативных последствий от связанных с указанными процессами неизбежных трудностей, необходима соответствующая организация, квалифицированная поддержка специалистов и прогнозирование проблем. Органам управления региона необходимо организовать эффективное продвижение разрабатываемой стратегии развития, что позволит повысить конкурентоспособность региона, степень доверия к власти и проводимой ею социально-экономической политике.

Тем самым будут созданы условия для того, чтобы экономика области стала высокоэффективной, развивающейся в интересах местного сообщества и страны в целом.

1. Друкер П.Ф. Задачи менеджмента в XXI веке. Пер. с англ. М.: Изд. Дом «Вильямс», 2000. 272 с.

2. Самостроенко Г.М. Формирование стратегии развития региона на основе интеграционного маркетинга. Орел: ОРАГС, 2002. 302 с.

3. Панкрухин А.П. Маркетинг территорий. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2006. 416 с.

Исаев Р.А., Кузнецов В.А.

**РАЗРАБОТКА ИНТЕГРАЛЬНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ
НА ОСНОВЕ МЕТОДОЛОГИИ МАКРОСИСТЕМ**

Орловский государственный технический университет

Для управления предприятием не достаточно выявить группы документов, данных и событий пусть даже и связанные между собой некими логическими закономерностями. Для принятия управленческих решений необходимо: во-первых выявить наиболее короткие и значимые цепочки взаимодействий (определить критический путь), а во-вторых оценить насколько фактически сложившаяся траектория развития соответствует желаемой (состояние «образ будущего»).

Суть алгоритм установления соотношений в ДСС-графах и мета графах состоит в следующем. Пусть имеется n вариантов взаимосвязей между документами и/или событиями. Степень тесноты связи i -ой бинарной оппозиции a_i , между документами/событиями (оценивается на основе построения ДСС-графа по технологии data mining и алгоритма «к-ближайший сосед»), а степень достоверности бинарной оппозиции – b_i . Иными словами все связи оцениваются в двух плоскостях. С одной стороны по степени близости (однозначности) вхождения в некую группу документов/событий (шаблонную или сформированную в процессе проведения анализа), а с другой по степени достоверности (проверенности прошлым опытом) метода получения данных (сведения о событии). Так, например, в результате кластеризации, события А и В были охарактеризованы одинаковой теснотой связи с неким событием С, однако сведения о связи событий А и С получены в процессе реализации бизнес-рутин, то есть наиболее достоверны, а между событиями В и С представляют собой экспертное суждение. Очевидно, что предпочтение при построении ДСС графа должно быть отдано связи А – С. Таким образом, суть выявления слабых сигналов (и не обязательно слабых) в ДСС-графе (то есть выявления связей между событиями необходимое для принятия управленческих решений) сводится к задаче о нахождении критического пути. Пример выявления цепочки взаимосвязей в ДСС-графе представлен на рисунке 1. Данное правило можно формализовать в виде системы управлений:

$$\begin{cases} \sum_{i=1}^n a_i x_i \rightarrow \max \\ \sum_{i=1}^n b_i x_i \rightarrow \min \end{cases} \quad (1)$$

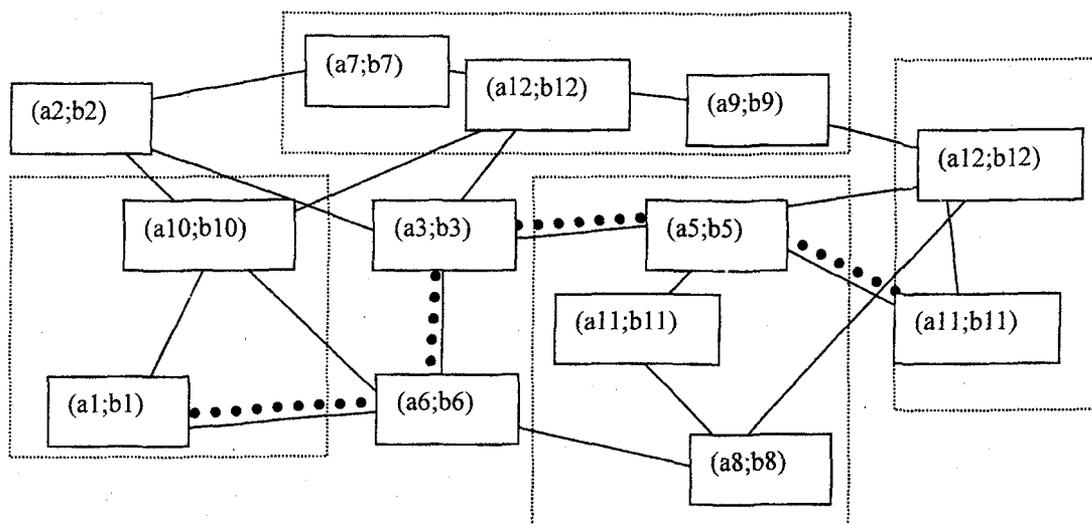

Рис. 1. Пример выявления цепочки взаимосвязей в ДСС-графе

При этом реализуется следующий алгоритм. Обозначим x_i - переменную, принимающую значение ноль (если i -ая взаимосвязь не входит в цепочку взаимосвязей) или единица (если i -ая связь включается). Для решения задачи строится граф по следующим правилам. По оси абсцисс будем последовательно откладывать номера связей, по оси ординат – степень тесноты связи. Из каждой точки (начиная с точки (0; 0)) выходят две дуги - горизонтальная (соответствующая альтернативе «не включать связь в цепочку») и наклонная (соответствующая альтернативе «включить связь в цепочку»), вертикальная проекция которой равна степени достоверности идентификации. Длины наклонных дуг положим равными степени тесноты связи, длины горизонтальных дуг - нулю. Полученный граф (конечная вершина является фиктивной и вес любой дуги, соединяющей ее с другими вершинами, равен нулю) обладает следующими свойствами: любому решению задачи соответствует некоторый путь в этой сети; любому пути соответствует некоторое решение задачи. Таким образом, задача сводится к нахождению пути максимальной длины – типовой задаче в теории графов и сетевом планировании.

Выявление отдельных компонент деятельности предприятия и его узких мест, безусловно, важная задача, однако менеджменту часто бывает важно понимание общей ситуации на предприятии (или его подразделении). Необходимо знать насколько предприятие отклонилось от желаемой траектории развития, то есть ДСС-графа, выводящего предприятие на желаемое состояние («образ будущего»). Данный показатель можно сравнить с температурой пациента, которая не соответствует какому-либо определенному диагнозу, но говорит о том, что в его организме что-то неблагополучно и свидетельствует о необходимости более тщательного обследования. Это и есть слабый сигнал свидетельствующий о необходимости более детального анализа ситуации и, возможно, проведения мероприятий структурно-стратегического реинжиниринга.

Одной из областей применения системного анализа является изучение сложных систем. Понятие сложности в системном анализе — категория скорее качественная, чем количественная. Она не всегда связана с размерами системы, числом факторов, влияющих на ее поведение, количеством составляющих ее частей. Хотя все указанные характеристики дают представление о степени сложности системы.

Но более важным здесь является иной аспект. Суть его в том, приобретает ли система как целое новые свойства по сравнению со свойствами ее частей. При исследовании многих фундаментальных и прикладных проблем приходится сталкиваться с объектами, тип поведения которых как целого существенно отличается от типа поведения их составных частей.

Например, при исследовании управляемой динамической системы стандартной бывает ситуация, когда система как целое устойчива, а ее отдельные части неустойчивы, и наоборот. Молекулы газа, находящегося в сосуде, хаотически движутся, а в результате масса газа приобретает вполне определенную температуру. Обмен ресурсами в условиях рыночной экономики — явление в значительной степени случайное, но в результате многократных актов индивидуальных обменов устанавливается некоторая постоянная норма прибыли.

Системы, в которых стохастическое поведение составляющих их элементов преобразуется в детерминированное поведение системы как целого принято, называть *макросистемами*.

Для определения стационарных состояний однородных макросистем формируются математические модели, в которых используется принцип максимизации энтропии системы. Стационарное состояние макросистемы характеризуется распределением элементов по группам близких состояний и зависит от механизма их заполнения. Рассмотрены три класса моделей, соответствующие статистикам Больцмана, Ферми—Дирака, Бозе—Эйнштейна.

Модели стационарных состояний (МСС) характеризуются задачами математического программирования (задачами на условный экстремум) с энтропийной целевой функцией.

Рассмотрим абстрактную макросистему, содержащую U неразличимых элементов со стохастическим типом поведения. Пусть каждый элемент может иметь состояние из p классов $\Theta_1, \Theta_2, \dots, \Theta_p$. Классификация состояний устроена так, что классы $\Theta_1, \Theta_2, \dots, \Theta_p$ не пересекаются.

Обозначим $\Omega^1, \Omega^2, \dots, \Omega^\rho$ — множества состояний, где $\Omega^i \in \Theta_i$ ($i \in 1, \rho$). Будем далее предполагать, что множества Ω^i — дискретные и содержат конечное число элементов.

Сами состояния как элементы множеств $\Omega^1, \Omega^2, \dots, \Omega^\rho$ могут быть следующих трех типов: а) ферми-состояния (в каждом состоянии может находиться только один элемент); б) эйнштейн-состояния (в каждом состоянии может находиться любое количество элементов); в) больцман-состояния (среднее количество элементов в множествах $\Omega^1, \Omega^2, \dots, \Omega^\rho$ существенно меньше их емкости).

Множества состояний Ω^i ($i \in 1, \rho$), содержащие состояния одно из указанных типов, устроены так, что в них можно выделить подмножества Ω_n^i ($n \in i, m_i$) «близких» состояний, которые удовлетворяют следующим условиям:

$$\Omega^i = \bigcup_{n=1}^{m_i} \Omega_n^i, \quad \Omega_{n_1}^i \cap \Omega_{n_2}^i = \emptyset \quad (3.2)$$

для любых $n_1, n_2 \in 1, m_i$.

Под *микросостоянием* системы понимается размещение элементов от 1-го до Y -го, по состояниям из подмножеств $\Omega_1, \Omega_2, \dots, \Omega_\rho$.

Микросостояние характеризуется списком с указанием номера элемента и подмножества, в котором он оказался: 1-й элемент — в Ω_2 ; 2-й элемент — в Ω_1 ; ...; Y -й элемент — в Ω_m .

Однородная макросистема — это такая макросистема, элементы которой могут принимать состояния только одного класса.

Под *макросостоянием* понимается размещение определенного количества элементов по подмножествам $\Omega_1, \Omega_2, \dots, \Omega_m$.

Макросостояние характеризуется набором N_1, N_2, \dots, N_m чисел *заполнения* элементами соответствующих подмножеств $\Omega_1, \Omega_2, \dots, \Omega_m$.

Методические основы расчета характеристики степени благополучия предприятия (полный ДСС-граф и мета графы предприятия) или его отдельных его подразделений (частные ДСС-графы) относительно соответствия «образу будущего», на наш взгляд, должны основываться на энтропийном подходе, базовое уравнение которого выглядит следующим образом:

$$P_E(N) = \prod_{n=1}^m \frac{(G_n + N_n - 1)!}{N_n! (G_n - 1)!} \times a_n^{N_n} \times (1 - a_n)^{G_n - 1}, \quad (3.3)$$

где $P_E(N)$ — функция распределения вероятностей (для статистики Бозе–Энштейна, которая соответствует условиям решаемой задачи)

G_n — емкость подмножества — совокупность элементов вошедших в ДСС-граф (для статистики Бозе–Энштейна, $G_n \leq N_n$, то есть существует возможность последовательного упрощения системы взаимодействующих элементов и перехода к системе мета графов);

N_n — число элементов (количество элементов контролируемых в графе «образ будущего»);

m — число вариантов макросостояний системы (уровней «благополучия предприятия», обычно, бывает достаточно семи: зона кризиса; зона опасности, зона риска, зона внимания, зона спокойствия, зона безразличия, зона благополучия);

n — количество подмножеств (в данном случае количество интервалов, на которые разбивается «степень благополучия»);

a_n — вероятность попадания объекта в подмножество (в данном случае вероятность того, что элемент ДСС-графа (данные или события) будет соответствовать одному из интервалов « m »).

Физическая энтропия — $E_E(N)$, то есть наиболее вероятное значение макрохарактеристики системы (в термодинамических системах — это температура, а в данном случае степень «благополучия компании» или его структурного подразделения) вычисляется по формуле:

$$E_E(N) = \sum_{n=1}^m G_n (\ln(1 - a_n) - \ln G_n) + H_E(N) + E_0, \quad (3.4)$$

$$H_E(N) = - \sum_{n=1}^m N_n \times \ln \frac{N_n}{a_n} - (G_n + N_n) \times \ln(G_n + N_n),$$

где

$$E_0 = k \times \ln A \quad (3.6)$$

где A – нормировочная константа;

k – параметр, определяющий единицу измерения энтропии (для термодинамических систем k постоянная Больцмана).

Таким образом, менеджер получает в распоряжение инструмент для определения степени соответствия фактической траектории развития предприятия, желаемой.

Выходов И.А. АНАЛИЗ УРОВНЯ КОНКУРЕНЦИИ И ЭФФЕКТА «ПОТЕРИ БЛАГОСОСТОЯНИЯ» В ОТРАСЛЯХ С НАЛИЧИЕМ СЕТЕВЫХ ЭФФЕКТОВ

Орловский государственный технический университет

Традиционно выделяется три типа потерь благосостояния от монополии:

1. Потери аллокативной эффективности;
2. Потери производственной эффективности;
3. Потери динамической эффективности.

Сетевая экономика, точнее сказать отрасли для которых характерно проявление сетевых эффектов реагируют на монополизацию далеко не так однозначно.

Разработка системы показателей, способных дать оценку состоянию, уровню и направлению развития конкуренции на российских рынках, приобретает в последнее время всё большую актуальность вследствие растущего влияния структуры рынков как на стратегии предприятий, так и на решения органов государственной власти.

Наиболее популярный обобщающий показатель — коэффициент Герфиндаля — Гиршмана (ННІ) — учитывает как число предприятий, так и неравенство их положения на рынке и характеризует уровень монополизации [1]. Значение коэффициента снижается с увеличением числа предприятий и возрастает с усилением неравенства между предприятиями при любом их количестве. При возведении в квадрат долей рынка коэффициент дает более высокий вес показателей крупных предприятий, чем мелких. Это означает, что если данные о долях рынка очень мелких предприятий отсутствуют, то итоговая ошибка будет невелика.

Коэффициент Герфиндаля — Гиршмана вычисляется как сумма квадратов долей всех предприятий, действующих на рынке, и может изменяться в долях или процентах:

$$ННІ = \sum_{i=1}^{i=n} Y_i^2, \quad (1)$$

где ННІ - индекс Герфиндаля — Гиршмана;

n – количество фирм, действующих на рынке;

Y_i – рыночная доля фирмы.

Чем меньше ННН, тем меньше концентрация, тем при прочих равных условиях сильнее конкуренция на данном рынке и тем слабее рыночная власть отдельных предприятий. Для конкурентного рынка (если число предприятий на нем превышает 100) ННН *стремится* к 0, для монопольного рынка - к 1.

В соответствии с различными значениями коэффициента Герфиндаля — Гиршмана по степени концентрации выделяются три типа рынков: высоко-, средне- и низкоконицентрированные.

Высококоницентрированные $0,2 < \text{ННН} < 1$

Среднеконицентрированные $0,1 < \text{ННН} < 0,2$

Низкоконицентрированные $\text{ННН} < 0,1$

Показатели рыночной концентрации позволяют оценить степень монополизации рынка, равномерность распределения продавцов на нем. Чем больше продавцов с равными по масштабам объемами предложения на рынке, тем меньше соответствующие показатели.

Наряду с положительными характеристиками ННН обладает существенным недостатком — для его расчета необходима полная аналитическая база обо всех субъектах рынка, что является достаточно проблематичным в условиях дефицита информации о показателях деятельности субъектов рынка.

Существует такое предположение, что уровень конкуренции и благосостояние населения имеют тесную взаимосвязь. Попробуем разобраться с этим утверждением на примере работы операторов сотовой связи в рамках российского рынка. В качестве показателя благосостояния будет использоваться средняя цена на услуги.

Доли операторов на рынках Москвы, Санкт-Петербурга и Ленинградской области, а так же на рынках регионов представлены в таблицах 3, 4, 5 в процентном соотношении к общему рынку объему рынка [6].

Таблица 1
Доли Операторов на Московском Рынке.

	2004	2005	2006
МТС	44,7	43,5	43,2
БиЛайн	44,3	43,6	40,1
Мегафон	9,7	12,1	15,8

Таблица 2
Доли Операторов Санкт-Петербурга и Ленинградской области

	2004	2005	2006
МТС	32,1	32,4	33,0
БиЛайн	16,0	19,1	22,0
Мегафон	44,6	41,7	37,1

Таблица 3
Доли Операторов в регионах.

	2004	2005	2006
МТС	32,1	33,4	33,4
БиЛайн	31,8	33,2	32,8
Мегафон	19,9	17,9	17,4

На основании Таблиц 1, 2, 3 и используя формулу (1) рассчитываем соответствующие коэффициенты Герфиндаля-Гиршмана.

Средняя цена рассчитывается как среднее арифметическое значение стоимости минуты вызова. Здесь учитываются входящие и исходящие, локальные и междугородние вызовы указанных трех операторов, с учетом обязательных платежей, таких как абонентская плата, стоимость соединения и т.д. [7, 8, 9] Полученные результаты представим в Таблице 4.

Таблица 4

Соотношение цены и концентрации на рынке сотовой связи

Год	НН1	НН2	НН3	Р _{ср}
2004	0,41	0,33	0,24	5,97
2005	0,39	0,32	0,25	3,77
2006	0,37	0,29	0,25	2,8

где НН₁ - коэффициент Герфиндаля — Гиршмана для Москвы и Московской области

НН₂ - коэффициент Герфиндаля — Гиршмана для Санкт-Петербурга и Ленинградской области

НН₃ - коэффициент Герфиндаля — Гиршмана для регионов

Р_{ср} – средняя цена стоимости услуг сотовой связи (исходящие и входящие вызовы, с учетом обязательных платежей).

При рассмотрении данной проблематики использовались данные, относящиеся к трем ведущим российским операторам сотовой связи (МТС, Билайн и Мегафон), т.к. долей на рынке остальных можно пренебречь вследствие их незначительного влияния на картину в целом.

В результате анализа исследования можно сделать следующие выводы:

- уровень концентрации высок, хотя приближается к среднему;
- хотя на лицо снижение средних цен на услуги, но оно незначительно и не зависит от степени монополизации на рынке, т.к. за исследуемый период значительного изменения уровня конкуренции не наблюдалось. Существуют теории, доказывающие что в результате того, что сотовая связь становится доступнее, прирост пользования услугами и самих пользователей услуг, значительно превышает издержки операторов на снижение цены. Данный прирост можно сравнить с сетевым эффектом, а издержки на снижение цен носят линейный характер. Так же снижение цены может происходить в результате укрепления национальной валюты (по отношению к доллару США).

На первый взгляд, предположение о связи уровня конкуренции и благосостояния показало свою состоятельность, однако возможно это не так. Возможно существует ряд факторов которые не были учтены, например исследуемый период слишком мал, специфичность отрасли. Так же вероятно ошибка в выборе показателя уровня благосостояния как средней цены услуг. Тем не менее спорность применения стандартных закономерностей для отрасли с сетевыми эффектами очевидна

1. Князева И.В. Антимонопольная политика в России. М.: Омега-Л, 2007.
2. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962.
3. Чемберлин Э. Теория монополистической конкуренции/пер. с англ.; под. ред. Ю.Я. Ольсевича. М.: Экономика, 1996.
4. Шерер Ф., Росс Д. Структура отраслевых рынков / пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 1997. Т. 6.
5. Авдашева С.Б., Шаститко А.Е., Калмычкова Е.Н. Экономические основы антимонопольной политики: российская практика в контексте мирового опыта // Экономический журнал высшей школы экономики. Т. 11 № 1. 2007.
6. Электронный ресурс // Режим доступа: www.sotovik.ru
7. Электронный ресурс // Режим доступа: www.mts.ru
8. Электронный ресурс // Режим доступа: www.beline.ru
9. Электронный ресурс // Режим доступа: www.megafone.ru

Тепков Д.В., Кузнецов В.А.

РАЗРАБОТКА КОНЦЕПЦИИ СТРУКТУРНО-СТРАТЕГИЧЕСКОГО РЕИНЖИНИРИНГА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Орловский государственный технический университет

Анализируя классическое наследие мы можем увидеть, что структурные преобразования в организациях и управление предприятиями на основе алгоритмов стратегического менеджмента переплетаются самым причудливым образом. Согласно одним работам структура всегда следует за стратегией. Согласно другим – стратегия – сама продукт сложившихся взаимоотношений между элементами организации, проявление организационной культуры. Организационная структура – один из самых противоречивых элементов предприятия. Если попытаться проанализировать эффективность предприятий с различной организационной структурой и реализующих различные стратегии, то мы увидим, что выделение какой либо группы «эффективных» структур практически не возможно. Предприятий сходных сфер деятельности имеют, как правило, аналогичные организационные структуры, однако, одни из них работают стабильно на протяжении многих лет, другие находятся на грани банкротства и исчезают. С одной стороны организационная структура ограничивается целым рядом объективных факторов: технология, география рынков, способность человека воспринимать и интерпретировать информацию, с другой стороны именно организационная структура определяет такие жизненно важные способности предприятия как быстрота и адекватность реакции на изменение окружающей среды, способность к восприятию инноваций и т.д. Таким образом, говоря об «эффективности» организационной структуры предприятия, как и в случае выбора «эффективных стратегий» следует говорить не об эффективности как таковой, а об адекватности применения подхода к текущим параметрам внешней и внутренней среды.

Разнообразные подходы к организационному проектированию обладают рядом обобщающих принципов:

- функции - первичны, организационная структура - вторична. Четко сформулированные функции (функциональное назначение предприятия) - первый и крайне важный исходный параметр, к обеспечению которого должен стремиться разработчик;
- не может быть идеальной типовой структуры и системы управления, с одинаковым успехом функционирующей в разных местах и условиях, хотя бы уже в силу того, что в них будут задействованы разные люди;
- организационный проект фирмы должен быть перспективным, рассчитанным "на вырост", т.е. на достижение целей будущего, отсюда - необходимость ориентации на данные активного маркетинга и служб долгосрочного прогнозирования;
- схемы организационной структуры следует проектировать снизу вверх, образуя сначала основные производственные подразделения фирмы (филиалы), потом ремонтные, вспомогательные и обслуживающие подразделения, работающие в режиме сервиса для всей фирмы;
- отсутствие нормативов для проектирования имеет и свою положительную сторону. Это дает возможность и даже обязывает разработчика проектировать любой элемент структуры альтернативно, в различных вариантах, просчитывая их сравнительную эффективность и выбирая оптимальный [64];
- признаком хорошего баланса ответственности, прав и компетенции работника является минимум его обращений к своему руководству: он знает, как и что делать, и его прав для этого хватает;
- при проектировании аппарата управления компании целесообразно максимально совмещать должности руководящих лиц по вертикали;
- в среднем звене управления следует практиковать совмещение должностей по горизонтали как внутри отделов, так и между отделами, имеющими тесные кооперационные связи (например, финансовый отдел и бухгалтерия);

- при комплектовании рабочих мест и численности аппарата управления среднего звена следует руководствоваться «эффектом отсутствия». Его суть в том, что временное отсутствие работника сразу сказывается на работе подразделения вследствие разрыва производственных или информационных связей, из-за чего блокируется и останавливается производств

Однако по мере роста сложности производственных систем реинжиниринговый подход сталкивается с все большими трудностями. Экспертный анализ производственных систем даже с использованием информационных технологий и методологии «построения снизу» не отвечает требованиям гибкости и скорости реакции, часто выстроенная система к моменту ее внедрения уже устарела. Все это требует разработки процессов автоматического отслеживания внутренней и внешней среды предприятия и выявления наиболее уязвимых с точки зрения адаптивности участков с последующей их реструктуризацией.

Сущность предлагаемой концепции структурно-стратегического реинжиниринга заключается в отказе от разрешения проблемы дихотомии «стратегии» и «структуры» в пользу одной из ипостасей адаптивного поведения предприятия. По аналогии с «максимами» реинжиниринга, сформулируем основные тезисы концепции структурно-стратегического реинжиниринга:

- и «структура» и «стратегия» - набор правил (формальных процедур); в одном случае относительно принятия решений - стратегия; в другом – относительно взаимодействия компонентов – структура;

- развитие предприятия по желаемой траектории можно представить в виде аттрактора: структура выступает в качестве «пространства построения», то есть типизированной функции, а стратегия в виде ее параметров данной функции «шагов» сочетание структуры и стратегии (типа функции и ее параметров) обуславливает тип аттрактора и возможность прохождения организацией соответствующих контрольных (реперных) точек;

- структура и стратегия инварианты – существует весьма ограниченный набор стратегий реализуемых в рамках существующей структуры управления, изменения в одном компоненте адаптивного поведения неизбежно ведет к изменениям в другом;

- трудно и опасно изменять сразу оба компонента адаптивного поведения (и стратегию и структуру) – для изменения следует выбрать компонент на основании компромисса между «легкостью изменения» (мобильностью) и «степенью устаревания» (несоответствием состоянию внешней среды);

- принятие решения об изменениях в стратегии или структуре должно учитывать степень соответствия тенденции изменения конкордатных показателей общему состоянию предприятия как целеустремленной системы;

- рассогласование между тенденциями изменения в стратегии и структуре фирмы – признак неблагоприятного адаптационного поведения;

- решения об изменениях в стратегии хозяйствующей единицы и ее структуре должны приниматься на основании единой системы критериев эффективности и показателей мониторинга внешней и внутренней среды.

- основная решаемая проблема структурно-стратегического реинжиниринга это не собственно оптимизация организационной структуры или стратегии компании, а рамках контура управления по слабым сигналам выявление и предотвращение так называемого «эффекта бабочки», то есть распознавание незначительных в текущий момент деятельности изменений способных привести к существенным изменениям траектории развития компании в будущем, именно в этом заключается основная задача структурно-стратегического реинжиниринга.

Единственной управленческой концепцией ориентированной на выявление и предотвращения «эффекта бабочки» в управленческих системах является создание управленческих систем ориентированных на управление по слабым сигналам.

Слабый сигнал — это ситуация когда руководители или эксперты на уровне интуиции чувствуют, что на рынке должно что-то произойти, но не представляют пока сам источник опасности (или

новой возможности) для бизнеса; слабый сигнал еще сравним с уровнем «шума» и может оказаться ложной тревогой.

Увеличение силы сигнала — причина возможных изменений на рынке (появление новых технологий, новых потребностей или ценностей у потребителей и т.п.) становится очевидной, но сами изменения еще не произошли, явления еще нет; величина сигнала уже значительно превышает «шумовой порог».

Восприятие сигнала — явление уже есть, конкретная возможность (опасность) для бизнеса установлена; величина сигнала достаточна, чтобы развеять последние сомнения в грядущих переменах, что предполагает необходимость перехода на более высокие уровни осведомленности, когда появится возможность просчитать величину необходимых капиталовложений и возможных доходов при адекватной реакции фирмы на новые изменения на рынке.

По мере увеличения силы сигналов особенно важными представляются следующие три последовательных шага:

- «ушки на макушке» — активизация сбора информации о рынке и анализа такой информации при первом появлении слабых сигналов;

- «разминка» — подготовка фирмы к действиям на случай подтверждения информации о новых возможностях/опасностях на рынке при увеличении силы сигналов;

- «рывок» — энергичные практические действия по использованию реальных и уже очевидных всем изменений в рыночной ситуации в обгон конкурентов, которые из-за того, что для них новые рыночные изменения явились полной неожиданностью, стоят в нерешительности «на старте».

Представленный выше алгоритм управления по слабым сигналам пожалуй единственно приемлемый подход к оперативному реагированию на изменения внешней и внутренней среды, обуславливающие применение тех или иных стратегий в области организационного строительства промышленных предприятий. Естественно, что управление по слабым сигналам не сводится к провозглашению приверженности руководства к определенным схемам принятия управленческих решений, а требует изменения стиля деятельности, стиля мышления.

Ответственные за выпуск

Садков В.Г., Аронов Д.В.

Известия ОрелГТУ. Социально-экономические и гуманитарные науки. 2007. № 2. 119 с.

Техническое редактирование

Д.В. Аронов, П.Н. Машегов

Лицензия № ИД 00670 от 05.01.2000

Подписано в печать 31.03.2007

Формат 69х90/8.

Бумага офсетная.

Печать ризография.

Гарнитура «Таймс».

Печ.л. 7,6

Тираж 500 экз.

Заказ № 17/08по

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ОрелГТУ
302030 г. Орёл, ул. Московская, 65.